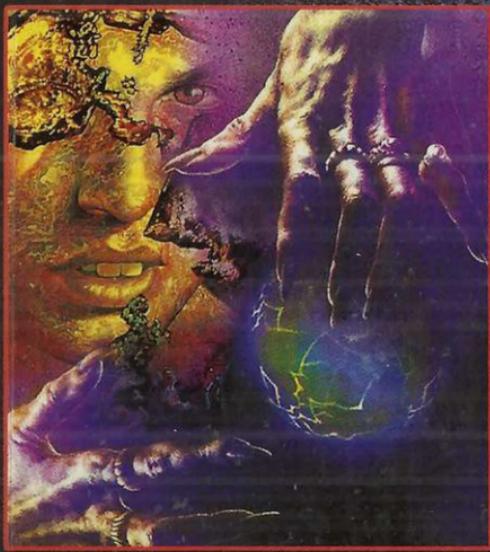

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

ц е л и т е л ь

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

*Издательство «Центрполиграф»
выпустило в свет романы Ф. Пола Вилсона
в серии «Наладчик Джек»*

МОГИЛА
НАСЛЕДНИКИ
БЕЗДНА
ЯРОСТЬ
ПОЖИРАТЕЛИ СОЗНАНИЯ
КРОВАВЫЙ ОМУТ
ВРАТА

в серии «Ночной мир»

ЗАМОК
МОГИЛА
ПРИКОСНОВЕНИЕ
РОЖДЕННЫЙ ДВАЖДЫ
АПОСТОЛ ЗЛА
НОЧНОЙ МИР

в серии «Федерация Ла Нага»

ЦЕЛИТЕЛЬ

F. PAUL

WILSON

H E A L E R

A NOVEL

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

ц е л и т е л ь

РОМАН

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2006

УДК 820(73)-31

ББК 84(7Сое)

В44

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

*Художественное оформление
И.А. Озерова*

Вилсон Ф. Пол

Б44 Целитель: Роман / Пер. с англ. Е.В. Нетесовой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 254 с.

ISBN 5-9524-2099-0

Планетарный разведчик Стивен Дейт случайно приобретает симбионта. Теперь он бессмертен, у него двойной разум и сверхчеловеческие способности, используя которые он помогает людям. А тем временем на другом краю Млечного Пути неизвестная раса готовится напасть на человечество, чтобы уничтожить его...

УДК 820(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 5-9524-2099-0

Healer
Copyright © 1976 by F. Paul Wilson
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2006

Ц Е Л И Т Е Л Ь

РОМАН

Посвящается Мэри

Все персонажи книги вымышленны, любое сходство с реальными людьми, живыми и мертвыми, чисто случайно

Пролог

Доктор Ронд наблюдал за толпой, бурлившей за больничными воротами.

Шумные, напирающие, толкавшиеся, колышущиеся людские волны старались пробиться в больницу. В большинстве своем люди стремились хоть мельком взглянуть на Целителя, кое-кто жаждал к нему прикоснуться — еще лучше, чтоб он их коснулся, — в надежде на исцеление от разнообразных болезней. Очень многие в самом деле излечивались.

Доктор Ронд изумленно качал головой, удивляясь силе плацебо, исходившей от этого человека.

Сначала потребность в усиленной охране больницы в связи с присутствием Целителя внушала доктору сомнения в разумности его приглашения. Но, видя, какие чудеса творятся с местными жертвами припадков белой горячки, он себя поздравил с подобным решением.

Доктор Ронд, повернувшись спиной к окну, поглядел в другой конец комнаты. Целитель работал с очередным страдальцем, на сей раз с мужчиной средних лет.

Внешность у так называемого Целителя впечатляющая. Шнурок с огненным камнем на шее, золотисто-желтая кожа на левой кисти руки, копна темных волос с белоснежной прядью на макушке...

Он сидел напротив пациента, положив ладони ему на колени, склонив голову как бы в дремоте. На лбу выступил пот, веки дергались. Через несколько минут застывшая картина треснула по швам: больной вдруг со стоном вскочил, огляделся:

— Г-где я?..

Из углов выскоцьнули санитары, осторожно подхватили его под руки, повели прочь с успокаивающими речами. Доктор Ронд посмотрел ему вслед. Теперь для полного выздоровления достаточно традиционных терапевтических методов. Но первый важнейший прорыв совершают Целитель: пациент, на протяжении семи стандартных лет не реагировавший на внешние стимулы, поинтересовался, где он находится.

Доктор снова затряс головой, на сей раз восхищенно, переключая внимание на обмякшего на стуле Целителя.

Весьма обременительный дар, думал он. За него приходится расплачиваться дорогой ценой...

Доктор не раз подмечал привычку Целителя бормотать про себя. Наверняка сам психически ненормален. Возможно, тут и кроется секрет его уникальных талантов. В перерывах между приемом больных как бы полностью отключается, то и дело что-то шепчет, устремляет невидящий взгляд в одну точку в пространстве. Видно, в такие моменты уносится мыслями за сотни лет, за тысячи миллионов километров...

Часть первая ИСЦЕЛИСЬ САМ

Год 36-й

Целитель был необыкновенной, поразительной личностью, которая представляет собой, пожалуй, самую сокровенную тайну в истории человечества. После сотен тысяч попыток бесчисленных исследователей раскрыть ее она по сей день остается загадкой. Нет сомнений, что он, подобно древним романтическим литературным героям, вел двойное существование. Учитывая окружавшее его истерическое обожание, исключительно *alter ego*¹ могло обеспечить ему хоть какую-то личную жизнь.

Однако по неким необъяснимым причинам двойная жизнь стала объектом мифологизации, составив один из первых канонов литургии Целителя, согласно которому он имел два разума, две отдельные области восприятия и поэтому обладал способностью к чудесным исцелениям.

Безусловно, абсурдное утверждение.

Из книги Эммерца Фента
«Целитель: человек и легенда»

¹ Второе «я» (лат.). (Здесь и далее примеч. пер.)

Орбитальная разведка указывала на эту поляну как на вероятное место крушения, но дальнейшие поиски не выявили следов катастрофы. И при ближайшем рассмотрении Стивен Дейлт не особенно преуспел. Да, здесь что-то не так давно упало, произведя колоссальный эффект: земля глубоко вспахана, несколько деревьев обуглены, борозда не совсем еще заросла травой. Ладно, пока неплохо. А обломки где? Он тщательно оглядел деревья вокруг поляны — ничего интересного. Теперь очевидно, что, вопреки изначальным надеждам, проблема легко и быстро не решится, поэтому Стивен пустился в обратный путь к припрятанному за полкилометра космическому челноку.

Поднимаясь на холм, заросший лиственными деревьями, оглянулся на долетевший слева окрик, увидел небольшой отряд колонистов верхом на конях — тепендианцев, судя по одежде. Удивительная картина ошеломила его. Такого просто не может быть почти в самом центре герцогства Бенделемского: Бенделема воюет с Тепендией на протяжении жизни многих поколений. Пожав плечами, Дейлт пошел дальше. Он много лет здесь не был, за это время отношения между герцогствами вполне могли как-то наладиться. Перемены в отколовшемся мире — неизбежное правило.

Один из колонистов прицелился из какого-то громоздкого орудия, что-то чмокнуло у виска. Дейлт, пригнувшись, метнулся вправо. Вот по крайней мере одно новшество, возникшее за время его отсутствия: кто-то заново изобрел самострел.

Копыта тепендианских коней зацокали в погоне, он скатился по склону к промозглой сырой полутемной пещере, вдвое прибавил скорости, отлично понимая, с какой легкостью преследователи настигнут его в низине и загонят в ловушку. Пока не окружили, надо взобраться повыше с другой стороны. Наполовину поднявшись на дальний холм, он замер на месте, слыша топот копыт впереди. Всадники успешно отрезали путь.

Дейлт повернулся и начал тихонько спускаться. Если б просто на глаза не попасться, может, они подумают, что он выскользнул из кольца, окружившего гrot. Потом, когда стемнеет...

Стрела попала в камень под ногами.

— Вон он! — раздался чей-то крик, и Дейлт опять побежал.

На ходу принял мысленно взвешивать ситуацию. Если бежать дальше, в него так и будут стрелять, и в конце концов чья-то стрела попадет. Если остановиться, возможно, появится шанс. Может, его оставят в живых. Тут он вспомнил, что переодет в крепостного, а крепостных, убегающих от людей в военной форме, обычно пронзают мечом. Дейлт бросился вперед.

Пролетела другая стрела, кора брызнула с дерева неподалеку. Всадники приближаются — явно опытные в подобных делах, они скоро загонят его в пещеру, в безвыходную ловушку.

Тут перед ним возникло входное отверстие грота, широкая низкая темная арка чуть выше по склону, высотой приблизительно полтора метра в центре. Под градом сыпавшихся вокруг стрел он поспешно нырнул туда.

Пещера не слишком просторная. В сырой темноте сразу выяснилось, что она быстро сужа-

ется, превращаясь в туннель, куда не пройдут даже плечи. Остается забиться как можно дальше и надеяться на лучшее, что, впрочем, не так легко представить. Если преследователи неожиданно вытащивший из пещеры героя, вполне достаточно просто уснуть у входа и засыпать грот стрелами. Рано или поздно какая-нибудь птица подадет сигнал, и всадники выглянут из пещеры, чтобы разведать, что они предпринимают.

Однако пятеро всадников ничего не предпринимали. Сидели на конях, тупо глядя в пещеру. Один из них опустил арбалет, стал пристраивать за спину. Дейлт не успел удивиться подобному поведению, мигом догадавшись, что совершил роковую ошибку. Он забежал в пещеру на планете Квадри, а на Квадри едва ли найдется хоть одна пещера, где не ютится колония крылатых.

Припав к земле, он бросился наружу. Уж лучше попытать удачу со стрелами, чем с крылатыми. Но при первом же шаге с потолка пещеры прямо на голову обрушилось что-то пушистое, теплое, продолговатое. В ушах заревел оглушительный вой, в глазах замелькали оранжевые, желтые, зеленые круги. Стивен Дейлт испустил смертельный страдальческий вопль и рухнул на пол грота.

Услыхав его крик, пятеро всадников-тепендианцев покачали головой, развернулись и ускакали прочь.

Он очнулся в темноте, в холода, в одиночестве, живой. Вспомнив произошедшее, изумился последнему обстоятельству, но, не тратя даром времени, пополз из пещеры на свежий воздух под открытое звездное небо. Нерешительно встал, со-

рвал с собственной головы сморщеные усохшие останки мертвого крылатого, с восторженным ошеломлением на них глядя. Ни в истории Квации, ни в анналах ее исконной давно исчезнувшей расы, ни в памяти представителей отколовшейся и пришедшей в упадок колонии нет ни единого упоминания о живом существе, которое пережило бы атаку крылатых.

Вскоре после прибытия на планету первые отколовшиеся колонисты обнаружили остатки материальной культуры древней местной расы. До своей необъяснимой гибели — вина за которую была приписана какому-то природному катаклизму — цивилизация вышла на предындустриальный уровень. Среди прочего были найдены образцы символической письменности, один из которых, видимо адресованный летям аборигенов, строго наказывал не заглядывать ни в одну пещеру. На каждого вошедшего нападает «тварь-убийца-с-потолка». Надпись предупреждала: «Из каждой тысячи пораженных девятьсот девяносто девять умрут».

Уильям Крылатый, поселенец с некоторыми знаниями в зоологии, ознакомившись с переводом, решил разобраться, в чем дело. Зашел в первую попавшуюся пещеру и через секунду выскочил, с воплем вцепившись в маленькую мохнатую зверушку на голове. Он стал первой жертвой «тварей-убийц-с-потолка», названных в его честь «крылатыми».

Дейлт отшвырнул шкурку крылатого в сторону, собрался с силами и направился к сиротанному членоку, на сей раз не предвидя почти никаких затруднений. Если поблизости в такой час даже бродит какой-нибудь поисковый отряд, его вряд ли заметят, а на Квации мало крупных плотоядных хищников.

Корабль нашелся на том самом месте, где он его оставил. Дейлт медленно поднял челнок на пятьдесят тысяч метров, оттуда совершил бросок на орбиту.

И тут впервые услышал голос.

— Привет, Стив.

Если бы в тот момент на него не давила сила гравитации, он от изумления сорвался бы с кресла.

— Перегрузка весьма неприятная вещь, правда? — посочувствовал голос, и Дейлт догадался, что он звучит у него в голове.

На орбите двигатель автоматически выключился, желудок привычно ёкнул, в свободном падении опустившись на место.

— Ах, теперь гораздо лучше!

— Что происходит? — вслух вскричал Дейлт, лихорадочно озираясь вокруг. — Что это за шутки?

— Это не шутки, Стив. Я — то, что осталось от крылатого, свалившегося тебе на голову в пещере. Знаешь, ты оказался счастливчиком. Когда объектом слияния становится существо с интеллектом высокого уровня, обоим в результате грозит верная смерть — в большинстве случаев, по крайней мере.

«Я схожу с ума», — мысленно заключил Дейлт.

— Нет, не сходишь. Пока, во всяком случае. Хотя это вполне возможно, если не сядешь, не успокоишься, не смиришься со случившимся.

Дейлт откинулся на спинку кресла, устремив взор на вырастающий на переднем экране наблюдения металлический конус базового корабля корпорации «Старуэйз». Загоревшаяся сигнальная

лампочка на панели управления уведомляла, что станция засекла его и ведет к себе.

— Ну ладно. Так что же со мной случилось?
— Довольно смешно и дико разговаривать вслух в пустой кабине.

— В двух словах: у тебя появился сожитель, Стив. С этой минуты мы вместе живем в твоем теле.

— Иначе говоря, я захвачен?

— Слишком громкое и не совсем точное выражение. Я ни на что фактически не посягаю, ну, может, слегка стесню тебя в личной жизни, но это не будет иметь особого значения, благодаря нашей интимной близости.

— А кто дал тебе право влезать в мою душу? — быстро перебил его Дейлт и добавил: — И в личную жизнь, если на то пошло?

— Никто не давал мне подобного права, хотя у меня есть смягчающие обстоятельства. Видишь ли, несколько часов назад я был сонной пушистой пещерной зверушкой, питающейся лишайником, без всякого интеллекта, достойного упоминания...

— Для зверушки язык у тебя неплохо подведен, — заметил Дейлт.

— Не лучше и не хуже, чем у тебя, ибо я по возможности пользуюсь твоими познаниями. Дело в том, что мы, крылатые, как вы нас называете, проникаем в нервную систему любого достаточно крупного существа, очутившегося поблизости. Чисто инстинктивно. Если это собака, овладеваем разумом собаки — именно этой конкретной собаки. Если человек, который после этого, вроде тебя, остается в живых, захвативший его крылатый приобщается к высокоразвитому сознанию.

— Сам же теперь говоришь, «захвативший».

— Безобидная оговорка, пожалуйста. Я вовсе не собираюсь брать верх. Это было бы в высшей степени безнравственно.

Дейлт мрачно хмыкнул.

— Откуда бывшая мохнатая пещерная тварь знает, что нравственно, а что безнравственно?

— Я ведь способен теперь рассуждать, используя твои запасы, не так ли? А если я мыслю, то вполне могу получить представление о нравственных законах. Я проник в твое тело, побуждаемый слепым инстинктом. Мог бы полностью взять контроль над собой — не без борьбы, конечно, — только это было бы непорядочно. Даже если бы захотел, не могу выйти, значит, ты со мной накрепко связан, Стив. Извлеки из этого максимальную выгоду.

— Накрепко ли связан, посмотрим, вернувшись на базу, — пробормотал Дейлт. — Но хотелось бы знать, как ты забрался ко мне в мозги?

— И сам точно не знаю. Помню, каким путем проник внутрь черепа, и растолковал бы тебе, если бы ты в анатомии хорошо разбирался, однако я вынужден ограничиваться твоим собственным словарем, который в данной области очень скучен.

— А ты чего ждал? Я получил не медицинское, а культурологическое образование!

— Ну, не важно. Я практически не осмысливал свое существование, пока не проник к тебе в череп. Только сейчас осознал себя полностью.

Дейлт взглянул на панель управления и выпрямился в кресле.

— Ладно. Кто бы ты ни был, пока убирайся. Не мешай, я готовлюсь к стыковке.

— Охотно помолчу. Мне еще предстоит досконально исследовать твой замечательный организм, чтобы с ним полностью свыкнуться. Ну, пока, Стив. Очень рад познакомиться.

В голове у последнего мелькнула мысль: «Если мне суждено сойти с ума, я хотя бы энергично отбрыкивался!»

II

В стыковочном шлюзе Дейлта встретил Барр.

— Не повезло, Стив?

Покачав головой, он собрался изложить подробности, но поймал на себе странноватый взгляд коллеги.

— В чем дело?

— Не поверишь мне на слово.

Барр взял его за руку, повел в ближайший мужской туалет, поставил перед зеркалом.

Дейлт увидел то, что ожидал увидеть: высоко-го мускулистого мужчину в одежде крепостного с Квashi, с загорелым лицом, короткими блестящими темными волосами, но вдруг наклонил голову, пристально разглядывая макушку. Там зияла овальная плешица с вырванными прядями. Он провел по ней ладонью, и перед глазами легким дождем посыпались капитановые волосы. Еще несколько взмахов руки, и в абсолютно голой лысине в зеркале отразился верхний свет.

— Ох, проклятье! Я облысел!

— Не беспокойся, Стив, — проговорил в голове голос, — корни целы. Волосы отрастут.

— Надеюсь, черт возьми! — рявкнул Дейлт.

— Что? — озадаченно переспросил Барр.

— Ничего, — буркнул он. — Мне там что-то в пещере на голову свалилось, видно, отсюда и лысина.

Безусловно ясно, что надо с большой осторожностью упоминать о вторгшемся без приглашения госте, иначе все присутствующие на корабле быстро примут его за сумасшедшего, даже если он в действительности не свихнулся.

— Может, лучше врачу показаться? — предложил Барр.

— Обязательно. Сперва только Кларксону отрапортую. Наверняка ждет не дождется.

— Будь уверен.

Барр, возглавляя группу исследователей, работавшую над проектом создания мозга, был отлично осведомлен о пресловутой нетерпеливости Дервела Кларкsona.

Оба быстро направились к начальственному кабинету. Вращение огромного конического корабля обеспечивало тяготение в одно «g».

— Привет, Джин, — улыбнулся Стивен, войдя вместе с Барром в приемную перед кабинетом.

Джин, секретарша Кларкsona, не позволяла ему скучать в полете, устраивая на редкость занимательные игры в ночное время.

Она улыбнулась в ответ:

— Очень рада тебя видеть целым и невредимым.

Он догадался, что, сидя на своем месте, Джин не замечает проплешины у него на макушке. Ну и ладно. Потом объяснимся.

— Здесь мистер Дейлт, — сообщила она в интерком.

— Ну, впустите его! — каркнул голос в динамике. — Пусть заходит...

Стивен с улыбкой толкнул дверь кабинета, вошел вместе с тащившимся в хвосте Барром. Огромный седеющий мужчина выскочил из-за стола и зашагал навстречу, приближаясь под крутым опасным углом.

— Дейлт! Где ты пропадал, черт возьми? Тебе было поручено сесть, посмотреть и вернуться. За такое время трижды можно было управиться! И что это у тебя с головой? — с привычной пулеметной скоростью трещал Кларксон.

— Э-э-э...

— Ну, не важно, оставим пока. Рассказывай! Сразу могу догадаться: раз Барр явился вместе с тобой, значит, ты ничего не привез. Если бы отыскал электронный мозг, он сейчас сидел бы в каком-нибудь углу, нянча его, как потерянного и найденного младенца! Ну, докладывай, что там?

Дейлт чуть-чуть обождал, не уверенный, кончен ли залп, и, наконец, ответил:

— Ничего хорошего.

— Почему?

— Потому что не удалось обнаружить никаких следов самого корабля. Есть, правда, признаки, что какое-то время назад он там был, а потом словно снова покинул планету, не оставив никаких свидетельств крушения.

— Ни единого? — озадаченно переспросил Кларксон.

— Абсолютно ничего.

Руководитель проекта минуту переваривал сообщение, потом пожал плечами:

— Это надо будет обдумать. А сейчас должен тебя уведомить, что, пока ты совершил увеселительную прогулку, мы перехватили еще один сигнал системы жизнеобеспечения мозга...

— Прогулка была вовсе не увеселительная, — возразил Дейлт. Даже несколько минут общения с Кларксоном неизбежно действуют на нервы. — Я нарвался на компанию неприветливых аборигенов, пришлось укрываться в пещере.

— Как бы там ни было, — заключил Кларксон, вновь усевшись за письменный стол, — теперь мы точно знаем, что мозг, или то, что от него осталось, находится на Кваши.

— Да, но где именно? Знаете, это в общем-то не совсем астероид.

— Точка почти локализована, — возбужденно перебил его Барр. — Очень близко к тому месту, которое ты осматривал.

— Надеюсь, в Бенделеме, — пробормотал Дейлт.

— Почему надеешься?

— Потому что я вел там культурологические исследования под видом солдата удачи, нечто вроде наемника на службе у герцога Кайла Бенделемского, досконально узнал, полюбил Бенделесму. А в Тепендии, против которой сражался, не пользуюсь большой популярностью. Повторяю: надеюсь, что мозг в Бенделеме.

— Ты прав, — кивнул Кларксон.

— Хорошо! — облегченно вздохнул он. — Это сильно упрощает дело. В Бенделеме меня знают как наемника Раксо. Есть хотя бы отправная точка.

— Вот завтра и отправишься, — решил Кларксон. — Мы уже потеряли слишком много времени. Если не вернем образец, не установим точную причину неполадок, «Старуэйз» вполне может закрыть проект. На тебя вся надежда, Дейлт, помни.

Стивен повернулся к двери.

— Кто ж это мне позволит забыть? — буркнул он с мрачной усмешкой. — Я к вам еще загляну перед стартом.

— Хорошо, — коротко кивнул Кларксон и обратился к Барру: — Задержись на минуточку. Хочу с тобой кое-что обсудить.

Дейлт тихонько закрыл за собой дверь, оставив их вдвоем.

— Почти пора полдничать, — проговорил у него за спиной женский голос. — Что скажешь?

Он одним движением развернулся на месте, наклонился над столом, чмокнул Джин в губы.

— Извини, не могу. Может, для всех вас тут по корабельному времени полдень, а для меня дьявольски раннее утро. Надо к доктору заскочить и немножко поспать.

Джин не слушала, не отрывая взгляда от овального пятнышка на голове.

— Стив! — воскликнула она. — Что случилось?

Дейлт резко выпрямился.

— Да ничего особенного. Что-то свалилось на голову, и волосы выпали. Отрастут, не волнуйся.

— Меня не волосы волнуют. — Она потянулась, стараясь еще раз взглянуть, но он высоко задрал голову. — Больно было?

— Ничуточки. Слушай, не хочется убегать, но я должен выспаться. Завтра лечу обратно.

У нее вытянулось лицо.

— Так скоро?

— К сожалению. Может, вместе вечерком победаем? Я сначала к тебе заскочу, и оттуда пойдем. Кафетерий, конечно, не ресторан, но, если прийти попозже, наверняка найдется отдельный столик.

— А потом? — робко уточнила она.

— Провалиться мне в преисподнюю, если я собираюсь в последнюю ночь на базе перед бог весть сколь долгим отсутствием торчать в видеозале!

— Это я и хотела услышать! — улыбнулась Джин.

— В какое поразительное физиологическое смятение привела тебя эта женщина! — заметил голос, когда Дейлт шагал по коридору к медицинскому кабинету.

Он сразу споткнулся и замер на месте, почти позабыв о своем компаньоне. Потом пробормотал сквозь плотно стиснутые губы:

— Тебя не касается.

— Боюсь, меня касается почти все, что ты делаешь. В эмоциональном плане я непосредственно с тобой не связан, а в физическом чувствую тоже, что чувствуешь ты, вижу то, что ты видишь, ощущаю тот же вкус...

— Ладно, ладно!

— Должен признать, ты держишься довольно прилично. Лучше, чем я ожидал.

— Видимо, благодаря культурологическому образованию и опыту. Меня научили контролировать свои реакции в необычных ситуациях.

— Отрадно слышать. Возможно, нам долго придется жить вместе, если ты не пойдешь путем большинства высоких интеллектов и не избавишься от меня, совершив самоубийство. Будем считать твое тело мелким предприятием, а нас деловыми партнерами.

— Партнерами? — воскликнул Дейлт громче, чем хотелось бы. В коридорах, к счастью, было пусто. — Это мое тело!

— Готов пересмотреть аналогию, если так тебе больше понравится. Ты — основатель компании, а я только что выкупил пай. Что скажешь, партнер?

— Сплошной бред!

— Привыкай, — мелодично пропел голос.

— Не стоит трудиться. Долго ты тут не продержишься. Док об этом позаботится.

— Он ничего не увидит, Стив.

— Ну, посмотрим.

Стивен нажал на пластинку охранной системы, дверь в медицинский комплекс распахнулась, он вошел в крохотную приемную.

— Чем можем вам помочь, мистер Дейлт? — спросила дежурная сестра.

Он теперь стал на базе общепризнанной знаменитостью.

Наклонил голову, продемонстрировав проплешину.

— Хотелось бы показать доку. Перед завтрашим вылетом надо бы выяснить. Может, он меня примет, если найдется минутка?

— Сейчас, — улыбнулась женщина.

В данный момент Дейлт считался очень важной личностью, единственным человеком на базе, имеющим официальный допуск на Квashi. Если ему нужен доктор, он его получит.

В ответ на звонок сестры мужчина в традиционном белом медицинском халате высунул голову в одну из трех дверей, выходивших в приемную.

— В чем дело, Лоррейн? — спросил он.

— Мистер Дейлт хочет вам показаться, док.

Врач перевел взгляд на посетителя:

— Конечно. Входите, мистер Дейлт. Я — доктор Грейвс. — Он пригласил его в маленький кабинет, стены которого были заставлены полками с книгами и микрофильмами. — Присядьте на минутку, я сейчас вернусь.

Грейвс нырнул в другую дверь, оставив Дейлта в одиночестве. Почти в одиночестве.

— А у него тут довольно богатая библиотека, правда? — прозвучал голос.

Стивен оглядел полки с печатными текстами, должно быть хранившимися со студенческих лет доктора Грейвса, и катушками микрофильмов с последними клиническими достижениями.

— Ты мне оказал бы большую услугу, попросив его одолжить ненадолго основополагающие учебники.

— Это еще зачем? По-моему, ты все обо мне знаешь.

— Действительно, кое-что уже знаю, но еще учусь и должен овладеть словарем, чтобы время от времени объяснять тебе разные вещи.

— Забудь. Скоро отсюда вылетишь.

Вернулся доктор.

— Ну, мистер Дейлт, в чем проблема?

Тот рассказал про случай в пещере.

— Легенда утверждает и опыт колонистов, кажется, подтверждает, что «из каждой тысячи пораженных девятьсот девяносто девять умрут». На меня свалился крылатый, а я до сих пор брыкаюсь. Хотелось бы знать почему.

— По-моему, я уже говорил, что, благодаря случайному конституционному фактору, твоя первая система меня не оттолгla.

— Заткнись! — мысленно рявкнул Дейлт.

Доктор пожал плечами:

— Не понимаю, что вас беспокоит. Вы живы, отдались одной проплешиной, да и та уже застает. Не могу объяснить, почему вы уцелели, потому что не знаю, как те самые крылатые убивают жертв. Насколько мне известно, никто их не исследовал. Лучше просто забудьте об этом и держитесь от пещер подальше.

— Все не так просто, док, — осторожно продолжал Стивен.

Необходимо изложить историю близко к правде, но ничего не выкладывать откровенно и прямо, чтоб не попасть в категорию безнадежных психофреников.

— У меня такое ощущение, будто что-то попало под кожу головы или даже в черепную коробку. Чувствуется какая-то плотная шишка.

Дейлт заметил, что глаза доктора чуть-чуть сощурились.

— Я не сумасшедший, — поспешил заверил он. — Вы же видите след, оставленный крылатым, — голое пятно на макушке. Нельзя ли проделать какие-нибудь анализы или еще что-нибудь? Просто чтоб мне на душе легче стало.

Грейвс кивнул, признавая, что опасения пациента имеют вполне реальные основания, и в его взгляде погас огонек, намекавший на увольнение по восьмому параграфу¹.

Он повел его в смежную комнату, установил над головой кубический аппарат вроде шлема. Шлем щелкнул, зажужжал и поднялся. Доктор Грейвс вытащил два маленьких прозрачных снимка, сунул в диаскоп. На ожившем экране возник-

¹ Увольнение с военной службы по профессиональной или психологической непригодности, психическим отклонениям и т. п.

ли изображения черепа Стивена Дейлта изнутри в латеральной и переднезадней проекции.

— Волноваться нечего, — заключил доктор, исследовав картину. — Я провел сканирование только ради вашего спокойствия. Посмотрите.

Дейлт посмотрел, хоть понятия не имел, на что надо смотреть.

— Я же предупреждал, — напомнил голос, — что полностью внедрился в нервную систему.

— Ну, благодарю за хлопоты и за потраченное время, док. Пожалуй, действительно нечего беспокоиться, — соврал Стивен.

— Не стоит благодарности. Просто считайте, что вам посчастливилось выжить, если те самые крылатые действительно так смертельно опасны, как вы утверждаете.

— Попроси книжки! — напомнил голос.

— Я спать сразу лягу, как только отсюда выйду. Некогда тебе будет читать.

— Это моя забота. Только достань мне книги.

— Почему я должен оказывать тебе услуги?

— Потому что в противном случае ты у меня никогда не заснешь. Буду без конца талдычить «достань, достань, достань», пока, наконец, не достанешь.

— Верю, что ты на это способен!

— Можешь не сомневаться.

— Док, — сказал Дейлт, — нельзя ли одолжить у вас несколько книжек?

— Например?

— Ну, для начала по анатомии или физиологии.

Доктор Грейвс прошел в другую комнату, вытащил с полки два потрепанных тома большого формата.

— Для чего они вам?

— Просто так, — буркнул он, беря книги и сунув под мышку. — Хочу кое-что выяснить.

— Ну, только не забудьте, у кого их взяли. И смотрите, чтоб случай с крылатым не превратился в навязчивую идею, — многозначительно добавил доктор.

— Я уже его выкинул из головы, — улыбнулся Стивен.

— Очень смешно!

Выйдя из медицинского кабинета, Дейлт, не тратя времени, направился к себе и рухнул в постель, прежде чем раздвижные двери успели закрыться. Положил научные книжки на тумбочку у койки, зарылся лицом в подушку, мгновенно провалился в сон.

Проснулся через пять часов, чувствуя себя полностью отдохнувшим, не считая глаз, которые горели жгучим огнем.

— Можешь вернуть книги, когда пожелаешь, — объявил голос.

— Уже потерял интерес? — зевнул он, потягиваясь в койке.

— Да, в определенном смысле. Прочел, пока ты спал.

— Каким образом, черт побери?

— По правде сказать, очень просто. Когда твой мозг заснул, начал читать твоими глазами, листать страницы твоими руками, переварил информацию, сохранил в твоей памяти. Кстати, в человеческом мозге дьявольски много пустого места. Ты близко даже не используешь свой потенциал, Стив. Наряду с любым другим представителем твоей расы, как я догадываюсь.

— Какое ты имеешь право впихивать в мою голову нечто подобное? — разозлился он, сидя в кровати и протирая глаза.

— В *нашу* голову, ты хочешь сказать?

Дейлт пропустил поправку мимо ушей.

— Неудивительно, что у меня глаза горят до смерти! Оказывается, я читал вместо того, чтобы спать!

— Не волнуйся. Ты выспался, я овладел словарем. Хорошо отдохнул, чего жалуешься? Теперь, кстати, могу объяснить, как проник к тебе в мозг. Просочился в поры, в капилляры скальпа, оттуда в эмиссарные теменные вены. Они проходят через теменное отверстие теменной кости и соединяются с верхней сагittalной пазухой твердой мозговой оболочки. Оттуда легко попасть в центральную нервную систему.

Дейлт открыл было рот, собравшись заявить, что ему на это фактически наплевать, но вдруг сообразил, что целиком и полностью понял сказанное. Перед мысленным взором возникла ясная картина описанного пути.

— Почему мне понятны твои объяснения? Вроде бы хорошо все себе представляю, хотя и не помню, чтоб когда-нибудь эти термины слышал... Тем не менее они мне знакомы. Бред какой-то, фантастика...

— Ощущение, разумеется, странное, — подтвердил голос. — Видишь ли, я открыл тебе доступ к своим новым познаниям. В результате ты пользуешься плодами образовательного процесса, не проходя обучения. Без всякого трудазнакомишься с фактами.

— Ну, — заключил Дейлт, поднявшись на ноги, — по крайней мере, ты не совсем паразит.

— Возмутительно! Мы партнеры, симбионты!

— Может быть, пригодишься от случая к случаю, — вздохнул Стивен.

— Уже пригодился.

— Что это значит?

— Я обнаружил небольшое новообразование в твоем легком, в средней доле справа. Вполне могло переродиться в злокачественное.

— Бежим тогда назад к доктору, пока не пошли метастазы! — воскликнул он, мельком отмечая, что пять часов назад говорил бы не о «метастазах», а о росте опухоли.

— Не волнуйся, Стив. Я убил его.

— Как же ты это сделал?!

— Поработал над кровеносной системой, избирательно перекрыл приток крови к разросшимся клеткам.

— Ну, спасибо, партнер!

— Не стоит благодарности, уверяю тебя. Я это сделал столько же для себя самого, сколько и для тебя. Мне тоже неприятно разгуливать в съедаемом раком теле!

Дейлт молча сбрасывал одежду крепостного. Смысл удивительного происшествия в пещере на Квали вдруг обрушился на него с полной силой. В него вселился сторожевой пес-лескарь, который будет отныне заботиться о его благополучии. Он мрачно усмехнулся, пересовеваясь в скафандр и вешая на шею драгоценный призматический огненный камень, который впервые надел в роли Раксо и по-прежнему носил по завершении наблюдательной культурологической миссии на Кваши. Здоровье ему обеспечено, а вот с личной жизнью навсегда покончено. Неизвестно, стоит ли одно другого.

— И еще одно, Стив, — добавил голос. — Рост волос на лысине максимально ускорен.

Дейлт провел ладонью по макушке, нащупывая густую щетину на месте прежнего голого скальпа.

— Эй, и правда! Действительно выросли! — Он кинулся к зеркалу. — Ох, нет!

— Прошу прощения... Я ж ничего не видел, даже не догадывался об изменении цвета... Боюсь, тут уже ничего не поделаешь.

Дейлт с омерзением разглядывал серебристый клок среди чернильно-черных волос.

— Меня примут за извращенца!

— Всегда можно покрасить...

Он взмыл от ужаса.

Голос постарался поскорей сменить тему.

— У меня есть несколько вопросов, Стив, — поспешно сказал он.

— Чего тебе?

— Зачем ты завтра летишь на планету?

— Затем, что когда-то был членом федеральной наблюдательной культурологической группы на Кваши, где корпорация «Старуэйз» потеряла экспериментальный пилотирующий электронный мозг. Она получила от Федерации разрешение на его поиски при условии, что их проведет культуролог.

— Да я не то имею в виду. Меня интересует, почему этот мозг всем так нужен, насколько он похож на настоящий мозг, и так далее.

— Это легко выяснить. — Дейлт направился к двери. — Достаточно зайти в корабельную библиотеку.

Библиотека располагалась рядом с центральной осью корабля и полностьюправлялась компьютерами. Дейлт заперся в крошечной просмотровой

кабинке, сунул в открытую прорезь идентификационную карту.

Из встроенного динамика послышался ровный скучный компьютерный голос:

— Что вам угодно, мистер Дейлт?

— Мне предстоит отправиться в путь, и хотелось бы просмотреть все, что имеется по мозговому проекту.

Из крошечного желобка выскочили четыре катушечки с микропленкой, упав в стоявшее перед ним корытце.

— Прошу прощения, мистер Дейлт, — извинился компьютер, — больше по вашему допуску ничего не положено.

— Пожалуй, достаточно, Стив, — сказал голос. — Вставь в проектор.

Катушки излагали историю дерзкого биологического и экономического проекта. Корпорация «Старуэйз» быстро добилась монополии на рынке межзвездных кораблей, путешествующих в искривленном пространстве, и занялась межгалактическими полетами. Но, в отличие от известных типичных компаний, вкладывала большие деньги в фундаментальные исследования. Одной из основных областей ее исследовательской деятельности стало использование нервных тканей разумного человека. И Джеймс Барр открыл способ, имеющий колоссальный экономический потенциал.

Основные затраты на коммерческие межзвездные перелеты — грузовые или пассажирские — приходились на подбор команды. Хорошие пилоты были наперечет и с трудом соглашались работать, а для управления кораблем нужен был далеко не один звездолетчик. Многократно пытались за-

менить команду компьютерами, неизменно теряя поражение либо из-за проблемы массы-объема, либо из-за непомерной стоимости профилактического обслуживания. Достижения Барра в создании «искусственного», то есть выращенного в пробирке, мозга, похоже, решали проблему, хотя бы для грузовых кораблей.

После многочисленных проб и ошибок с системами жизнеобеспечения и всеобъемлющего контроля был в конце концов создан действующий прототип. Несколько кратких экспериментальных полетов с запасной командой наготове принесли превышавшие все ожидания результаты. После этого прототип подготовили к дальнему межзвездному путешествию с пятью запланированными по расписанию остановками — естественно, с пустыми грузовыми отсеками. Полет проходил довольно успешно, пока корабль не попал в район Кваши. С ним послали единственного механика, который предотвращал серьезные неполадки и сидел, но его утверждению, в своей каюте, когда корабль вдруг вышел из искривленного пространства, а вспыхнувшая лампочка подала сигнал бедствия. Он, не теряя времени, катапультировался в спасательном челноке. Корабль по кратчайшей орбите ринулся к Кваши и исчез, вероятно разбившись. С тех пор минуло восемь месяцев.

Любая дальнейшая информация недоступна без специального разрешения.

— Пустая трата времени, — заключил Стивен.

— Вы ко мне обращаетесь, мистер Дейлт? — переспросил компьютер.

— Нет.

— Новых сведений, конечно, маловато, — признал голос.

Прежде чем ответить, Дейлт вытащил из прорези свою карточку, отключив в данной будке компьютер, чтоб он больше не вмешивался.

— В данный момент рассматриваются теории о технических неполадках и о вредительстве.

— Почему о вредительстве?

— Во-первых, в связи с гильдией звездолетчиков, — объяснил он, вставая. — Во-вторых, из-за конкуренции между фирмами. Но, поскольку корабль разбился в закрытом отковавшемся мире, я остановился бы на неполадках.

Выходя из кабинки, взглянул на хронометр на стене: 19.00 корабельного времени. Джин наверняка уже ждет.

Они с Джин вошли в почти пустой кафетерий, найдя отдельный столик в дальнем углу.

— По-моему, вообще незачем красить волосы, — заявила она, ставя на стол поднос и усаживаясь. — На мой взгляд, очень даже симпатичная седая прядь... Я бы даже сказала, слишком симпатичная.

Дейлт благосклонно смолчал.

— Стив, — неожиданно встрепенулась Джин, — почему ты ешь левой рукой? Я раньше никогда этого не замечала...

Он опустил глаза. Вилка была уверенно схвачена пальцами левой руки.

— Ничего не пойму, — пробормотал Стивен. — Даже внимания не обратил...

— Пока ты спал, — врезался голос, — я встроил несколько новых цепей. Довольно глупо отдавать предпочтение одной руке перед другой. Теперь ты стал двуруким.

— Спасибо за своевременное предупреждение, партнер!

— Извини. Позабыл.

Дейлт перебросил вилку в правую руку, а Джин сменила тему.

— Слушай, — сказала она, — ты никогда не рассказывал, почему ушел из исследовательской культурологической группы...

Он помолчал, прежде чем отвечать.

После свержения Метепа VII, последнего в длинной династии самозваных «императоров внешних миров», новые независимые идеи породили свободное объединение под простым названием «Федерация».

— Федерация, — наконец начал Дейлт, — как тебе отлично известно, разработала долгосрочный план присоединения отковавшихся миров, я имею в виду, тех, кто этого пожелает. Но тут обнаружилось поразительное обстоятельство — слишком многие успели скатиться к варварству. Для оценки отковавшихся миров были начаты культурологические исследования, которые помогли бы решить, кому можно доверить современные технологии. Существовало еще одно правило, на которое я тогда не обратил особого внимания, просто принял на веру. Из-за этого и возникли проблемы.

— Что за правило?

— Полностью оно нигде не записано, не сформулировано, но в принципе предписывает оставить в покое отковавшуюся цивилизацию, которая выбирает иной путь по сравнению с человечеством.

— Видно, решили на некоторых планетах проводить культурологический анализ в пробирке, — усмехнулась Джин.

— Я и сам так же думал, хотя это нисколько меня не заботило, пока я не исследовал одну планету, название которой пусть останется в тайне. Ее обитатели создали путем селекции пси-культуру и фактически совершенно особое общество. В рапорте Федерации я особо подчеркивал, что, на мой взгляд, мы можем у них поучиться не меньше, чем они у нас.

— Наверняка напрасно, — догадалась Джин.

Дейлт кивнул:

— Поскандалив с непреклонным начальством, взбесился и ушел.

— Наверно, подумали, будто ты слишком привык к той планете.

— Следовало бы получить подумать. Я, к примеру, без всяких возражений покинул Кваши. Попросту побоялись, что тамошняя пси-культура недостаточно зрелая для контакта с галактической цивилизацией, которая ее просто поглотит. Решили дать ей еще пару столетий. Я считал это несправедливым, но ничего не смог сделать.

Джин проницательно взглянула на него:

— Кажется, ты употребляешь прошедшее время. Изменил с тех пор свое мнение?

— Кардинально. Пришел к заключению, что вся деятельность Федерации опирается на принципиальную, вполне конкретную философию. Она хочет не просто обеспечить разнообразие человечества, но и расширить его до предела. Люди были практически гомогенным видом, пока не принялись осваивать звезды. Межзвездные полеты начались как раз вовремя. Старушка Земля до сих пор служит лучшим примером. Запад с Востоком давно объединились, о чем никто даже не смел мечтать, теперь там воцарилась безликая,

бесконечно питающая саму себя бюрократия. И столь же безликое население. Однако человек, стремящийся к звездам, совсем другой! Вырвавшись из-под влияния других людей, перестав смотреть на окружающее чужими глазами, слышать чужими ушами, он снова стал личностью, выбирающей собственный путь. Многие отколовшиеся миры, доведя этот принцип до крайности, потерпели крах. А немногие выжили, и Федерация хочет, чтобы преуспевшие дошли до самого конца ради их собственного благополучия и на благо всего человечества. Как знать, вдруг когда-нибудь в отколовшемся мире родится новый высший человек?

Они не спеша направлялись к каюте Дейлта. Войдя, он взглянул в зеркало, пригладил серебристую прядь, пробормотал с насмешливым разочарованием:

— Никуда не делась.

Повернулся к Джин, успевшей раздеться больше чем наполовину.

— Ты улетал ненадолго, Стив, — прошептала она, — а я по тебе соскучилась... по-настоящему.

Он по ней тоже соскучился.

III

Когда Стивен наутро проснулся, Джин уже не было. На тумбочке у кровати лежала кратенькая записка с пожеланиями удачи.

— Ты был обязан меня подготовить к такой бешеной чувственной встряске, — упрекнул голос. — События прошедшей ночи застали меня врасплох.

— Ох, это снова ты! — простонал Дейлт. — Ночью я совсем о тебе позабыл, иначе точно оказался бы импотентом.

— Я подключился к твоей сенсорной системе — весьма возбуждает.

На него нахлынула беспомощная досада. Придется привыкать к присутствию партнера при самых интимных моментах, но многие ли способны заниматься любовью, зная, что бесстыдный проныра беспрепятственно подглядывает в окно, видя происходящее в полном масштабе?

— Дальше что будем делать?

— Дальше, Пард, — протянул Дейлт, — подготовимся спускаться вниз.

Он направился к платяному шкафу, вытащил поношенный кожаный камзол и кирасу с пустым красным кружком на нагруднике — опознавательным значком наемника. Затем последовали короткие жесткие кожаные штаны, картину завершили широкий меч и металлический шлем. Наконец, волосы были перекрашены в подобающий Раксо цвет.

— И еще кое-что, — добавил он, шаря в самой глубине полки. Вытащил руку, крепко стиснувшую резной кинжал. — Новое оружие Раксо.

— Что ж нового в кинжале?

— Это не совсем кинжал, а еще и...

— Ну конечно. Бластер.

— Откуда ты знаешь?

— Мы ведь партнеры, Стив. То, что знаешь ты, знаю я. Знаю даже, зачем ты его заказал.

— Интересно послушать.

— Боишься, как бы не утратил прежнюю скорость реакции. Опасаешься, что мышцы не имеют прежнего тонуса, которым обладали при пер-

вом выступлении в роли Раксо. Не хочешь умирать, отыскивая искусственный мозг.

— Похоже, ты уверен, будто очень хорошо меня знаешь.

— Разумеется. Всю подноготную, с рождения до нынешнего момента. Единственный сын более или менее благополучной супружеской пары с Френдли... Обычное, ничем не примечательное детство, не слишком выдающиеся успехи в учебе, однако, благодаря отлично выдержанному экзамену на совместимость, тебя зачислили в федеральную группу разведчиков-культурологов. С тех пор ты больше не общался с родителями. Они так и не простили сбежавшего сына, скачущего из одного отколовшегося мира в другой. Ты сам откололся от родного мира, завел друзей в корпорации, а теперь откололся и от корпорации. По натуре не одиночка, но приспособился к одиночеству. Собственно говоря, у тебя колossalные способности к адаптации, насколько это допускает личный кодекс морали и чести, который ты чтишь очень строго.

— Видно, больше не будет никаких секретов, — вздохнул Дейлт.

— По крайней мере, от меня.

Дейлт прибыл в герцогство Бенделемское в расчетное время, перед рассветом. Спрятал членок и вышел на дорогу, когда небо начинало светлеть. Шагая с легким седлом, переброшенным через плечо, любовался полями спелой пшеницы и овощей с обеих сторон. Сельское хозяйство на Квации всегда зависело от случая, нередко наступал голод, но, похоже, в этом году голод в

Бенделеме не будет. Даже у крепостных сытый вид.

— Что скажешь, Пард? — спросил он.

— Ну, ось Квashi не сильно отклоняется от геометрической. Нынче, кажется, предстоит сорвать второй обильный урожай.

— Неслыханно при их методах земледелия... Я тут однажды чуть не умер с голоду.

— Знаю, но не могу объяснить, почему крепостные вдруг так растолстели.

Дорога обогнула небольшой лесок, и Бенделема открылась перед глазами.

— Вижу, архитектура не слишком продвинулась за время моего отсутствия. Крепость до сих пор похожа на груду камней.

— Интересно, — задумался Пард, пока они подходили к каменной постройке, — почему столько отсталых отковавшихся миров возвращаются к феодализму?

— Тут можно лишь строить теории. Скажем, феодализм в принципе опирается на закон джунглей. Впервые высаживающиеся колонисты откладывают воспитание и обучение детей в долгий ящик, чтобы в первую очередь на столе всегда стояла еда. Это их первая и трагическая ошибка, потому что, как только они упускают из рук технологию, начинается спуск по виткам бесконечной спирали. Обычно третье поколение живет уже на очень низком технологическом уровне. Исчезают сдерживающие механизмы, перестают действовать стабилизационные факторы, верх берут крутые ребята. Феодализм основан на философии силы: то, что я могу взять и удержать, — мое. Узаконенное варварство. Поэтому феодальные миры вроде Квashi надо держать подальше от Федерации. Можешь себе

представить, чтоб шайка этих лихачей управляла межзвездным дредноутом? Ни у кого нет ни денег, ни времени на перевоспитание и обучение, поэтому их просто оставляют в покое. Пусть сами совершают свою маленькую индустриальную революцию и так далее. Когда будут готовы, Федерация даст им возможность присоединиться.

— Эй, наемник! — крикнул кто-то из крепостных ворот. — Чего тебе надоально в Бенделеме?

— Неужели я так сильно изменился, Фарри? — спросил в ответ Дейлт.

Стражник пристально вгляделся в него со стены, и лицо его просветлело.

— Раксо! Заходи, добро пожаловать! Герцогу требуются отважные мужчины.

Темнокожий солдат Фарри, набравший с момента их последней встречи несколько фунтов и получивший несколько новых шрамов, приветствовал вошедшего в открытые ворота наемника.

— А конь где? — с ухмылкой полюбопытствовал он. — У тебя сроду не было обыкновения топать на своих двоих, когда верхом можно ехать.

— Ногу сломал в канаве за много миль отсюда, так далеко, что вспоминать не хочется. Пришлось его прикончить, хоть и славный был жеребец.

— Жалко. Ну, герцог нового выдаст.

Герцог удостоил Дейлта настораживающе короткой аудиенции. Владелец замка не проявил ожидаемого энтузиазма. Дейлт не знал, чем объясняется холодность государя — занятостью другими делами или подозрительностью. Впрочем, его сын Антон вел себя совсем иначе, искренне радуясь встрече с Раксо.

— Пошли, — сказал он после взаимных приветствий. — Отведем тебе комнату рядом с моей наверху.

— Мне, простому наставнику?

— Тебе, моему наставнику!

Антон полностью возмужал с тех пор, как Дейлт в последний раз его видел. Он проводил с пареньком много времени, обучая приемам боя на мечах, которые сам освоил в студенческие годы.

— Я хорошо воспользовался твоими уроками, Раксо!

— Надеюсь, не бросил учиться после моего ухода.

— Спустимся на тренировочную площадку, увидишь, что я не ленился во время твоего отсутствия. Теперь я с тобой сравнялся.

Более чем сравнялся. Нехватку мастерства и точности Антон возмещал буйным пылом. Несколько раз Дейлт с трудом отбивался, но внимательно наблюдал за юношой, нанося и парируя удары, наступая и отступая в учебном бою. С виду тот же самый парень, каким он его помнил: храбрый, самоуверенный, единственный законный сын герцога, наследник Бенделемы, однако возникло и какое-то новое подводное течение. Антон всегда был грубоватым, хитрым, жестоким — идеальные качества для будущего феодального господина, — а теперь к ним добавилась нотка отчаянной безнадежности. Дейлт ее не сразу заметил и сейчас, заметив, не мог объяснить. У Антона прочное положение — что его гложет?

После разминки Стивен погрузился в огромный чан с горячей водой — в прошлый раз эта привычка принесла ему репутацию слегка чок-

нутого, — потом пошел к себе и сразу заснул, вымотанный долгой утренней пешей прогулкой с седлом, а потом яростным боем с Антоном.

Проснувшись, почувствовал в затекшем теле нестерпимую боль.

— Надеюсь, боль в мышцах тебе доставляет немало страданий.

— Что это значит, Пард? — недовольно спросил он, разминая мышцы правой руки, работавшей мечом.

— То, что ты к подобным занятиям не подготовлен. Смехотворных упражнений на корабле абсолютно недостаточно для схватки с таким соперником, как Антон. Если тебе нравится испытывать боль, на здоровье, только не забывай, что я тоже ее испытываю!

— Ну, так просто выключи болевые ощущения. Можешь ведь это сделать?

— Да, но это почти столь же неприятно, как сама боль.

— Тогда просто страдай со мной вместе. Кстати, ты нынче чертовски неразговорчив. В чем дело?

— Наблюдаю, сравниваю твои прошлые впечатления от Бенделемы с тем, что сейчас вижу перед собой. Либо ты никудышный наблюдатель, либо что-то здесь происходит... Нечто подозрительное, таинственное, я уж не знаю что...

— То есть как это — «никудышный наблюдатель»?

— Вот так. Или твои прошлые наблюдения неточны, или в Бенделеме произошли серьезные перемены.

— В каком смысле?

— Точно пока сказать не могу. Скоро выясню. Я гораздо более прозорливый наблюдатель, чем ты.

Дейлт со стоном взмахнул руками:

— В меня вселился не просто непрошеный гость, но и до невозможности наглый!

Послышался стук в дверь.

— Входите, — разрешил он.

Дверь открылась, вошедший Антон оглядел комнату.

— Ты один? Мне послышалось, говоришь с кем-то...

— Привязалась дурная привычка в последнее время, — поспешил объяснить Дейлт. — Мысли вслух.

Юноша пожал плечами:

— Скоро подадут ужин, я приказал посадить тебя за отцовским столом. Пойдем.

Спускаясь следом за ним по узкому лестничному пролету со ступенями из необработанного грубого камня, Стивен уловил густой безошибочный запах местного вина.

Высокий, похожий на мертвеца мужчина склонил голову, когда они вошли в обеденный зал.

— Привет, Стрэнч, — улыбнулся Дейлт. — Я смотрю, ты по-прежнему мажордом.

— С милостивого дозволения его светлости, — ответил Стрэнч.

Почти сразу за ними явился сам герцог. Все присутствующие стояли, пока он не уселся. Дейлт разместился почти во главе стола, догадавшись по возмущенному виду немногочисленных придворных советников, что их отодвинули от властного трона чуть дальше, чем хотелось.

— Я должен поблагодарить его светлость за вышавшую наемнику честь сидеть за его столом, — сказал он после того, как придворный поднял традиционный тост за Бенделему и долголетие герцога.

— Не говори глупостей, Раксо, — ответил герцог. — Ты отлично послужил мне против Тепендии и всегда от чистого сердца заботился о моем сыне. Сам знаешь, в Бенделеме тебя всегда встречают с радостью.

Дейлт поклонился.

— Чего ты раскланиваешься и лебезишь перед мерзким слизняком?

— Заткнись, Пард! Роль требует.

— Разве тебе не известно, скольких крепостных тиранит этот варвар?

— Заткнись, самодовольный паразит!

— Не паразит — симбионт!

Стивен поднялся, взмахнул кубком с вином.

— Если речь зашла о вашем сыне, мне хотелось бы провозгласить тост за будущего герцога Бенделемского Антона!

С внезапным звериным рычанием Антон вскочил на ноги, швырнул свой кубок на каменный пол и без всяких объяснений вылетел из зала.

Все изумились не меньше Дейлта.

— Может, я что-то не то сказал...

— Не понимаю, что именно, — пробормотал герцог, не сводя глаз с красной лужицы пролитого вина, просачивавшегося в щели между камнями. — В последнее время Антон ведет себя довольно странно.

Дейлт сел, поднес кубок к губам.

— На месте моего острого на язык партнера я бы не стал допивать до дна это пойло.

— Почему? — мысленно удивился он, осторожно коснувшись губами края кубка.

— Потому что, по-моему, в твой бокал, в отличие от других, что-то добавлено, а нам следует соблюдать осторожность.

— Что же тебе внушило подобные подозрения?

— Я уже говорил, что ты должен оттачивать наблюдательность.

— Перестань! Объясни.

— Хорошо. Я обратил внимание, что тебе подали заранее налитый кубок, тогда как остальные наполняли вон из того медного кувшина.

— Действительно странновато, — согласился Стивен и собрался поставить кубок.

— Не надо! Чуть-чуть смочи губы, я попробую проанализировать содержимое. Небольшой глоток сильно не повредит.

Он так и сделал и принялся ждать.

— Ну, — объявил, наконец, Пард, — по крайней мере, серьезного вреда тебе причинить не хотели. Пока, во всяком случае.

— Что там?

— Какой-то алкалоид, должно быть, из местного корня.

— И что со мной было бы?

— До утра отключился бы, не появляясь на сцене. Дейлт задумался.

— Интересно, зачем?

— Не имею ни малейшего представления. Но, пока все отвлеклись на бегство Антона, советую немедленно выплеснуть вино на пол. Оно смешается с уже пролитым, никто не догадается. Пусть потом дураки удивляются, что ты по-прежнему в своем уме.

— У меня есть идея получше.

Дейлт вылил вино на собственный сапог, и оно стекло тихо, без плеска.

— *Пару минут обожду, а потом прикинусь, будто отключился. Может, узнаем, что они задумали.*

— Звучит рискованно.

— Тем не менее так мы и сделаем.

Стивен решил максимально использовать время, оставшееся до отключки.

— Знаете, — начал он, притворяясь, что пьет вино большими глотками, — прошлой ночью я видел на небе яркую вспышку света. Она ударила в землю далеко за горизонтом. Слышал недавно толки, будто тот самый свет упал где-то здесь, даже говорят, что в самой Бенделеме. Правда или вассалы спьяну болтают?

Разговоры за столом разом смолкли. Все перестали есть и пить, устремив на него взгляды.

— Почему ты об этом спрашиваешь, Раксо? — поинтересовался герцог.

Завеса подозрительности, вроде исчезнувшая в начале обеда, вновь прочно отделила герцога от наемника.

Последний решил, что представление пора заканчивать.

— Ваша светлость, меня лишь озадачили праздные слухи. Я... — Он приподнялся на стуле, прикрыл рукой глаза. — Я... — И осторожно повалился на пол.

— Отнесите его наверх, — приказал герцог.

— Не покончить ли прямо сейчас с вездесущим выскочкой, ваша светлость? — предложил один из советников.

— Нет. Он мой друг, друг Антона, зла нам на верняка не желает. Завтра все будет ясно.

Дейлта без какой-либо деликатности и тем более без учета физического самочувствия отволокли в его комнату, бесцеремонно швырнув на кровать.

Крепко хлопнула глухо закрытая прочная деревянная створка, послышался щелчок ключа в замке.

Он вскочил, бросился к двери. Ключ торчал снаружи в скважине.

— Блестящая была идея, — ядовито прокомментировал Пард.

— Попрошу воздержаться от замечаний.

— Что теперь будем делать, запертые на всю ночь в клетушке?

— Остается одно, — вздохнул Дейлт, сбросил сапоги, кольчугу, камзол, короткие штаны и прыгнул в постель.

Наутро дверь оказалась незапертой, и он с максимальными предосторожностями спустился вниз. Память подсказывала, что рядом с кухней находится каморка Стренча... точно, вот она. Хозяина поблизости не видно.

— Что это ты задумал?

— Изо всех сил стараюсь снова не просидеть ночь под замком.

Взгляд его остановился на большой доске, где Стренч держал дубликаты ключей от всех замков в крепости.

— Начинаю понимать.

— Медленно нынче утром соображаешь!

Стивен сдернул с крючка запасной ключ от своей комнаты, прицепив на его место другой, похожий, с другого конца доски. Стренч рано или поздно обнаружит исчезновение одного ключа, но конкретно, безусловно, не вычислит.

Через несколько секунд он столкнулся с мажордомом.

— Его светлость желает тебя видеть, Раксо, — сухо сообщил тот.

— Где он?

— На северной стене.

— Похоже, близится критический момент.

— Почему, Пард? — прошептал Дейлт.

— Помнишь, вчера вечером после твоей театральной отключки герцог сказал, что завтра все будет ясно?

— По-твоему, он сейчас собирается выяснить?

— Может быть. Точно, конечно, не могу сказать, но радуюсь, что у тебя кинжал за поясом.

Герцог стоял один на крепостной стене, приветствуя Дейлта-Раксо со всей теплотой, допустимой при его сдержанности, выслушав от последнего извинения за вчерашнюю «чрезмерную выпивку».

— К сожалению, должен кое в чем признаться, — сказал он.

— Слушаю, ваша светлость...

— Как только ты явился, я заподозрил тебя в предательстве.

Дейлт открыл было рот, чтобы ответить, но герцог махнул рукой в перчатке:

— Можешь не доказывать свою невиновность. Я получил донесение от шпиона при Тепендианском дворе с подтверждением, что ноги твоей в Тепендии не было после таинственного исчезновения год назад.

Стивен повесил голову:

— Милорд, я в отчаянии.

— Не упрекай меня, Раксо. Всем известно, что ты ищешь максимальной выгоды, а Тепендию очень интересуют последние события в Бенделеме. На-столько, что она засыпает на нашу территорию летучие отряды, которые захватывают моих вассалов.

— Зачем?

Герцог надулся от гордости.

— Затем, что Бенделема процветает. Ты сам кругом видел богатый урожай. Везде, по обыкновению, скучный, кроме Бенделемы.

Дейлт этого не знал, но все равно кивнул. Значит, только на Бенделеме собирают второй обильный урожай. Интересно.

— Наверно, вы освоили новые методы земледелия и Тепендия их хочет украсть, — предположил он.

— Больше того, — кивнул герцог. — У нас появились новые способы хранения продуктов, новые способы сева... Когда вновь придет голод, мы победим Тепендию не мечом и огнем, а едой! Голодящие тепендианцы побегут от своего господина, Бенделема расширит границы.

Дейлт собрался заметить, что если тепендианцы захватят бенделемских вассалов и завладеют секретами, то голода нигде больше не будет. Но герцог мечтал об империи, а простому наемнику не всегда стоит опровергать имперские мечты. Поэтому он промолчал, пока герцог созеркал горизонт, которым вскоре надеялся завладеть.

Остаток дня прошел в праздной ловле слухов, и к обеду Стивен убедился в одном: корабль разбился или приземлился на той самой поляне, ко-

торую он осматривал несколько дней назад. Было известно еще кое-что, но жители Бенделемы хранили секрет про себя — «правда, мы видели падавший свет, а больше ничего не знаем».

Антон предложил Дейлту то же почтное место, и он покорно уселся.

Когда прозвучал тост за герцога, сделал крошечный глоточек из кубка.

— *Каков вердикт, Пард?*

— *Тот же самый.*

— *Не понимаю, в чем дело. Почему меня не опаивают ни за завтраком, ни за полдником, а только за обедом?*

— *Нынче ночью попробуем разобраться.*

Поскольку сегодня Антон фокусов не выкидывал, трудно было найти способ избавиться от вина с добавленным снотворным. Наконец, он решил вновь притворно свалиться на стол, опрокинув при этом кубок в надежде скрыть тот факт, что проглотил лишь несколько капель.

Уронив на столешницу голову, внимательно прислушался.

Прозвучал голос Антона:

— Долго это будет продолжаться, отец? Если его каждый вечер опаивать, он обязательно заподозрит неладное.

— Долго, раз ты поселил его здесь, а не в солдатских казармах! — сердито крикнул герцог. — Недопустимо, чтобы он шатался вокруг во время ночных церемоний. Чужак не должен знать о божестве!

— Ладно, — мрачно буркнул Антон. — Завтра я его отправлю в казармы.

— Не обижайся, — смягчился отец. — Я знаю, он твой друг, но божество важнее наемника.

— Кажется, я вполне понимаю, что представляет собой упомянутое божество, — заявил Пард, когда Дейлта-Раксо тащили наверх.

— Мозг? Я сам догадался. А как он общается с ними? Образец к этому не приспособлен.

— Зачем ему общаться? Достаточно того, что он с неба свалился.

— Недостаточно. Мозг ничуть на божество не похож. Он должен был вступить в контакт с местными жителями, прежде чем они его обожествили. Иначе падение корабля стало бы очередной детской сказкой, которую рассказывают у костра.

Точно так же, как прошлой ночью, его завалили в кровать, дверь заперли снаружи. Он выждал несколько долгих минут, пока за дверью не установилась полная тишина, после чего сунул в замочную скважину дубликат ключа. Настоящий ключ выпал с другой стороны на каменный пол с кошмарно громким звоном. Впрочем, дело тем и ограничилось, поэтому Стивен повернул свой ключ и выскоользнул по коридору на лестницу, ведущую вниз, к обеденному залу.

Там было пусто. Даже посуда после обеда не убрана.

— Куда все подевались? — пробормотал он.

— Тише! Слышишь голоса?

Дейлт начал спускаться по ступеням, прислушиваясь. Пространство наполнилось приглушенным пением. Слева виднелась открытая дверь, возле которой пение слышалось лучше.

— Вот... наверняка они там...

Коридор с земляным и частично вымощенным камнями полом повел его вниз. Редкие факелы, висевшие на стенах, бросали мерцающий свет на

каменные корявые стены, пение становилось все громче.

— Разбираешь слова?

— Речь идет о каких-то священных предметах... Половина встречается с нынешним солнцем, а другая с завтрашним... Круг не должен прерваться...

Пение вдруг смолкло.

— Похоже, литания кончилась. Давай лучше вернемся.

— Нет, спрячемся. Мозг наверняка тут, а мне бы хотелось как можно скорее вернуться к цивилизации.

Дейлт присел на карточки в темной нише в стене, наблюдая за торжественной процессией во главе с герцогом, который нес перед собой какие-то накрытые куском ткани предметы. За ним следовал мрачный, надутый Антон. Придворные советники на ходу срывали со стен факелы, но он успел заметить сочившийся в неразведенном конце коридора свет и, когда все прошли мимо, шмыгнул туда вдоль стены.

В последней глухой нише перед его глазами предстала абсолютно неожиданная картина. Сюрреалистическая.

Сводчатое подземное помещение было завалено обломками пропавшего грузового корабля. У стен громоздились огромные куски искореженного металла, детали поменьше свешивались с потолка. А спереди в центре стоял почти неотличимый от прочего металлом серебристый аппарат жизнеобеспечения мозга высотой в человеческий рост и вдвое шире. На нем в хрустальном шаре с питательной жидкостью плавал мозг — круглый ком нервной ткани.

— Ты его не слышишь? — спросил Пард.

— Кого «его»?

— Мозг представляется себе объектом мужского рода. Ему действительно удалось вступить в контакт с местными жителями. Тут мы были правы.

— Не пойму, каким образом.

— С помощью телепатии, Стив. Видимо, мое присутствие блокирует принимающие рецепторы в твоем мозгу. Я еще в коридоре чувствовал слабые импульсы, только не был уверен, пока он нас не поприветствовал.

— Что говорит?

— Естественно, хочет знать, кто мы такие и чего нам надо. — Последовала короткая пауза. — Ой-ой-ой! Как только я сказал, что мы просто вернем его корпорации «Старуэйз», он подал телепатический сигнал тревоги — очень громкий. Не удивляйся, если через пару минут к нам присоединится вся компания.

— Замечательно! Что теперь делать?

Дейлт нашупал кинжал на поясе, обдумывая ситуацию. Бежать уже слишком поздно, прокладывать себе путь бластером нежелательно. Взгляд его остановился на шаре.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, Пард, но мне вроде бы помнится, что этот шар съемный.

— Верно. Его можно отсоединить от системы жизнеобеспечения примерно часа на два без серьезного вреда для мозга.

— Больше нам и не надо, чтобы доставить его на базу и подключить к другому аппарату.

— Он очень боится, Стив, — предупредил Пард, когда Дейлт принял решение отсоединить шар. — Кстати, я понял только что слышанную маленькую лита-

нию. Священные объекты, которые ежедневно «встречаются с солнцем», — солнечные батареи. Сегодня заряжается половина, а завтра другая. Поэтому он продолжает работать.

Как только Стивен отсоединил последний кабель, в подвал ворвалась шумная беспорядочная толпа вместе с герцогом.

— Раксо! — воскликнул тот, увидев его. — Всегда ты нас предал!

— Простите, — извинился Дейлт, — но это чужая собственность.

Антон рванулся вперед:

— Гад, изменник! А я называл тебя другом...

Он схватился за рукоятку меча, Дейлт в ответ высоко поднял шар.

— Стой, Антон! Если кто-нибудь попытается преградить мне дорогу, я врежусь разобью этот шар вместе с вашим божеством!

Побледневший герцог вцепился в плечо сына, удерживая его.

— Я пришел сюда не затем, чтобы что-то украсть у вас, но обязан украдь его. Очень жаль, что так вышло.

Он не кривил душой, обоснованно чувствуя, что обманул доверие, и ему это сильно не нравилось, но упорно напоминал себе, что мозг принадлежит корпорации «Старуэйз» и только он может его вернуть.

— Надеюсь, угроза их остановит, — вставил Пард. — Впрочем, обдумав возможности, сообразят, что, схватив тебя, лишатся божества, а если отпустят, все равно лишатся.

В тот же момент Антон огласил то же самое заключение, но отец по-прежнему держал его за плечо.

— Пусть он заберет божество, сын мой. Оно помогло нам мудрыми советами, в благодарность мы должны, как минимум, беспрепятственно его выпустить.

Дейлт схватил какого-то придворного.

— Беги, приведи мне коня — и хорошего!

Посмотрел ему вслед и медленно двинулся по коридору к обеденному залу. Герцог с компанией остался в нише.

— Интересно бы знать, что они теперь против меня затевають, — прошептал он. — Подумать только! Сколько я здесь прожил, никогда не догадывался, что они телепаты.

— Они не телепаты, Стив.

— Как же они с ним общались? — удивился он, взглянув на шар, зажатый под мышкой.

— Секрет заключается в том, что этот самый мозг представляет собой необычайно мощный передатчик и приемник. У местных жителей несколько не больше телепатических способностей, чем у любого другого.

Дейлт с облегчением увидел поджидавшего коня, открытые ворота. Крупнейшая из двух лун Кваши уже высоко стояла над горизонтом, поэтому он кратчайшим путем поскакал к спрятанному членоку.

— Одну минуточку, Стив, — попросил Пард, когда он спрыгнул с седла неподалеку от корабля. — Кажется, перед нами стоит нравственная проблема.

— А именно?

Пард молчал всю дорогу.

— Я поговорил с мозгом и понял, что он стал не просто пилотирующим устройством.

— Возможно. Потерпел крушение, обнаружил свои телепатические способности, постарался извлечь максимальную пользу из сложившейся ситуации. Мы нашли его и возвращаем хозяевам. В чем проблема?

— Он не потерпел крушения. Постарался избавиться от механика и самостоятельно завладеть кораблем. Не хочет возвращаться.

— Ну, ему выбирать не приходится. Его изготавлила корпорация, туда он и отправится.

— Стив, он нас умоляет!

— Умоляет?

— Да. Слушай, ты по-прежнему видишь в нем комок нейронов, слепленный для управления кораблем, но он вырос в нечто большее. Это теперь *существо*, мыслящее, сознательное, с собственной волей! Не биомеханизм, а разумное существо...

— Философствуешь?

— Скажи, Стив, что с ним сделает Барр, получив в свои руки?

Не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Скорее всего, препарирует? — допытывался Пард.

— Нет, по-моему... когда поймет, что он разумный.

— Ну, допустим, не препарирует. Если Барр оставит его жить, он до конца жизни останется экспериментальным объектом. Разве это справедливо? Разве мы вправе обречь его на такую судьбу?

Дейлт не ответил.

— Хуже никому не будет. Фактически он вполне способен помочь Квashi поскорей вернуться к цивилизации. Он не стремится к власти. До крушения целиком усвоил корабельную библиотеку и был необычайно счастлив в своей подвалной

нише, выдавая информацию об удобрениях, севообороте и прочем, работая на ежедневно подзаряжаемых батареях.

— Я тронут, — саркастически проворчал Стивен.

— Шути, если угодно, а я не так легкомысленно к этому отношусь.

— Откуда у тебя столько самоуверенности?

— Молчу. Можно оставить шар здесь, мозг установит телепатическую связь с крепостью, оттуда придут и заберут его.

— А что я скажу Кларксону?

— Почти абсолютно чистую правду. В заключение объяснишь, что шар разился в крепости, когда тебя пытались схватить и едва не убили.

— Видишь ли, это может погубить проект. Для его продолжения обязательно нужно вернуть мозг.

— Пусть так, но мы должны рискнуть. С другой стороны, если отметить в докладе, что найденный мозг стал разумным и выработал приемы самосохранения, ученые обязательно страшно заинтересуются и непременно продолжат исследования в том или в ином направлении.

К своему огромному неудовольствию, Дейлт обнаружил, что соглашается с Пардом и почти готов осторожно положить шар в траву и уйти прочь, послав ко всем чертям корпорацию «Старуэйз».

— Он по-прежнему умоляет нас, Стив. Как ребенок.

— Ладно, черт побери!

Проклиная себя за безволие и мягкотелость, он отошел на безопасное расстояние от членока, опустил шар на землю и буркнул:

- До отлета еще кое-что надо сделать.
- Например?
- Накачать нашего маленького дружка основной информацией о феодальной культуре, которой наверняка не было в корабельной библиотеке.
- На опыте усвоит.
- Этого я и боюсь. Без четкого представления о феодализме на Кваша его помощь Бенделеме вполне может поколебать весь общественный строй. Либо непомерно богатое герцогство захватят жадные соседи-завистники, либо оно воспользуется своим богатством для создания захватнической армии. Оба варианта фатальны для мозга и лишат Кваша шансов на социальное и технологическое развитие.

— Что предлагаешь?

- Очень просто. Возьми все, что я знаю о Кваша и феодализме, и скорми мозгу. Подчеркни первостепенную необходимость широкого распространения имеющейся у него информации. Пусть, к примеру, телепатически вкладывает обрывки мыслей в голову бродячих торговцев, менестрелей, нищих. С распространением благополучия по всей планете постепенно исчезнут причины общественных потрясений. В долгосрочной перспективе вся Кваппи выиграет.

Пард послушно приступил к процессу обучения, быстро справившись, ибо мозг поглощал информацию с ненасытным аппетитом.

Поднимаясь на ноги, Дейлт оглянулся на шорх в кустах и увидел Антона, бросившегося к нему с обнаженным мечом.

— Я... решил вернуть вам божество, — заикался он.

Антон остановился.

— Не нужна мне эта пакость! Если хочешь знать, я расколочу его вдребезги, как только тебя прикончу!

Взгляд его был полон немыслимой ненависти: взгляд юноши, который только что понял, что его друг и горячо любимый наставник — презренный предатель и вор.

— Но ведь божество позаботится, чтоб в Бенделеме никто никогда больше не голодал! — вскричал Дейлт. — Зачем его уничтожать?

— Затем, что оно заодно позаботится, чтоб никто из придворных никогда не признал меня герцогом! — прорычал Антон.

— Они же признают им твоего отца... Почему тебя в свой черед не признают?

— Отца признают по привычке! Вся власть в Бенделеме принадлежит божеству... А я после смерти отца буду просто марионеткой!

Теперь разъяснилась причина мрачности наследника герцога. Мозг угрожал его положению.

— Значит, ты пустился в погоню за мной не из-за угрозы разбить божество, а поэтому?

Антон кивнул и вновь рванулся вперед:

— Вдобавок я должен с тобой расквитаться, Раксо! Не позволю тебе *безнаказанно* обманывать мое доверие и доверие моего отца!

С последними словами он обрушил яростный рубящий удар на Дейлта, который нырнул, увернулся, вильнул в сторону. Он вышел без меча из своей комнаты в крепости, но у него имелся кинжал.

Молодой человек расхохотался при виде маленького лезвия.

— Этим ты меня надеешься остановить?

Если бы ты только знал, мысленно посочувствовал Дейлт, не желая, однако, пускать в ход бластер. Настроение парня хорошо понятно. Отыскать бы какой-нибудь способ оглушить его и улететь...

Антон энергично бросился в атаку, Стивену пришлось отступить. Под ногу подвернулся камень, споткнувшись, он инстинктивно выбросил вперед правую руку, чтобы сохранить равновесие... Дальнейшие события разворачивались как бы замедленным кадром. Левое запястье, по которому рубануло лезвие меча, пронзила жгучая сокрушительная режущая смертельная боль. Кисть отлетела, брызжа в воздух пульсирующими красными струями, словно живая. Правая рука тоже как бы жила самостоятельной жизнью — перевернула кинжал, нацелила рукоятку в противника, нажала потайную кнопку. В темноте сверкнул лучевой заряд, поразил в грудь Антона, упавшего без единого звука.

— Рука! — простонал Дейлт, схватившись за обрубок.

— Передай мне управление, — потребовал Пард.

— Рука... — стонал он, не в силах ничего больше вымолвить.

— Передай мне управление!

Стивен слегка опомнился, на секунду расслабился и вдруг увидел собственное тело со стороны. Правая рука бросила кинжал, крепко зажала кисть над кровоточившей культей. Пальцы впились в плоть, пережимая артерии.

Ноги выпрямились, тело его встало на ноги и спокойно пошло к спрятанному космическому

челноку. Локоть раздвинул кусты и нажал на пластиинку, открывшую люк переднего отсека.

— Хорошо, что ты его не запер вчера, — заметил Пард, когда люк распахнулся.

В корабле на подобные случаи имелся набор первой помощи. Залитые кровью пальцы правой руки разжались, ловко сняли крышку с антечки, выташили банку стат-геля. Кровоточащий обрубок левой сунулся в банку и крепко прижался ко дну.

— Сейчас кровотечение остановится.

Гель при контакте мгновенно сворачивал любую кровь, образуя плотные твердые сгустки.

Выпрямившись, Стивен вновь овладел своим телом, вышел нетвердой походкой наружу, ослабевший, растерянный.

— Ты спас мне жизнь, Пард, — пробормотал он наконец. — Я даже шевельнуться не мог, глядя на этот обрубок, из которого хлещет кровь.

— Я спас жизнь нам обоим, Стив.

Дейлт подошел к упавшему Антону с дымившейся дырой в груди:

— Мне этого совсем не хотелось. Знаешь, както нечестно... У него был только меч...

Он еще не пришел в себя, еще не понял, что произошло в последние минуты.

— Какая тут к черту честность? О какой «честности» может идти речь, когда кто-то пытается тебя убить?

Но он словно не слышал, обшаривая землю.

— Где моя рука? Если мы ее привезем, может, пришить удастся...

— Никаких шансов, Стив. Когда прибудем на базу, некроз уже полностью разовьется.

Дейлт сел, осознав, наконец, положение дел.

— Ну ладно, — сдался он. — Протезисты нынче делают настоящие чудеса.

— Протезисты? Мы *новую* вырастим!

Стивен помолчал, прежде чем отвечать.

— Новую кисть?

— Конечно! В твоем организме еще имеется добрый запас всемогущих мезенхимных клеток. Я уже их направил в культуру, так что скоро кисть под моим руководством без проблем отрастет. Очень жаль, в самом деле, что люди лишены возможности сознательно контролировать физиологию своего тела. При надлежащем управлении человеческий организм способен почти на все.

— Ты хочешь сказать, у меня снова будет рука?
Здоровая и новая?

— Здоровая и новая. А теперь предлагаю садиться в корабль и отчаливать. Мозг зовет герцога, и к его появлению нам, по-моему, лучше убраться отсюда.

— Знаешь, — заключил Дейлт, садясь в челнок и закрывая люк за собой, — пожалуй, под твоим присмотром я доживу до глубокой старости.

— Пока я придерживаю дегенеративные процессы, ты будешь жить вечно.

Он замер на полу шаге.

— Вечно?

— Ну да. Старожилы этой планеты знают, что говорят, предупреждая детей: «Из каждой тысячи пораженных девятьсот девяносто девять умрут». Вывод очевиден — тысячный *никогда* не умрет.

— Никогда?

— Ну, если тебе в грудь ударит энергетический заряд, как Антону, я ничего не смогу поделать. Если нет, позабочусь, чтобы ты не умер от старости. Собственно говоря, чтобы даже не старился.

Потрясающий смысл слов Парда вдруг обрушился на него с полной силой.

— Иными словами, — выдохнул Стивен Дейлт, — я бессмертен...

— Предпочитаю другое местоимение — мы бессмертны.

— Не верю.

— Мне плевать, веришь или не веришь. Я буду хранить твою жизнь долго-долго, Стив, ибо, пока ты живешь, я живу, а мне все больше нравится жить.

Он не шевельнулся и не ответил.

— Ну, чего ждем? В галактике полным-полно миров, которые надо увидеть, обжить, а этот осточертел мне до тошноты!

— Куда спешить? — улыбнулся Дейлт.

После долгой паузы Пард согласился:

— Твоя правда, Стив. Действительно, нет никакой спешки. Все на свете время наше. Буквально.

Часть вторая

ИСЦЕЛИ БЛИЖНЕГО

Год 218-й

Трудно пока оценить смертоносные последствия белой горячки. Это не чума в истинном смысле слова — она наносит удар однократно, безрассудно, случайно, прыгая с планеты на планету, из одного конца освоенного космоса в другой, лишая разума жертву за жертвой. Природа этой болезни нам до сих пор неизвестна. Эффективных профилактических средств не найдено. Ее умел лечить единственный человек по прозвищу Целитель.

Целитель впервые явился в Институт психофизиологических заболеваний в Чесни на Ларго-IV, созданный под эгидой Межзвездного медицинского корпуса. В ходе тщательной проверки, проведенной в то время компетентными лицами, выяснилось, что мужчину с подобной уникальной внешностью часто видели в исследовательском центре ММК на Толиве.

Однако ММК категорически и упорно отказывается делиться какой-либо информацией о своих связях с Целителем, заявляя лишь, что там ему оказывали «логистическую поддержку», пока он перелетал с планеты на планету. Сами ли предста-

вители Корпуса обнаружили этот талант, раскрыли его или фактически наделили Целителя необычайной психической силой, известно только им.

Из книги Эммерица Фента
«Целитель: человек и легенда»

IV

С наслаждением греясь на солнышке, по одной из оживленных центральных улиц Чесни медленно шагал мужчина. Открывавшуюся впереди перспективу неожиданно загородило огромное перекошенное лицо, угрожающее замаячившее перед глазами. Мужчина даже на секунду почуял дыхание на щеке. Потом лицо исчезло.

Он остановился, сощурился. Раньше ничего подобного не бывало. Осторожно выдвинул вперед ногу, продолжая прогулку, и... поднял тучу пыли.

Вокруг расстилалась голая бесплодная пустыня, жестокое солнце мигом сожгло кожу до волдырей, кровь почти закипела. Небо вдруг затемнили крылья гигантской птицы без перьев, которая, сделав два круга, ринулась вниз на него с такой скоростью, что им обоим грозила верная гибель. Жадный, широко открытый бездонный клюв надвигался все ближе и ближе...

...Внезапно он вновь очутился на улице, прислонился к успокоительно прочной стсне ближайшего здания, обливаясь потом, судорожно хватая ртом воздух. Ужас какой-то... Надо искать врача. Мужчина оторвался от стенки и...

...провалился в темную бездну. Не в мирную тихую темноту, а в голодную. Кувыркаясь, он низвергался в вечность. Внизу показался свет, на

близком расстоянии принял форму червя-альбиноса, слепого, клыкастого, длиной в несколько миль, который поджидал его с разинутым ртом.

Из груди вырвался вопль, но ни звука не слышалось.

Он все падал и падал.

V

Пард снова принялся в игры играть. Когда челнок с Тарводета состыковался с лайнером на орбите и пассажиры делали пересадку, попытался оказать психоническое влияние на выбор мест.

— Тиг в синем сидет в третью кабинку слева.
— Мысли читаешь? — полюбопытствовал Дейлт.
— Нет, даю указания.
— Никогда не сдаешься, да? Сколько помню, пробуешь совершить этот фокус.

— Угу, но, по-моему, сейчас выйдет. Смотри.

Дейлт посмотрел, как мужчина в синем вдруг остановился перед третьей кабинкой слева, поколебался, вошел и уселся.

— Что ж, поздравляю, — вслух шепнул он.
— Благодарю вас, сэр. Теперь вон тот паренек сядет туда же.

Тоший долговязый подросток, о котором шла речь, прошагал мимо третьей кабинки слева, не бросив на нее даже взгляда, и устроился в пятой справа.

— Проклятье!
— Что случилось?

— Ах, мальчишка, наверно, заранее решил, где сядет... Видно, часто путешествует, у него есть любимое место.

— Возможно. Есть еще вероятность, что мужчина в синем тоже часто путешествует и случайно облюбовал третью кабинку слева.

— Цинизм не к лицу тебе, Стив.

— Трудно оставаться наивным, не разлучаясь с тобой два столетия.

— Ну тогда разреши объяснить. Видишь ли, мне не удастся заставить мужчину сделать пробор слева, если он предпочитает его делать справа. Однако, если ему глубоко паплсвать, с какой стороны провести пробор, можно, наверно, добиться, чтоб он поступил по-моему.

По салону шагала стройная красотка блондинка в облегающем блестящем костюме.

— Слушай, куда се посадим?

— Меня это не интересует.

— Нет, интересует. Сердце вчетверо быстрее колотится, в пауху сладко шекочет.

— Согласен, она привлекательна...

— Более чесн привлекательна. Поразительно похожа на Джин, да?

— По правде сказать, не обратил внимания.

— Брось, Стив. Ты меня не обманешь. Сразу заметил сходство... Никогда не забудешь ту женщину.

Наверно, действительно никогда.

Он потерял ее больше ста сорока стандартных лет назад. Случайная любовная интрижка на борту корабля во время экспедиции на Кваси вылилась в невероятную фантастическую идилию. Джин без юговороочно доверяла ему, хоть и не понимала, почему он отказывается от компенсации по инвалидности, лишившись на Кваси левой руки. Впрочем, вскоре недоумение сменилось изумлением, когда

стало абсолютно очевидно, что кисть возлюбленного вновь отрастает. Она слышала об инопланетных существах, способных регенерировать члены, ходили толки, будто Межзвездный медицинский корпус экспериментирует с целенаправленной регенерацией, но тут рука вырастала сама по себе!

Если сам факт восстановления кисти был поразительным до невозможности, то процесс регенерации вообще выходил за рамки реальности. Не возникло никаких зачатков пальцев, никакой изначальной основы для реконструкции отрубленной кисти. Сначала зажил обрубок запястья, потом появились тенар и гипотенар¹, понемногу сформировалась ладонь. Когда ладонь с пястью были готовы, началась работа над фалангами пальцев. Первым был завершен большой палец с ногтем и всем прочим, потом остальные. У них на глазах словно строилось многоэтажное здание, причем каждый этаж перед возведением следующего получал окончательную отделку. Процесс длился четыре стандартных месяца.

Джин спокойно относилась к удивительному событию, фактически радуясь, что ее мужчина вновь в целости. Со временем Стивен ей объяснил, что он уже не совсем человек, к его организму добавился новый фактор, проникший в мозг сквозь пятно на макушке, заросшее серебристыми волосами. Он стал двойственной личностью с одним мозгом, но двумя сознаниями, одно из которых действует на клеточном уровне.

И с этим она примирилась. Может быть, не поверила бы, если б на месте отрубленной не вы-

¹ Тенар, гипотенар — возвышение соответственно большого пальца и мизинца.

росла новая кисть. Никаких сомнений — вот она, пусть другого цвета, но на своем собственном месте. Раз это правда, то и другие признания Стива должны быть правдой. Поэтому она верила. Он был ее любимым мужчиной, остальное роли не играло...

...пока все более важную роль не начали играть годы. Джин видела, как редеют ее волосы, высыхает и морщится кожа. Новые способы омоляживания еще были несовершенными, оказывали минимальный эффект. А любимый мужчина по-прежнему цвел, ни на день не состарившись с момента их первой встречи. С этим она не смогла примириться. Любовь постепенно ослабла, иссохла, рассыпалась в прах, перешла в отвращение. Откуда недалеко до отчаянной ненависти.

Поэтому Дейлт расстался с Джин — ради нее, чтоб она не лишилась рассудка. И больше не вернулся.

— Пожалуй, велю ей сесть справа рядом с тобой.

— Не трудись.

— Придется потрудиться. После разлуки с Джин ты уклоняешься от близости с женщинами. На мой взгляд...

— Твой взгляд меня не интересует. Не превращайся в сводника.

— Тем не менее...

Девушка остановилась у его плеча и прожурчила:

— Это место не занято?

— Нет, — со вздохом сдался он, глядя, как она усаживается.

Безусловно, имеет полное право носить облегающие костюмы: фигура достаточно стройная, чтобы ничего лишнего не выпячивалось, и достаточно пышная, чтобы наряд сидел как влитой, живя собственной жизнью. Промельнула праздная мысль, как Джин выглядела бы в подобном костюме, но Дейлт сразу выкинул ее из головы.

— Меня зовут Эллен Леттр.

— Стивен Дейлт, — автоматически кивнул он.

— Откуда вы, Стив? — поинтересовалась она после неловкой паузы.

— С Дерби.

Снова возникла пауза, еще более неловкая и напряженная, чем прежде.

— *Сжалься над девушки! Она старается завязать дружескую беседу. Сходство с Джин вовсе не повод от нее шарахаться, как от лишайной трухи.*

— Твоя правда, — мысленно согласился Дейлт и добавил вслух: — Занимался в тамошнем университете микробиологическими исследованиями.

Девушка улыбнулась — любо-дорого посмотреть.

— Вот как? Значит, вы с биологического факультета? В прошлом году я слушала курс доктора Чалмерса.

— А! По химии шизофрении? Классический курс лекций. Вы психохимик?

Она кивнула:

— В данный момент возвращаюсь из небольшой исследовательской экспедиции. Только не припомню, чтобы встречала вас на биологическом факультете.

— Я в основном занимался самостоятельно, много было работы.

Действительно. Дейлт с Пардом оба заинтересовались мириадами микробных форм жизни, обнаруженных на исследуемых планетах человеческого сектора галактики. Открывались невероятные способы метаболизма, энзимные системы, в результате чего биологические «законы» без конца пересматривались. Инопланетная микробиология превратилась в гигантское поле исследований. Требовались годы, чтобы начать серьезную работу, и десятилетия, чтобы оставить свой след. Они с Пардом внесли примечательный вклад и опубликовали немало авторитетных работ.

— Дейлт... Дейлт, — задумчиво забормотала девушка. — Да, кажется, я о вас не раз слышала. Только, как ни странно, думала, что вы гораздо старше.

Точно так же думали бы и коллеги по биологическому факультету, если б он вовремя не ушел. Его ровесники, одновременно пришедшие в университет, здорово раздались в талии, поседели — пора было сматываться. Кое-кто уже любопытствовал, где он принимает омолаживающие процедуры. К счастью, Центр ММК предложил ему видное место в группе исследователей антимикробной терапии, и он охотно согласился.

— Взяли в Дерби годичный академический отпуск? — спросила она.

— Нет, совсем ушел. Направляюсь теперь на Толиву.

— Значит, будете работать в Межзвездном медицинском корпусе?

— Как вы догадались?

— На Толиве их главная исследовательская штаб-квартира. Если ученый направляется на Толиву, обязательно будет с ними сотрудничать.

— Собственно говоря, я ученым себя не считаю. Просто некий бродячий студент, кочующий из одного места в другое, прихватывая кое-что по дороге.

До сих пор Дейлт с партнером служил инженером на межзвездном грузовике, разведчиком на Тандеме, рыбаком на Джелке и так далее, лениво, но целенаправленно накапливая знания и жизненный опыт в человеческом галактическом секторе.

— В ММК точно многого нахватаетесь.

— Вы там служите?

— Руковожу психиатрическим отделением. Фактически занимаюсь моделированием поведения, но стараюсь получить представление о картине в целом, поэтому и прослушала курс Чамберса.

Стивен кивнул.

— Скажите мне вот что, Эллен...

— Эл.

— Ладно, Эл. Чем занимается ММК? Признаюсь, я взялся за дело вслепую. Получил предложение и согласился, ничего практически не выяснив.

— Я больше нигде бы не стала работать, — спокойно заявила она, и он ей поверил. — ММК собирает лучшие умы со всех концов человеческой галактики с единственной целью — накапливать знания.

— Меня никогда особенно не привлекало знание ради знания. Честно сказать, я иначе себе представлял ММК. В академических кругах его считают весьма корыстной, торгашеской организацией.

— Ученые и врачи практики не обращают большого внимания на мнение академиков. И я не ис-

ключение из подобного правила. Группа медиков довольно-таки авантюрного склада создавала ММК на частные средства — на займы, а не на гранты...

— Нечто вроде бригады скорой помощи?

— Да, на первых порах. Где-то вечно бушует какая-нибудь чума, так что эта самая группа летала повсюду, оказывая услуги за деньги. В основном предлагалось поддерживающее лечение. Тогда уже выяснилось, что многочисленные патогенные и вирусные организмы на пораженных ими планстах устойчивы к современным терапевтическим методам, и группа, получив срочный вызов, могла лишь протягивать руку помощи. Они кое-чего добились, запатентовали новые методы, потом осознали необходимость дальнейших фундаментальных исследований. Открыли на Толиве постоянную базу и начали глубже копать.

— По-моему, довольно успешно. Теперь ММКbasнословно богат.

— Могу вас заверить, никто с голоду не умирает. В корпусе хорошо платят, надеясь на привлечение лучших умов. Выделяются невероятные средства на разнообразные исследования, ученым предлагается добрая доля доходов с открытый, имеющих рыночный спрос. Знаете, недавно мы временно передали компании «Теблинко фарма-сьютикалс» право на производство антитоксина печально известной лишайной трухи.

На Дейлта это произвело серьезное впечатление.

Лишайная труха буквально изводила межзвездных путешественников. С виду напоминала обычновенный лишай средней степени тяжести, однако грибок вырабатывал нейротоксин с неизменно фатальным воздействием на центральную нервную систему. В высшей степени заразное заболевание,

излечимое только при быстром обнаружении, при обязательном удалении пораженного участка кожи, пока не было найдено средство против него.

— Наверно, один этот препарат целиком финансирует деятельность ММК.

Эл покачала головой:

— Ни в коем случае. Вы, видно, понятия не имеете о масштабе деятельности корпуса. На каждое окупившееся исследование приходятся тысячи тупиковых. Все они требуют денег. Крупнейшее фиаско мы потерпели с Натаном Себитовым.

-- Да, я слышал, он ушел.

— Его *попросили* уйти. Возможно, это величайший в галактике биофизик, однако он опасен — полностью пренебрегает требованиями безопасности по отношению к самому себе и к собственным сотрудникам. Работал с каким-то чудовищным излучением и в конце концов полностью израсходовал отпущеные средства.

— Ну, по-моему, быстро найдет себе новое место.

— Естественно. Через пару дней после так называемого «ухода» из ММК ему предложили на Камедоне все необходимое для продолжения дела.

— Камедон... Образцовая планета, в которую Перестройщики вбухивают кучу денег?

Она кивнула:

— И Натан Себитов стал самым пышным пером на шляпе. Должен сделать какое-то потрясающее открытие. Остается надеяться, что его забавы с жестким излучением все вокруг не погубят.

Девушка помолчала и снова заговорила:

— Возвращаясь к вопросу о знании ради знания, эта идея мне тоже несимпатична. Но ММК

олицается на допущение, что всякое знание — по крайней мере, научное — со временем так или иначе приобретает практическое значение. Жизнь определяют внутренние — телесные — и внешние факторы, и чем больше мы знаем о тех и других, тем эффективнее будут наши попытки усовершенствовать определенное взаимодействие между ними, критически важное для человека.

— Слышу настоящего бихевиориста, — рассмеялся Дейлт.

— Простите, — вспыхнула Эл. — Меня то и дело заносит. Так или иначе, вы поняли разницу, которую я старалась описать.

— Понял и согласен. Приятно думать, что я направляюсь не в гигантскую башню из слоновой кости. Но почему корпус обосновался на Толиве?

— На Толиве самая благоприятная политическая и экономическая ситуация: власть не прибегает к насилию, много молодой рабочей силы. Переbrавшись туда, ММК обеспечил планете дальнейшее процветание, укрепив и правительство — я употребляю это понятие потому, что вы незнакомы с тамошней жизнью, — и экономику.

— О Толиве я всякое слышал.

— Слышали, будто ею управляют садисты, фашисты, анархисты и прочие негодяи, каких только можно придумать, и без ММК планета быстро превратилась бы в адскую преисподнюю?

— Ну, пожалуй, не так круто, но у меня сложилось похожее впечатление. Не особенно страшное, лишь слегка угрожающее. Есть тут хоть доля правды?

— Меня не спрашивайте. Я там родилась и поэтому необъективна. Если угадаете, кто еще там

родился, догадаешься об инициаторах клеветнической кампании.

Дейлт озадаченно задумался на минуту. Исключительно чуткий Пард бросился на подмогу:

— *Питер Ла Наг родился на Толиве.*

— *Ла Наг!* — с наигранным изумлением воскликнул Стивен. — Ну конечно!

Эл вздернула брови.

— Неплохо. Этот факт мало кто помнит.

— По-вашему, кто-то старается дискредитировать *Ла Нага*, пороча его планету? Смешно. Кому хочется очернить автора Устава Федерации?

— Тем, кому хочется изменить Устав, — разумеется, Перестройщикам. Толива не один век тому назад ступила на свой нынешний путь, задолго до рождения *Ла Нага*, и еще долго им следовала после его кончины. Слухи и толки пошли лишь с зарождением движения Перестройщиков, положив начало долгосрочной кампании. Увидите, прольется еще больше грязи. Цель — запятнать прошлое *Ла Нага*, а значит, и его идеи, поставив под сомнение дело всей его жизни, Устав Федерации.

— Вы наверняка ошибаетесь. Вдобавок ложь быстро разоблачится.

— Ложь — да. А сплетни и намеки останутся. Мы на Толиве по-своему смотрим на жизнь, и этот взгляд очень легко исказить до омерзительной неузнаваемости.

— Если хотите меня запугать, это вам хорошо удается. Объясните-ка лучше, к чему мне готовиться.

— Вам ведь руки никто не выкручивал, я полагаю? — холодно улыбнулась она. — Вы направляетесь на Толиву по своей собственной свобод-

ной воле, и, по-моему, лучше ее увидеть своими глазами. Кстати, о руках...

Дейлт заметил, что Эл разглядывает его левую руку.

— А, заметили другой цвет кожи?

— Трудно было бы не заметить.

Он взглянул на свою кисть, медленно поднял ее с колена, повернулся, вытянул желтые пальцы с золотыми лунками ногтей, открыл веснушчатую ладонь. За четкой гранью на запястье кожа приобретала нормальный цвет. Острый меч Антона рубил чисто.

— Несколько лет назад во время неудачного химического эксперимента цвет кожи на руке навсегда изменился.

Эл нахмурилась.

— Полегче, Стив, — предупредил Пард. — Она все-таки медик, может и не поверить твоей старой байке.

— Это легко поправить, — заметила она после паузы. — Я знаю на Толиве нескольких пластических хирургов...

— Спасибо, не надо, — перебил ее Дейлт, покачав головой. — Пускай так остается, в напоминание, что впредь надо быть осторожней. Я мог погибнуть.

— Молодец! Упрямо настаиваешь на своем! Почти двести лет не даешь мне исправить эту непривлекательную пигментацию. Признаю свою вину. Никогда раньше не занимался реконструкцией членов и...

— Да-да-да. Ошибся с меланином¹. Не хочу вспоминать, сколько раз мы это обсуждали.

¹ М е л а н и н ы — пигменты коричневого и черного цвета, определяющие окраску кожных покровов.

— Я исправил бы ошибку, если бы ты позволил.
Противно даже думать, что у тебя одна рука желтая. Меня это угнетает.

— Потому что ты импульсивный одержимый маньяк.

— Ха! Так выражаются лишь слизняки, унижающие перфекционистов!

Эл перевела взгляд на седую прядь волос на макушке:

— Тоже результат несчастного случая?

— Очень опасного, — серьезно кивнул Стивен.

— Нечестно! Я ничего не могу сказать в свое оправдание!

Она откинулась на спинку кресла, внимательно, с искренним любопытством разглядывая собеседника.

— Золотая рука, серебряная прядь, крупный огненный камень на шее... Весьма впечатляющее, Стивен Дейлт.

Он небрежно повертел в пальцах драгоценный камень.

— Память о прежних, гораздо более рискованных предприятиях. Чистая сентиментальность.

— По цвету вы весьма ценный объект для любого микробиолога, — заметила девушка с очень теплой улыбкой. — Наверняка поднимете в ММК крупные волны.

Через несколько дней они сидели в салоне орбитальной станции, глядя на вращающуюся внизу Толиву, выпивая в ожидании членока. Проплыавший мимо дородный мужчина в синем джемпере притормозил и тоже присмотрелся.

— Правда, красиво? — спросил он, и оба согласно кивнули. — По какой-то мне самому непонятной причине я всякий раз, видя такую картину, чувствую себя полным ничтожеством. А вы?

Эл проигнорировала вопрос и спросила в свою очередь фактически утвердительным тоном:

— Вы не с Толивы?

— Нет. Лечу на Нику. Придется ждать здесь на орбите удобной пересадки для дальнейшего прыжка. Никогда тут не был. — Он кивком указал на планету внизу и добавил: — Почему вы так уверены, что я не с Толивы?

— Никто из жителей планеты никогда не сделал бы подобного замечания, — мгновенно ответила Эл и сразу же потеряла интерес к беседе.

Дородный мужчина помедлил, пожал плечами и поплыл дальше.

— В чем вообще дело? — полюбопытствовал Дейлт. — Что он сказал настолько неподобающее уроженцу Толивы?

— Как я вам уже говорила, мы смотрим на вещи иначе. Человеческая раса освоила крошечную планету множество световых лет назад, создала технологию, которая нам позволяет сидеть на орбите некогда чужой планеты, уютно и спокойно потягивая ядовитый напиток в ожидании, когда другой корабль доставит нас вниз. Уверяю вас, принадлежа к этой расе, я чувствую себя кем угодно, только не ничтожеством.

Дейлт, глядя вслед пассажиру, который завязал дискуссию, заметил, что тот на ходу пошатнулся. Стараясь восстановить равновесие, шире расставил ноги, остановился, щурясь в пустоту, по лицу потекли капли пота, оставляя на синем джемпере темные пятна. Потом вдруг повернулся, всплес-

нуж руками, перекосился от ужаса и неразборчиво завопил.

Эл, не говоря ни слова, вскочила, выхватила микрошиприц из висевшей на поясе сумочки и бросилась к мужчине, уже превратившемуся в воющий и бормочущий комок страха. Прижала овальную головку инструмента к шее сбоку, нажала на поршень.

— Успокоится через минуту, — объявила она озабоченно прибежавшему стюарду. — На первом же членоке отправьте больного в Центр ММК, чтобы его немедленно доставили в Большой Синий дом.

Стюард покорно кивал, радуясь, что кто-то взял на себя руководство событиями. И действительно, когда на помощь подоспели еще двое членов команды, дородный мужчина утих, хоть по-прежнему всхлипывал.

— Что это за чертовщина с ним приключилась? — спросил Дейлт, глядя через плечо Эл, как больного уносят на койку в конце отсека.

— Тяжелый приступ белой горячки.

— Нет, я серьезно...

— Я тоже. Во всем человеческом секторе галактики с мужчинами и женщинами любого возраста случается одно и то же: они впадают в неизлечимое острое психопатическое состояние. Все люди абсолютно нормальны в биохимическом смысле, в подавляющем большинстве обладают прекрасным здоровьем. За последние десять лет мы сталкиваемся с такими больными в самых разных местах, совершенно непредсказуемых, и ничем, черт побери, не можем помочь.

Она стиснула зубы, решительно выпятив челюсть и ясно давая понять, что нисколько не со-

бирается оставаться беспомощной в любой ситуации, особенно в медицинской.

Стивен смотрел на нее, чувствуя на душе нараставшую тяжесть. Чудесная женщина, необычайно умная, с собственным мнением, внешне очень похожа на Джин, но неотвратимо смертная. Не хочется завязывать отношения, которые она, очевидно, старается установить. Всякий раз, испытывая искушение, достаточно вспомнить искаженное ненавистью лицо Джин в прощальные минуты.

— Пожалуй, нам не стоит заниматься микробиологией, — сообщил он Парду, не сводя глаз с Эл.

— А чем стоит?

— Как насчет продления жизни?

— Ох, нет! Снова?

— Да! Только на этот раз в Центре ММК вместе с лучшими в галактике научными умами.

— Лучшие умы в галактике вечно работают над этой проблемой, и любой «крупный шаг вперед», любая «новая надежда» неизбежно оказываются тупиковыми. Человеческие клетки достигают определенного уровня специализации, потом теряют репродуктивную способность. В оптимальных условиях продержатся сто лет, максимум. После этого дезоксирибонуклеиновая кислота разжижается, а рибонукleinовая тем более. Энзимы не справляются, начинается токсикоз, наступает смерть. Почему так происходит, никто не знает, включая меня, ибо я не способен мысленно проникнуть на молекулярный уровень. И, судя по современной литературе, в ближайшем будущем никто не узнает.

— Но мы могли бы внести уникальный вклад...

— Думаешь, я бы сам этим не занялся, хотя бы для того, чтобы снабдить тебя более или менее вечной

спутницей? Знаешь, приступы твоей черной тоски не слишком-то приятны.

— Догадываюсь. — Стивен помолчал. — Кажется, очередной подступает.

— Знаю. Предупредительные метаболические вымпелы уже выброшены. Слушай, почему бы тебе не сойтись с этой женщиной? Вы нравитесь друг другу, по-моему, будет очень даже неплохо.

— Особенно когда она превратится в сварливую старуху, а я останусь молодым.

— Откуда тебе известно, что она тебя так долго вытерпит? — подколол его Пард.

Стивен не нашел подобающего ответа.

Полет члнока завершился без всяких событий. Дейлт неохотно принял предложение Эл подбросить его из космопорта в отель. Его обуревали смешанные чувства: желание тесней сблизиться с этой женщиной и в то же время держаться от нее как можно дальше. Поэтому в поисках безопасной и легкой темы для разговора он сделал замечание об отсутствии фильтров в воздухе.

— Мы пока в основном пользуемся наземным транспортом, — объяснила она, — хотя сообщается, что один автозавод приступил к производству летательных аппаратов. Хорошо бы купить по разумной цене. Те, что сейчас имеются на Толиве в продаже, доставляются межзвездными грузовиками, а это жутко дорого!

Эл остановила похожую на пузырь машину у будки на выезде из космопорта, вытащила карточку, сунула в прорезь. Карточка исчезла на пару секунд, потом выскоцила. Она ее вытащила, за-

хлопнула круглую крышку автомобильчика и тронулась с места.

— Зачем это?

— Дорожная пошлина.

— Вы хотите сказать, что на этой планете в самом деле платные дороги? — недоверчиво спросил Дейлт.

Она кивнула:

— Теперь уже ненадолго. Когда у нас будет вдоволь флитеров...

— Все равно, дороги принадлежат всем и каждому.

— Нет. Они принадлежат тем, кто их строит.

— Но взимать за проезд по ним пошлину...

— По-вашему, дороги надо строить за счет налогов? — Эл окинула его пристальным взглядом.

— Я езжу по этой дороге пару раз в год, для чего мне ее постоянно оплачивать? Несколько человек собрались, проложили ее и при каждом проезде берут с меня плату. Что тут плохого?

— Ничего, кроме того, что на любом повороте придется выкладывать денежки.

— Не обязательно. Как правило, местные жители вместе вкладывают деньги в устройство улиц и предоставляют их в общее пользование. В деловых кварталах дороги бесплатные по очевидным причинам. Некоторые крупные корпорации прокладывают общественные дороги, которые, естественно, в их честь называются, служа постоянной рекламой.

— Лишние хлопоты, на мой взгляд. Было бы гораздо проще взять налог с каждого...

— Только не на нашей планете. У толивианцев ничего нельзя взять. Лишь угрозой физического насилия можно принудить меня платить за доро-

ту, по которой я никогда не езжу. А мы здесь не любим физического насилия.

— Пацифистское общество?

— Может быть, не такое уж пацифистское... — Она вдруг оборвала начатую фразу, резко свернула к выездной эстакаде, быстро, сухо улыбнулась. — Простите... Я совсем забыла, что должна отвезти вас в отель.

Дейлт прекратил разговор, разглядывая толивианский ландшафт со своей стороны круглого пузырчатого автомобильчика. Ничего примечательного: там и сям на равнине купы приземистых деревьев, похожих на хвойные, жесткая трава, горная гряда вдали.

— Прямо скажем, не пышный сад, — пробормотал он через какое-то время.

— Да, засушливый район. Ось Толивы слегка отклоняется от геометрической, орбита лишь приближается к эллипсоидной. Поэтому в каждой области климат почти весь год одинаковый. Сельское хозяйство в основном развивается в северном полушарии, промышленность — на юге, как правило поблизости от космопортов.

— Звучит прямо как доклад Министерства экономики, — с улыбкой заметил он.

— Я горжусь своим миром, — серьезно ответила Эл.

Впереди на дороге вдруг выскоцил поджидавший их город. В последнее время Дейлт слишком долго жил на Дерби, привыкнув к высоким городам, таким же, как на родной Френдли. А эта плоская лепешка с постройками в один-два этажа, видимо, олицетворяла толивианское представление о городах.

«Спунервилл, — гласил плакат с надписью на Всемирном языке, — население: 78 000».

Ехали мимо выстроившихся в ряд домов ярких веселых цветов, отдельных и сплошной застройки. То и дело мелькали склады, магазины, рестораны и прочее. Здание гостиницы выступало вперед между соседними, возвышаясь аж на четыре этажа.

— Не «Хилтон-Центавр», — буркнул Стивен, когда пузырь тормознул перед парадным подъездом.

— Толице нечего предложить туристам. Отель вполне удовлетворяет потребности Спунервилла. Если бы он был переполнен, кто-нибудь обязательно выстроил бы другой. — Эл умолкла, взглянув ему в глаза. — У меня симпатичный домик на равнине, на двоих места хватит, закаты поистине фантастические...

Дейлт попытался выдавить улыбку. Она ему нравится, он сам волен принять или отклонить предложение, которое обещает нечто большее, чем любование солнечными закатами.

— Спасибо, Эл. С радостью согласился бы, но не сейчас. Постараюсь вас завтра найти в ММК после встречи с доктором Вебстом.

— Ладно, — вздохнула она, пока он вылезал из машины. — Желаю удачи.

Не сказав больше ни слова, захлопнула крышку пузыря и уехала.

— Знаешь пословицу, которая гласит, что фурия в аду ничто по сравнению с отвергнутой женщиной? — поинтересовался Пард.

— Знаю, но она, по-моему, не такая. Для столь примитивной реакции у нее слишком хорошая голова на плечах.

Дейлта ждал заранее заказанный номер, багаж вот-вот должны были доставить из космопорта. Он подошел к бледно-молочному глухому окну, щелкнул тумблером — вся стена стала прозрачной. Часы показывали 18.75 — здешний день длится двадцать семь часов, к чему придется привыкать, прожив долгие годы на Дерби, где продолжительность дня составляет двадцать два часа. Закат полыхал за горами оранжевым взрывом. Из домика Эл на равнине, наверно, еще лучше смотрится.

— Да ведь ты же ее отфутболил, — напомнил Пард, уловивший последнюю мысль. — Ну, что вечером будем делать? Пойдем поглядим, как развлекаются жители этой кипучей столицы?

Стивен присел на корточки у окна, привалившись спиной к стене.

— Пожалуй, лучше тут посижу, немножко погляжу. Сам иди, — проворчал он вслух.

— Как же я могу уйти?

— Ты меня понимаешь.

— Разумеется, понимаю. Мы через это проходим при каждом вынужденном переселении, как только твои ровесники начинают на нас удивленно поглядывать. Ты принимаешься тосковать по Джин...

— Я по ней *не* тоскую!

— Как тебе будет угодно. Шатаешься из стороны в сторону, вроде лентемианской коровы, потерявшей теленка. Хотя дело вовсе не в Джин. Она никакого касательства не имеет к подобным перепадам настроения. Она умерла, исчезла, ты с этим давным-давно смирился. Тебя угнетает собственное бессмертие. Не желаешь, чтобы люди видели, как ты, в отличие от них, не стареешь с годами...

— Не желаю прослыть ненормальным, не нуждаюсь в подобной известности. Глазом моргнуть

не успеешь, как кто-нибудь заинтересуется секретом моего долголетия и ни перед чем не остановится, чтоб его раздобыть. Вполне могу без этого обойтись, большое спасибо.

— Прекрасно. Замечательные, основательные причины изображать из себя обыкновенного смертного среди смертных. Единственный способ по-настоящему делать то, что нам хочется. Но только на поверхностный взгляд. В глубине души ты должен по-настоящему осознать *невозможность* жить жизнью смертного человека. Нельзя позволять себе роскошь личных отношений «навеки», в отличие от смертных, для которых это означает до окончания слишком короткой жизни. Тогда как ты, возможно, станешь свидетелем конца света. Поэтому, пока не сумеешь найти себе вечную спутницу, довольствуйся более или менее краткосрочными связями и перестань скорбеть, что не умрешь через несколько десятилетий вместе со всеми своими друзьями.

— Иногда хочется, чтоб я *мог* умереть.

— Ну, мы оба знаем, что это несерьезно. Даже если серьезно, я этого не допущу.

— Убирайся, Пард!

— Уже ушел.

И действительно, Пард забился в далекий уголок подсознания, видимо разрабатывая какую-то темную философскую проблему или погрузившись в пространные математические абстракции. Дейлт, наконец, остался один.

Один. Вот в чем причина периодов черной депрессии. Все отлично, пока он обживается в новом мире, заводит друзей, принимается за желанную в данный момент работу. На протяжении нескольких десятилетий чувствует себя как дома, а потом начи-

наются удивленные взгляды, осторожные расспросы. Вскоре он вновь сидит в межзвездном лайнере, между мирами, между жизнями. Наваливается тяжкое чувство бездомности, неприкаянности, отсутствия всяких корней.

И в культурном смысле он тоже чужак. Пока еще не идет речи об общечеловеческой межзвездной культуре. На каждой планете складываются свои традиции, которыми она гордится. Никто по-настоящему не чувствует себя дома ни в одном мире, кроме родного, поэтому промахи чужака легко прощаются в надежде, что другим чужакам в иных мирах точно так же извинят любую оплошность. Не беспокоясь по поводу анахронизмов в своем поведении и кое-что усваивая в каждом мире, куда он попадал, Стивен Дейлт стремительно превращался в единственного представителя настоящей межзвездной гуманитарной культуры.

Из чего следует, что ни один мир не будет ему подлинным *домом* — лишь на межзвездном лайнере он на кратчайший миг чувствует себя *домом*. Даже на родной Френдли остается чужаком, с огромным трудом отыскав в своем городе пару знакомых примет во время недавнего, в высшей степени неудачного сентиментального путешествия.

Пард, разумеется, прав. Он почти всегда прав. Нельзя жить двумя жизнями, нельзя быть бессмертным с мышлением смертного. Надо шире смотреть на жизнь, видеть происходящее в более крупном масштабе. Стивен Дейлт остается по-прежнему человеком, хочет жить среди других людей, только должен рассматривать время с точки зрения бессмертного существа, чего пока не

может или не хочет. Отношение к времени отделяет его от всего человечества, и это необходимо учитывать. До сих пор он проживал множество маленьких разных отдельных жизней одну за другой. Все они принадлежат ему, надо лишь найти способ сплавить их воедино. Этим он и займется. Спешить некуда... У него полным-полно времени.

Снова мысль о бесконечном времени... Интересно, когда оно кончится? Кончится ли вообще? Наступит ли минута, когда ему захочется покончить с жизнью? Позволят ли ему это сделать? Недавнее заявление Парда насторожило его. Они случайно очутились в одном теле, стали жить одной жизнью. Вдруг один партнер решит уйти? Безусловно, не Пард со своим ненасытным интеллектуальным аппетитом. Нет, если кто-то когда-то решится уйти, то, естественно, Стивен. Пард этого не допустит. С виду смехотворная ситуация, но лет через тысячу вполне может осуществиться. А как разрешится? Найдет ли Пард способ удовлетворить желание партнера, лишив его сознания и гарантировав таким образом смерть, поскольку, по его философии, мышление есть жизнь, а жизнь есть мышление, и оставшись после этого единственным хозяином тела?

Дейлт передернулся. Разумеется, моральный кодекс не позволит Парду ничего подобного, если партнер решительно не потребует. Тем не менее такие мысли не радуют. Даже в черном тумане депрессии, который его нынче окутывал, Стивен твердо знал, что очень любит жизнь. Планируя на завтра и на каждый дальнейший день массу дел, он погрузился в сон, когда над горизонтом всплыла вторая из трех лун Толивы.

Немного запыхавшийся Дейлт успел прибыть в административный отдел ММК к назначеннй на 09.5 встрече с доктором Вебстом и уселся в приемной, чувствуя голод и боль в спине.

Утро пока неудачное — если так пойдет дальше, весь день не задастся. Лучше вернуться в отель и заползти в постель, свернувшись в клубок, как зародыши.

Он поздно проснулся, прикорнув в углу у окна, заметил стоявший у двери багаж. Пришлось лихорадочно рыться в вещах в поисках презентабельного костюма, бежать в вестибюль, ловить такси, чтобы вовремя доехать до офиса ММК. Нельзя заставлять доктора Вебста ждать. Дейлт в последнее время придавал все больше значения пунктуальности. Видимо, рассуждал он, зная, что располагаешь неограниченным временем, учишься ценить чужое.

— Ну, что дальше будет? — неожиданно врезался Пард.

— С возвращением.

— Это я тебя должен поздравить. Повторяю: что дальше?

— Ты о чем это?

— О нас. Займемся микробами, геронтологией или еще чем-нибудь?

— Пока точно не знаю. Может быть, здесь вообще не останемся. Нас пригласили для проведения антимикробных исследований, вполне возможно, что не позволят ничего другого. А с меня, по-моему, пока хватит микробов.

— Не могу не согласиться. И все-таки, чем мы дальше займемся?

- Особено еще не думал.
- Так думай. Через минуту встретимся с доктором Вебстом, надо ему сказать что-нибудь?
- Простой импровизацией не обойдемся?
- Пард задумался в нерешительности.
- Хорошо, только с максимальной честностью, ибо с нынешнего утра получаем зарплату.
- Ну, несколько кредиток не разорят ММК.
- Нечестно ни за что брать деньги.
- Надоела мне твоя честность, Пард.
- Запомни: заслужи плату делом.
- Ладно, ладно.

Дверь кабинета доктора Вебста открылась, в ней появился светловолосый молодой человек с орлиным профилем. Взглянул на Стивена, кроме которого в приемной никого не было, помедлил, шагнул навстречу, протянув руку.

- Доктор Дейлт?
- Верно, Дейлт, а вот докторской степени у меня не имеется.

На самом деле неправда. У него есть две докторские степени в разных областях, только полученные в очень давних жизнях.

- Ну, тогда *мистер* Дейлт... А я доктор Вебст. Они исполнили древний человеческий ритуал рукопожатия, и Стивену понравилась крепкая хватка Вебста.

— А я думал, вы старше, доктор, — признался он, входя в отдельный кабинет Вебста.

- Занятно, — улыбнулся Вебст, — я тоже ожидал мужчину постарше. Год назад вы опубликовали блистательную статью о лихорадке на Дасейне-II и вызывающих ее многочисленных патогенных

организмах... Как-то чувствовалось, что ее писал зрелый, опытный человек.

Дейлт поспешил сменить тему.

— Занимаетесь инфекционными заболеваниями? — быстро спросил он.

— Нет. Моя область — психиатрия.

— Правда? Я летел с Дерби вместе с Эллен Леттр. Знакомы с ней?

— Конечно. Наш отдел возлагает большие надежды на доктора Леттр. Необычайно умная женщина. — Доктор остановился у письменного стола, быстро пролистал памятки на диаскопе. — Пока не забыл, меня предупредили в отделе кадров насчет ваших анкет. Многие не до конца заполнены, вас просят заглянуть к ним сегодня.

— Хорошо, — кивнул Дейлт, — посмотрю, удастся ли днем выкроить время.

С личным делом часто возникают проблемы. Он пару раз менял имя и фамилию, но в принципе предпочитал оставаться Стивеном Дейлтом. Переходя с одной работы на другую, выбирал, как правило, специальность и место, абсолютно с прежними не связанные, где практически рекомендаций не требовалось, начинал с самого низу, как, к примеру, в университете на Дерби, и, имея такого партнера, как Пард, вскоре давал понять вышестоящему руководству, что в коллективе объявился гениальный малый. Или пускался в рискованные предприятия вроде рыбалки на Джелке, где к рабочей силе предъявлялось одно требование — чтобы хватило духу вытащить сети... и смекалки не задавать вопросов.

Что касается отдела кадров ММК...

На Дерби он сунул архивисту щедрую взятку за поддельные документы, которые подтверждали,

что Стивен Дейлт уроженец планеты. И нарочно небрежно заполнил анкеты, чтобы оттянуть проверку, пока все не будет готово. Теперь лишь остается надеяться.

— Можно задать вопрос? — спросил он, и Вебст посмотрел на него. — Почему меня принимает психиатр, а не представитель отделения микробиологии?

— Как я догадываюсь, по протокольным соображениям. Доктор Хайн, руководитель микробиологического отделения, в отпуске. По правилам выдающегося новичка — а вы, несомненно, входите в данную категорию — приветствует глава отделения. Я же возглавляю отделение психиатрии.

— Понятно, — кивнул Дейлт. — А когда...

Зажужжал телефон.

— Да?

С ответом вспыхнул монитор, на котором возникло лицо техника.

— Конфиденциальное сообщение, доктор.

Вебст взял трубку, отвернулся от гостя экран с лицом собеседника.

— Давайте. — Выслушал, кивнул, бросил: — Сейчас буду, — и разъединился. — Вы уже завтракали? — обратился он к Дейлту.

Тот энергично затряс головой, не оставив никаких сомнений в нынешнем состоянии собственно-го желудка.

— Хорошо, тогда поудобней устраивайтесь за столом, что стоит позади, и заказывайте. Мне придется взглянуть на один аппарат, что займет всего пару минут. Отдыхайте, ешьте в свое удовольствие. У нас великолепный снабженец, а здешние куры несут вкуснейшие яйца.

Он быстро махнул рукой и исчез.

-- Да благословит и сохранит его бог голодных желудков! — провозгласил Пард, пока Дейлт нажимал на кнопки, заказывая еду. — Вчера без ужина, сегодня без завтрака — преступная небрежность.

Голодный Стивен с нетерпением ждал.

— Так уж получилось.

— Мне понравился Вебст, — продолжал Пард, когда из окошка в стене выскочил дымившийся поднос. — Без особых претензий, тогда как молодой человек на столь высоком посту легко мог бы возгордиться.

— Я тоже ничего подобного не заметил.

Дейлт с завидным аппетитом принял за еду.

— И что особенно приятно — не выставляет свою простоту на показ. Видимо, счел совершенно естественным выйти к тебе в приемную и пригласить в кабинет. Подумай: любой руководитель отдела предпочел бы иметь секретаршу, которая открывает двери посетителям. Он старался, чтобы ты чувствовал себя как дома.

— Может, недавно стал руководителем, еще не научился вести себя соответственно.

— У меня такое впечатление, Стив, что этот самый доктор Вебст представляет собой светило в своей области, хорошо это знает и имеет право вести себя, как ему будет угодно, черт побери.

Вебст вернулся с озабоченным видом. Прошел прямо к письменному столу, уселся и долго смотрел на Дейлта с озадаченным выражением лица.

— Случилось что-нибудь? — поинтересовался в конце концов тот.

— А? — встряхнулся доктор. — Ох, пустяки...
Думаю, небольшая техническая проблема.

Он еще немного помолчал.

— Вот что я предлагаю. Нынче микробиология довольно тесно связана с прочими областями науки. Давайте пройдемся со мной по психиатрическому отделению, я вам все покажу. Знаю, вам не терпится увидеть микробиологическое отделение...

— *Не очень-то*, — вставил Пард.

— ...но, по крайней мере, получите первое представление об ММК.

Дейлт пожал плечами:

— Согласен. Ведите.

Вебст, кажется очень довольный покладистым гостем, потащил его к задним дверям, выходившим в маленький гараж.

— *Он нам лжет, Стив.*

— *Мне тоже так показалось. Думаешь, у нас не- приятности?*

— *Сомневаюсь. Он никуда не годный обманщик, следовательно, врет не часто. Просто хочет привести нас в психиатрическое отделение, поэтому давай подыграем и выясним, что у него на уме. Возможно, получим шанс отделаться от микробов и поработать в другой области. Ты способен проявить хоть какой-нибудь интерес к душевным болезням?*

— *Не особенно.*

— *Ну, все равно, начинай задавать вопросы. При- творись, что тебе интересно!*

— Слушаюсь, сэр!

— ...Погода хорошая, почему бы не совершить научную экскурсию, — говорил доктор. — Когда идет дождь, что бывает нечасто, мы пользуемся системой туннелей. Сначала хотели купол по-

строить, да только погода почти всегда одинаковая, нечего деньги тратить.

Наземный автомобильчик скользил по дорожке. Тёплое солнышко, прохладный ветерок в открытой кабине, набитый желудок — все это, вместе взятое, грозило бросить Стивена в сон. Они медленно проезжали мимо низеньких, чистых, изящных домиков, окруженных затейливыми садами.

— *Спрашивай, Стив,* — потребовал Пард.

— *Сейчас.*

— Простите, доктор, за нескромный вопрос: ММК, наверно, выложил астрономическую сумму за такой огромный участок земли в такой близости к центру города... Во сколько это ему обошлось?

Вебст улыбнулся:

— Вы забываете, что ММК обосновался здесь задолго до моего и вашего рождения...

— *Говорите за себя, сэр.*

— Во время основания Центра город был простой деревушкой. Фактически Спунервилл вырос вокруг ММК.

— Красивый город, надо сказать.

— Спасибо. Мы им гордимся.

Дейлт загляделся на сад, мимо которого они проезжали, потом снова принялся за расспросы.

— Что нынче делается в психиатрии? Я думал, душевные болезни фактически ушли в прошлое. Теперь у вас есть энзимы...

— Энзимы только контролируют шизофрению, почти точно так же, как инсулин контролировал диабет до открытия метода пересадки бета-клеток. Лечение пока не разработано, и я этого не ожидаю в ближайшее время. — Доктор невольно впал в лекторский тон. — Все решили, будто ши-

зофрения сразу будет побеждена, когда Шиммельпенник выделил в лимбической системе мозга цепочки с субстратом энзимов. Однако это было только начало. Разрыв этих цепочек в разных местах вызывает разные виды и степени шизофрении, хотя, видимо, столь же важную роль тут играют и внешние факторы.

Вебст помолчал, повернув за угол и ожидая, когда раздвинутся автоматические ворота. Потом они очутились в восьмиугольном дворе, где в компании или поодиночке грелись на солнышке, прохаживались, беседовали люди.

— Наши амбулаторные пациенты, — объяснил доктор в ответ на вопросительный взгляд Дейлта. — Мы им предоставляем максимальную свободу, но и заботимся, чтоб не сбежали. Они совсем не опасны и находятся здесь добровольно.

Он прокашлялся.

— Да, о чем это я?.. А! В результате все сводится к тонкому равновесию между химией, рас- судком и окружающей средой. Если индивидуум научился справляться со стрессом, он часто обретает возможность свести к минимуму психопатические эффекты серьезных разрывов в энзимной цепочке. В противном случае даже мелкий разрыв в конце цепи способен завести человеческое сознание в глухой тупик.

Доктор Вебст издал краткий смешок.

— Впрочем, на самом деле мы не понимаем, что конкретно имеем в виду, говоря о сознании. С помощью медикаментов и техники можно усовершенствовать его деятельность, восприятие реальности, но оно по-прежнему представляет собой механизм, не поддающийся количественному анализу.

Он направил автомобиль в проем рядом с большим синим зданием и остановил машину.

— Еще есть, разумеется, психопаты, невосприимчивые к химическому воздействию. У них все энзимные цепи вроде в целости и сохранности, но они полностью отключены от реальности. Жертвы так называемой белой горячки. Именно с ними мы занимаемся тут, в Большом Синем доме, где размещаются неизлечимые пациенты, — добавил Вебст, протянув руку к пластинке в дверном косяке.

Первая из двойных дверей беззвучно скользнула, открылась, приглашая войти, и, только когда закрылась накрепко, в движение пришла другая створка.

— А здешние больные опасны? — тревожно уточнил Дейлт.

— Исключительно для самих себя. Они абсолютно не воспринимают действительность, и, если вырвутся на волю, с ними может произойти что угодно.

— Что же это за болезнь? Я видел мужчину в подобном припадке на орбитальной станции.

Вебст скривил рот на сторону.

— К несчастью, это не припадок, который начнется и кончится. Жертвы бьются, брыкаются, истерически вопят, отключаются от мира до конца жизни... По крайней мере, так мы предполагаем, хотя первый случай был зарегистрирован всего десять лет назад. Это случается на всех планетах Федерации. Говорят, даже на Тарке возникли проблемы. Необходимо сделать решительный шаг.

Помолчав, он предложил:

— Загляните сюда.

Открыл дверь под двенадцатым номером, пропустив Дейлта перед собой в палату.

Это была аккуратная симпатичная комната с койкой, двумя креслами и рассеянным освещением. На первый взгляд пустая, пока доктор не указал своему спутнику в угол за креслом. Там скорчилась молоденькая девушка, не старше восемнадцати, трясясь в диком ужасе.

— Мы дали ей имя Салли, — рассказывал Вебст. — И фамилию Рагна по названию планеты, где ее обнаружили. Типичная горячка. Салли у нас уже полтора стандартных года, а мы даже щелку не можем пробить в стене страха.

Он подошел к панели в стене у дверей, махнул перед ней рукой:

— Доктор Вебст. Я в двенадцатой палате с мистером Дейлтом.

— Спасибо, доктор, — ответил мужской голос. — Не выйдете ли в коридор на минуточку?

— Конечно, — кивнул тот и обратился к спутнику: — Может, останетесь, попытаетесь поговорить с Салли, пока я узнаю, зачем меня вызвали? Она совсем не опасна, не сможет и не захочет причинить кому-нибудь вред, в чем и заключается корень ее проблем. Мы привели в норму энзимы, испробовали все известные психотропные средства, чтобы пробить защитную оболочку. Безрезультатно. Обратились даже к таким старым методам, как электрошок, инсулиновый шок... Ничего, — вздохнул он. — Так что попробуйте с ней побеседовать, выяснить, с чем мы имеем дело.

Вебст вышел, Дейлт переключил внимание на большую.

— Жалко, правда? — заметил Пард.

Он не ответил, пристально глядя на девушку, некогда наверняка привлекательную. Теперь лицо, видимо, навсегда сморщено, искажено страхом, как у загнанной в угол добычи, глаза то крепко жмурятся, то широко таращатся, бегая по сторонам. Руки с переплетенными пальцами с побелевшими от напряжения костяшками обхватывают колени, прижимая к груди.

— Кажется, случай весьма интересный, — признал, наконец, Стивен.

— Безусловно. Мне вдобавок не менее интересно, что на уме у доктора Вебста. Он явно тянет время, оставив нас здесь.

— Может, хочет, чтобы мы работали у него в отделении?

— Ничего подобного. Ему отлично известно, что в этой области у нас нет ни малейшего опыта.

— Привет, Салли, — поздоровался Дейлт.

Никакой реакции.

— Салли, ты меня слышишь?

Никакой реакции.

Он махнул рукой у девушки перед глазами.

Никакой реакции.

Без предупреждения громко хлопнул в ладоши у левого уха.

Никакой реакции.

Взял за плечи, осторожно, но крепко встряхнул.

Никакой реакции.

Она даже не шевельнулась, лишний раз не сморгнула, не издала ни звука, выражение лица нисколько не изменилось.

Дейлт поднялся на ноги и, оглянувшись, увидел в дверях доктора Вебста, пристально смотревшего на него.

— Произошло что-нибудь неприятное, доктор? — Он без особого успеха постарался изобразить на лице деловитое любопытство.

— Не думаю, — медленно вымолвил Вебст. — Фактически, может быть, даже очень приятное. Мне только надо еще немного посмотреть. — Вид у него был озадаченный. — Если не возражаете, зайдите сейчас в отдел кадров, разберитесь с анкетами, пока я тут кое-что выясню. Знаю, о чем вы думаете. Хотя на самом деле ММК организован гораздо лучше. Нынче утром у нас тут произошло несколько необъяснимых событий, о которых я вам потом расскажу. В данный момент очень занят.

Дейлт не имел никакого желания разговаривать с кадровиками и impulsивно спросил:

— А где Эллен?

Вебст мигом просветлел.

— Доктор Леттр? В соседнем корпусе.

Он повел гостя к выходу, указав на красивое здание в другом конце сада, метрах в двадцати.

Ее кабинет прямо за дальней дверью. Она паверняка вам охотно покажет свое отделение, потом я вас там отыщу.

Доктор коснулся ладонью пластинки, и внутренняя дверь пришла в движение.

— Неплохая система охраны, — признал Пард, когда они шагали между бродившими амбулаторными пациентами. — Все домофоны, дверные замки реагируют на отпечаток ладони имеющих допуск людей. Пациенты же остаются на месте.

— Если, конечно, кто-то не взбесится и не дотумкаст, что кратчайший путь к свободе — отхватить руку с допуском и, вальсируя, выйти из комплекса.

— Не всегда понимаю твой юмор. Однако займемся более насущным вопросом.

— Например?

— Например, насчет доктора Вебста. Сначала соврал, будто ведет нас осматривать психиатрическое отделение, потом явно постарался от нас отделаться, выдумав неуклюжий предлог. Очень хотелось бы знать, что он задумал.

— Может, просто по характеру неорганизованный и бесполковый.

— Все, что угодно, только не это, Стив, уверяю тебя. Он явно чем-то встревожен, причем проблема связана с нами.

— Обещал позже все объяснить.

— Правильно. Будем надеяться, что сдержит обещание.

Дверь, на которую указал доктор Вебст, легко подалась под толчком, за спиной на замок не закрылась, из чего Дейлт заключил, что в этой части здания нет никаких пациентов. На двери слева висела латунная табличка с надписью: «Доктор Эллен Г. Леттр». Он постучал.

— Войдите, — пригласил знакомый голос.

Эл в серой спецовке выглядела почти так же прекрасно, как в облегающем костюме на корабле.

— Когда кончится эта диктовка? — спросила она, не оглядываясь. — Уже почти десять минут.

— Наверняка скоро кончится, — сказал Дейлт.

Эл резко вздернула голову и одарила его улыбкой, которой он, по его убеждению, не заслуживал после холодного обращения с ней прошлым вечером.

— Как вы тут очутились? — радостно спросила она.

— Доктор Вебст показал мне дорогу.

— Вы с ним знакомы?

— С сегодняшнего утра.

— Вот как? А я думала, вы будете работать в микробиологическом отделении...

Он махнул рукой:

— История долгая, я в ней сам еще не до конца разобрался, но, так или иначе, явился сюда, помня ваше обещание показать мне при случае свое отделение. Ну, как же?

— Хорошо. Я все равно собираюсь сделать перерыв.

Эл неторопливо повела его по своему крылу здания, где с помощью разнообразных поведенческих принципов проводилась реабилитация шизофреников, хорошо поддающихся медикаментозному лечению.

Когда вернулись в ее кабинет, в желудке у Дейлта опять заурчало.

— Разрешите пригласить вас перекусить?

— Вы серьезно отважились на подобный поступок? — уточнила она, глядя в сторону.

— Ладно, — рассмеялся он, — поделом мне. Ну, что скажете? Надо ж вам где-то поесть.

— С удовольствием разрешию менянакормить, — улыбнулась она, — но сначала мне кое-что надо сделать, раз я сейчас потратила на «перерыв» гораздо больше часа.

Эл на минуту задумалась.

- На площади есть одно заведение...
- Неужели у вас в самом деле имеется городская площадь? — воскликнул Дейлт.
- Такова традиция на Толиве. Площадь есть почти в каждом городе. Причем представляет собой один из очень редких на нашей планете примеров общественной собственности. Там проводятся публичные дискуссии и... гм... прочие мероприятия.
- Пожалуй, самое подходящее место для ресторана. Должно быть, очень мило.
- Действительно. Давайте там встретимся ровно в тринадцать. Вы осмотрите площадь, возможно, немножко проникнетесь духом Толивы...

Площадь находилась рядом с комплексом ММК. Эл объяснила, как туда пройти, позвонила дежурному, который подвез Дейлта к центральным воротам.

Прохладный ветерок умерял солнечный жар; шагая по тротуару, он смутно узнал улицу, по которой ехал сегодняшним утром, соображая, что его отель стоит прямо за площадью. Пристально вглядывался в прохожих, стараясь уловить модные тенденции, и ничего не обнаружил. Мужчины носят все, что угодно, начиная с коротеньких курток и заканчивая рабочими джемперами, женщины ходят во всевозможных сари, от облегающих до почти обнажающих.

На улице все чапне встречались магазины — Стивен понял, что приближается к площади. В глаза бросилась вывеска крупными буквами: «Книжная лавка Лина», ниже было приписано почти в четверть мельче — «Для разборчивого зрителя».

— Полно еще времени до свидания за обедом, — врезался Пард. — Посмотрим, что прорастет на Толиве. По литературе можно получить хорошее представление об интеллектуальном и культурном уровне.

— Ладно, заглянем.

Об ассортименте можно было догадаться по табличке на двери: «Предупреждаем, что некоторые посетители считают наш товар непристойным — возможно, вы тоже окажетесь в их числе».

В лавке была выставлена колоссальная коллекция снимков, голограмм, телефильмов, видеокассет и прочего, посвященная главным образом сексу. Отделы самые разнообразные: секс между людьми, между людьми и инопланетными животными, между людьми и инопланетными растениями, дальше следовало нечто совсем тошнотворное.

— Я пошел, — заявил Дейлт.

— Обожди минутку. Как раз становится интересно.

— Мне совершенно неинтересно. С меня хватит.

— Бессмертные не должны испытывать брезгливости.

— Ну, пройдет еще пара столетий, прежде чем я смогу переваривать эту дрянь. Вот тебе и культурный уровень Толивы!

Они вновь очутились на улице.

Через полквартала вышли на площадь, фактически круглую, больше похожую на огромный автомобильный трек, окруженный магазинами и маленькими конторами. Внутри круга располагался парк с детскими игровыми площадками, заросший травой и деревьями. В центре парка высилось некое белое сооружение, казавшееся оттуда, где стоял Стивен, каким-нибудь памятником или

огромной скульптурой в древнем абстрактном стиле.

Он забрел в магазин одежды, почувствовал искушение кое-что приобрести, потом вспомнил, что на Толиве у него еще кредит не открыт, поэтому удовольствовался наблюдением за другими покупателями.

Чрезмерно растягившаяся женщина встала на примерочную платформу, нажала кнопки с кодами модели, ткани, цвета. Из пола вылезли измерительные сенсоры, послышался писк, извещавший о принятии и выполнении заказа. Заказчица спустилась, села у стены в ожидании изготовленной по ее меркам вещи.

Потом Дейлт бесцельно побродил по стоявшей рядом аптеке, пока не услышал, как некий мужчина просит пятьсот миллиграмм земмела-ра — сильного наркотика, вызывающего галлюцинации.

— Вам точно известно, что это такое? — уточнил аптекарь за стойкой.

Мужчина кивнул:

— Регулярно его принимаю.

Аптекарь со вздохом принял у него кредитку и сделал заказ. На прилавок выскоцили пять цилиндрических тюбиков.

— Дело ваше, — сказал он клиенту, который сунул покупку в карман и торопливо вышел.

Взглянув на Дейлта, аптекарь разразился смехом и протянул руку, видя, что тот поворачивается, собираясь уйти.

— Простите, сэр... Судя по выражению вашего лица минуту назад, вы, должно быть, из других миров.

— Что это значит?

— Наверняка подумали, будто стали свидетелем очень рискованной противозаконной сделки.

— А разве не так? Ведь этот препарат предназначен исключительно для безнадежно, смертельно больных.

— Именно, — согласился аптекарь. — Для подавления всех телесных ощущений и стимуляции самых приятных фантазий больного. Когда я готовлюсь отправиться в последний путь, надеюсь, кому-нибудь хватит ума и жалости мне его впрыснуть.

— Однако покупатель признался, что регулярно его принимает.

— Угу. Пристрастился, наверно. По-моему, недавно в городе, никогда его раньше не видел.

— Да это же запрещенный наркотик!

— Поэтому я и понял, что вы из других миров. Видите ли, на Толиве не существует запрещенных наркотиков.

— Быть такого не может!

— Уверяю вас, сэр. Желаете что-нибудь заказать?

— Нет, — отказался Дейлт, медленно повернулся и пошел прочь. — Ничего, спасибо.

— К этой планете надо немножко привыкнуть, — заметил он Парду, переходя дорогу по направлению к парку и сев на траву под местным хвойным деревом.

— Да. Здесь явно не признают обычных табу, которые человечество унесло с собой с Земли в период раскола миров.

— Кажется, кое-какие из этих табу мне вполне симпатичны. В книжной лавке товар положи-

тельно омерзительный. Сплошная деградация. А свободная возможность пристраститься к наркотику, располагая парой кредиток, определенно преступна.

— Но ты должен признать, что народ тут довольно приличный и цивилизованный, несмотря на отказ от нескольких традиционных для человеческой культуры запретов. Согласись.

— Ну ладно, соглашусь.

Дейлт взглянул в другой конец парка, заметив, что у белого монумента собралась небольшая толпа. На темном пятне у вершины сооружения загорелась надпись, не читаемая на таком расстоянии. На глазах у него из платформы поднялся цилиндр, оттуда выдвинулся некий жесткий придаток на одном шарнире с прикрепленным к концу предметом, похожим на плеть. На платформу втащили молодого человека без рубашки. Поднялась какая-то возня, после чего стало видно, что юношу за руки привязали к столбу.

А потом однорукая машина принялась хлестать его по обнаженной спине.

VII

— Выпейте, и давайте поговорим, — предложила Эл.

— Да говорить особенно не о чем, — коротко отрезал Дейлт. — Я немедленно покидаю планету на первом же корабле.

Они молча выпивали под звон посуды и гул голосов в переполненном ресторане. Мысли Стивена упорно возвращались к невероятной сцене в парке. Он вспоминал, как сам неудержимо шагал

по траве ближе, ближе, надеясь по каким-нибудь признакам убедиться, что тут просто разыгрывается представление. Но страдальческий крик наказуемого и вздувшийся на спине рубцы не оставляли сомнений. Никто в парке, кажется, не обращал особого внимания на происходящее. Некоторые останавливались, поглядывали на горевшее вверху табло и лениво шли дальше.

Он тоже посмотрел на табличку:

«А. НЕЛЬСО

Обвиняется в угоне частного наземного автомобиля 9-6.

Приговор вынесен 9-20. Апелляция отклонена.

Приговорен к публичному наказанию силой 0,6 единицы Гомлера, которое будет приведено в исполнение 9-24».

Порка завершилась, табло погасло. Осужденного отвязали, помогли сойти с платформы. Дейлт пытался угадать, от боли или от унижения выступили слезы на глазах юноши, когда на платформу поднялась молодая женщина лет тридцати, с каштановыми волосами. На ней была какая-то шлейка, прикрывавшая живот и груди, оставляя спину голой. Ее в свою очередь привязали к столбу, снова вспыхнула надпись:

«Г.Т. ХЭММЕТ

Обвиняется в краже миниатюрной видеокамеры в универмаге 9-8.

Приговор вынесен 9-22. Апелляция отклонена.

Приговорена к публичному наказанию силой 0,2 единицы Гомлера, которое будет приведено в исполнение 9-24».

Цилиндр поднялся, выдвинул руку, поднял, женщина зажмурилась, закусила нижнюю губу... Дейлт круто развернулся и побрел прочь.

— Варварство! — воскликнул Пард, когда они перешли через улицу, вернувшись к магазинным витринам.

— Что? А как насчет брезгливости?

— Выставленные для желающих голограммы с изображением половых извращений — одно, а публичная порка — совсем другое. Как предположительно цивилизованный народ допускает подобные зверства из каменного века?

— Не знаю и знать не желаю. Толива только что лишилась перспективного гражданина.

В глаза вдруг бросилось знакомое лицо. Это была Эл.

— Привет! — воскликнула она, запыхавшись.

— Извините за опоздание.

— Я даже не обратил внимания, — холодно ответил он. — Слишком увлекся атавистическим зреющим в парке.

Она схватила его за руку:

— Пошли поедим.

— Уверяю вас, я не голоден.

— Ну, по крайней мере, выпьем и побеседуем.

Эл потащила его за собой.

— Давай, Стив. Интересно послушать, как она оправдывает публичную порку.

Заметив у себя за спиной ресторанный вывеску, он пожал плечами и направился к входным дверям.

— Не туда, — остановила его спутница. — Этих на прошлой неделе лишили лицензии. Пойдем в «Лог», всего четверть квартала.

Она не пыталась завязать разговор по пути к ресторану. Дейлт позволил себе лишь однажды бро-

сить взгляд в сторону парка. Оба не произнесли ни слова, пока не уселись за выпивкой. Скромную обстановку и тусклое освещение «Лог» компенсировал экстравагантным использованием настоящих живых официантов.

Только когда офицант принес ему вторую порцию спиртного, Стивен, наконец, нарушил молчание.

— Вы хотели, чтобы я увидел порку, не так ли? — спросил он, глядя ей прямо в глаза. — Именно это имели в виду, говоря о «духе Толивы»? Что ж, я его сполна почувствовал, сыт по горло!

Эл со сводившей с ума терпеливой медлительностью потягивала напиток, а потом уточнила:

— И что такого возмутительного вы увидели?

— Порку! — Дейлт брызнул слюной. — Публичную порку! Подобные вещи были запрещены на Земле задолго до того, как мы ее покинули!

— Вы предпочтете *тайную* порку? — На ее губах мелькнула тень улыбки.

— Предпочитаю, чтобы никто никого не порол, и никак не могу оценить ваше чувство юмора. Я видел лицо женщины, полное боли...

— Кажется, вас особенно беспокоит, что к поэзенному столбу выставляют сегодня не только мужчин, но и женщин.

— Может быть, я просто старомоден, но не люблю смотреть, как бьют женщину.

Эл взглянула на него через край бокала:

— В вас много старомодного... Не замечаете, что в минуты волнения начинаете говорить архаическим языком?.. — Она вдруг резко оборвала фразу. — Ну, об этом в другой раз побеседуем. В данный момент мне хотелось бы разобраться в вашем уважительном отношении к женщинам.

— Прощу вас...

Она продолжала, не обращая внимания:

— Признайтс меня не менее зрелой, ответственной и сознательной, чем любой мужчина в округе, и согласитесь, что если я совершу преступление, то сделаю это с полным пониманием дела. В противном случае вы нанесете мне личное оскорблечение.

— Хорошо. Не будем отвлекаться на старые споры. Речь идет о телесном наказании в публичном месте.

— Разве порка представляла собой развлече-
ние? — не унималась Эл. — Вокруг толпились по-
забавленные зеваки?

— На оба вопроса ответ отрицательный. Толь-
ко не надо разыгрывать передо мной Сократа.

— Плеть глубоко вспорола кожу? — настойчи-
во допрашивала она. — Секла до крови? Преступ-
ники кричали от боли?

— Перестаньте! Не кричали, не истекали кро-
вью, но им, разумеется, было больно.

— Почему их приговорили к наказанию?

Дейлт долго смотрел в ее невозмутимое лицо.

— Почему *вы* приговорили меня к наказанию
таким зрелищем?

— Потому что у меня возникло ощущение, что
вы очень нужны ММК. Не хочется, чтобы тихонь-
ко удрали, прочитав контракт.

— Контракт с ММК? Я читал, не увидел ни-
чего такого...

— Нет. Контракт с Толивой.

— Не понял. — Он быстро тряхнул головой.

— Я и не думала, что поймете. То есть, — по-
спешно вставила она, — поскольку доктор Вебст
нынче утром был чем-то сильно озабочен, легко

догадаться, что он так и не дал вам экземпляра контракта и ничего не растолковал.

— Тут вы правы. Не имею ни малейшего представления, о чём идет речь.

— Ладно. Тогда я на себя возьму труд кратенько обрисовать, чего вам надо ждать от Толивы и чего она от вас будет ждать. Контракт звучит довольно холодно и устрашающе, если не знать историю планеты и не понять логику некоторых статей.

— По-моему, не стоит трудиться.

— Нет, стоит. Вы уже интересуетесь, хоть и не признаетесь.

Дейлт, сдаваясь, вздохнул:

— Признаюсь. Хотя, что бы вы ни говорили, это не придаст привлекательности публичной порке.

— Просто сидите и слушайте.

Эл допила свой бокал, заказав жестом новый.

— Подобно почти всем планетам, входящим в Федерацию, Толива была некогда отколотшимся миром. На ней обосновалась весьма многочисленная компания анархистов, одной из первых отколовшаяся от Земли, задумав основать колонию. Они никак не напоминали ни стереотипный образ бородатого бомбометателя из старой истории Земли, ни современных брунинов. Просто утверждали, что ни один человек не имеет права на единоличную власть. Скажете, не благородная мысль?

Он неопределенно, уклончиво пожал плечами.

— Хорошо. Но вместе с большинством анархистов того времени наши предки выступали против властных институтов. Что привело со временем к некоторым серьезным проблемам. Они вообще отрицали любое правительство: никакой полиции, судов, тюрем, общественных работ... Все это должно обеспечивать частное предпринимательство.

Сменились два поколения, пока дело наладилось, и неплохо на первых порах. Потом частные полицейские отряды отбились от рук, объединились, овладели городом, попытались создать нечто вроде неофеодального государства. Пришлось набрать другую полицию, пойти в наступление, выбить узурпаторов, пролив море крови и учинив немалые разрушения.

Официант принес новый бокал, и она прервала на минуту, заказав для обоих овощные блюда. Потом продолжила рассказ:

— Аналогичные повороты событий повторялись все чаще, и тогда мы — я имею в виду наших предков — решили, что с варварами в своей среде надо как-нибудь договариваться. После долгих споров в конце концов согласились создать самый необходимый минимум общественных институтов: полицейский, судебный, исправительный, административный.

— А законодательный?

— Нет. Они отказались предоставлять завидные посты любителям издавать законы для контроля над другими. Сама идея законотворчества была, на их взгляд, а с моей точки зрения, по сей день остается сомнительной. Я имею в виду, разве нормальным порядочным людям захочется посвятить свою жизнь составлению планов и правил, которые будут указывать, как жить остальным? Вот в чем их главный порок.

— Дело не столько в желании управлять, — возразил Дейлт. — Многим просто хочется быть в центре событий, принимать серьезные решения.

— Эти решения и означают власть. Они думают, будто лучше вас знают, как вам надо жить. Один древний землянин отлично сказал: «В каж-

дом поколении есть люди, желающие справедливо править, но имеют в виду — править. Обещают стать добрыми господами, но имеют в виду — господами». Его звали Дэниел Вебстер.

— Никогда про такого не слышал. Но скажите, как же у вас работает суд в отсутствие законов?

— О, закон есть — нет только законодателей. Минимально необходимый кодекс сформулирован и изложен в контракте. Местная полиция выявляет нарушителей контракта, местные судьи определяют степень нарушения, представители исправительных органов приводят в исполнение приговор, который заключается либо в публичной порке, либо в тюремном заключении.

— Как? — насмешливо воскликнул Дейлт. — У вас не практикуется публичная казнь?

Эл не улыбнулась.

— Мы не убиваем людей — иногда впоследствии выясняется, что они невиновны.

— Но порете кнутом! Человек может умереть у столба!

— Собственно говоря, этот столб представляет собой очень сложный физиологический монитор, оценивающий физическую боль в единицах Гомлера. Судья постановляет, сколько единиц Гомлера следует применить, аппарат устанавливается на уровень, назначенный преступнику у столба. При любом угрожающем признаке наказание мгновенно прекращается.

Они замолчали — официант подал овощи.

— После чего преступника, как я догадываюсь, отправляют в тюрьму, — заключил Дейлт, с наслаждением впившись зубами в помидор в виде гриба. Очень вкусно.

— Нет. После подобного потрясения считается, что он отбыл наказание. В тюрьму отправляются только преступники, совершающие насильственные преступления.

Он изумился.

— Позвольте уточнить. Мелкие преступники подвергаются публичному наказанию, а насильников всего-навсего запирают в тюрьму? Забавный парадокс.

— Вовсе нет. Неужели лучше бросить юношу вроде нынешнего угощника в одну камеру с вооруженными грабителями, убийцами, шантажистами, похищающими людей? Зачем сводить простого во-ришку с варварами, которые научат его совершать более крупные и удачные преступления? Мы решили разорвать старый порочный круг. Предпочитаем на несколько минут подвергнуть нарушителя легкой физической боли и тяжелому публичному унижению, а потом отпустить. Он вновь становится хозяином собственной жизни, ничего не лишившись. Наша система реально работает. Уровень преступности у нас фантастически низок по сравнению с другими планетами. Не из страха перед наказанием, а благодаря разбитой цепочке «преступление—тюрьма—преступление—тюрьма». Здесь почти нет рецидивистов!

— А насильников у вас просто сажают в тюрьму?

— Верно, однако не позволяют общаться друг с другом. На протяжении всей истории человечества тюрьма была настоящим отстойником криминальной субкультуры, так что мы решили прикрыть эту выгребную яму. Реабилитацией не занимаемся, это дело индивидуальное. Тюрьма на Толиве служит для изоляции злостных преступников от мирных граждан и для их наказания в виде временного или

постоянного лишения свободы. У них есть выбор — либо одиночное заключение, либо блокировка сознания и работа на ферме.

Дейлт вытаращил глаза:

— На ферме? Настоящее средневековье!

— Лучше превратить преступника в маленького общественно приемлемого робота, как делается на некоторых других, более «просвещенных» планетах? Мы не верим в нравственное перевоспитание человека вопреки его воле. Если он предпочитает блокировку сознания, чтобы быстрее шло субъективное время, это его право.

— Но работа на ферме...

— Он как-то должен зарабатывать себе на жизнь. Заключенный практически лишен возможности самостоятельно действовать, поэтому накладные расходы ферм невелики. Он выполняет простые сельскохозяйственные работы, с которыми машина эффективней бы справилась, но это в определенной мере покрывает расходы на его содержание и одежду. Раз в год блокировка снимается, чтобы осужденный принял решение возобновить ее или избрать одиночное заключение. Как правило, к тому времени его физическое состояние становится гораздо лучше прежнего. Впрочем, он понимает, что часть жизни пропала... и не скоро об этом забудет. Можно, конечно, вообще не требовать блокировки и передать дело в суд, но тогда преступник будет сидеть в одиночке, подальше от остальных.

— Довольно жестоко, — пробормотал Дейлт, медленно покачав головой.

Эл пожала плечами:

— Преступники жестокие люди. Получают желаемое с помощью физической силы, угроз, а мы

на Толиве этого не любим. Требуем отказа от любого физического принуждения. Мы абсолютно свободны, поэтому полностью отвечаем за свои действия и требуем от каждого признать за собой такую же ответственность. Это и есть контракт.

— С кем же он заключается?

— С чем, — подсказал Пард.

— Молчи!

— С Толивой, — ответила Эл.

— То есть с толивианским правительством?

— Нет. С самой планетой. Мы объявили ее юридическим лицом, как много веков назад делали корпорации.

— Почему именно с планетой?

— Для надежности. Коротко говоря: по достижении двадцатилетнего возраста каждый человек, находящийся в здравом уме, обязан в течение шести месяцев подписать контракт. Возраст условный — можно сделать это и раньше. То же самое предлагается всем прибывающим на планету. Контракт закрепляет за подписавшим право преследовать свои цели без вмешательства со стороны правительства и отдельных людей. В обмен на сумму налога, не превышающую пяти процентов его годового дохода, это право обеспечивают соответствующие агентства — полиция, суд и так далее. Если подписавший применит к кому-либо физическую силу или угрозу, то подвергнется общепринятыму наказанию, о чем мы уже говорили. Будущим поколениям запрещено вносить в контракт изменения. Таким образом мы охраняем права человека от дураков, доброхотов и жаждущих власти болванов, которые губят любое свободное общество, которое когда-либо в истории человечества осмеливалось поднять голову.

Дейлт помолчал.

— Звучит очень красиво и благородно, и все-таки вы свободно торгуете опасными наркотиками наподобие земмелара и открываете магазины, полные омерзительной жуткой похабщины, какой я никогда в жизни не видел.

— Торгуем потому, что есть желающие купить, — ответила Эл, опять передергнув плечами. — Если человек, подписавший контракт, хочет отравить свой организм наркотиками, чтоб погрузиться в искусственную нирвану, это его личное дело. Лекарства продаются по рыночным ценам, так что ему не приходится воровать для удовлетворения своей привычки. Либо он преодолеет пристрастие, либо пройдет лечение, либо умрет от передозировки. Что касается похабщины, вы на нее, наверно, насткнулись у Лина — нашего местного поставщика порнографии. На сей счет могу сказать одно: я бы не стала советовать людям, чем им забавляться... А в другие книжные лавки не заглянули? В большом магазине на площади только классика, от «Республики» до «Нет предательству» и «Хроник Ригрода», от Аристотеля до Гюго, Хайнлайна и Борджа. Лавка в проезде Бена Такера специализируется на современной толивианской литературе. Вы туда просто не потрудились зайти.

— Сцена в парке помешала осмотру витрин, — сухо ответил Дейлт.

Минуту оба молча ели, Пард воспользовался возможностью:

— Что думаешь?

— Думаю, что не знаю, что думать.

— Ну-ка, расспроси пока про тот самый налог.

— Неплохая идея!

Стивен проглотил кусок и прокашлялся.

— А как вы оправдываете налог в добровольном обществе?

— Это прописано в контракте. Потолок в пять процентов установлен потому, что если правительство потратит значительно больше, то выйдет в своей деятельности далеко за рамки необходимого.

— Но если у вас нет правительства, достойного упоминания, как оно может даже такую сумму потратить?

— Главным образом на платежи Федерации. У нас нет армии — приходится полагаться на Федеральный патруль для защиты от внешней угрозы. Остальные затраты идут на полицию, суд и прочее. Кстати, мы никогда и не тратили все пять процентов.

— Значит, общество не совсем добровольное, — заключил Дейлт.

— Самое главное, что контракт подписывается добровольно. — Она вытерла губы салфеткой.
— А теперь мне надо бежать. Доедайте, отдыхайте, думайте о нашей беседе. Если решите остаться, Вебст, наверно, ждет вас в комплексе. И не беспокойтесь о счете... сегодня я плачу.

Она наклонилась, скользнула губами по его щеке и исчезла, прежде чем он успел слово вымолвить.

— Впечатляющий уход, — с восхищением оценил Пард.

— Впечатляющая женщина, — поправил Стивен, вернувшись к еде.

— По-прежнему готов драпать отсюда на первом членоке?

— Не знаю. Все вроде складно складывается каким-то бредовым логическим образом.

— Ничего нет бредового. Главный принцип заключается в том, что люди поступают ответственно, если возложить на них ответственность за свои действия. По-моему, довольно интересно. Мне бы хотелось пожить здесь какое-то время, и ты согласишься, если не пожелаешь опять вступить в яростный спор насчет нашего партнерства.

— Хорошо. Остаемся.

— Без спора?

— Без всякого. Хочу получше — поближе — познакомиться с Эл.

— Рад слышать.

— Забавно... чем больше я с ней общаюсь, тем меньше она напоминает мне Джин.

— Потому что на самом деле между ними нет ничего общего. Эллен Леттр гораздо взросле, гораздо умнее. Собственно говоря, одно из самых удивительных явлений на этой удивительной планете.

Дейлт не ответил, очищая тарелку, но молча согласился.

На выходе на глаза попалась золоченая печать на двери. Надпись гласила: «Нок и компания, инкорпорейтед» присваивает помещениям, кухне и качеству продуктов степень I класса». Ниже стояла дата последней инспекционной проверки.

— Видимо, толивианский эквивалент Министерства здравоохранения, — решил Пард. — Хотя этот самый «Нок», скорей всего, частная фирма, работающая на договорной основе. Как ты думаешь...

Он прервался — перед рестораном с визгом затормозил наземный автомобиль, из которого вы-

скочил доктор Вебст, с облегчением заметивший Дейлта.

— Хорошо, что я вас нашел, — выдохнул он, бросаясь навстречу. — Встретил в комплексе доктора Леттр, спросил, когда вы вернетесь, а она говорит, не уверена, захотите ли вообще вернуться.

— Может быть, не захочу.

— Ох, послушайте, я не знаю, в чем дело, но вы должны сейчас же поехать со мной в комплекс!

Дейлт застыл на месте.

— Надюсь, это не приказание?

— Нет, конечно. Я просто узнал о вас кое-что потрясающее и, возможно, имеющее колоссальное медицинское значение! Дважды перепроверил...

— О чём идет речь? — переспросил он, вдруг насторожившись.

Вебст схватил его за руку и потащил к машине.

— Понимаю, что путано выражаюсь, но все объясню на месте. — Он остановился на полустанке. — Или, может быть, вы мне все объясните.

— Я? — с искренним изумлением переспросил Стивен.

— Да. Просто расскажете, кто или что вы такое, мистер Дейлт.

VIII

— Вот мой пси-график, — объяснял доктор Вебст, указывая на неправильную красную линию, пульсирующую на видеомониторе в его кабинете. — У среднего человека он имеет низкий уровень активности — в моих психонических

возможностях нет ничего особенного. Теперь направим детектор на вас и посмотрим, что будет.

Он коснулся панели управления, на экране вспыхнули две зеленые линии. Нижняя была очень похожа на линию Вебста и время от времени в определенных точках накладывалась сама на себя.

— Этого я и ждал от вас: еще одна нормальная картина. Абсолютно понятно. А вот это что за чертовщина?

Доктор указал на крупную ровно плывущую синусовую волну в верхней части экрана.

— Мы исследовали не одну тысячу человек, и я ни разу не видел ничего близко даже похожего, ни по конфигурации, ни по амплитуде.

— Что бы это ни было, — продолжал он, выключив монитор, — оно, видно, к вам сильно привязано, поскольку постоянно следует за вами. Я сперва заподозрил, что прибор барахлит, поэтому повел вас в Большой Синий дом, где у нас есть другая модель. Однако, как только вы вошли в здание, возникла точно та же картина, а как только вышли — исчезла. Ну, что скажете, мистер Дейлт?

Тот с убедительным недоумением пожал плечами:

— По правде говоря, даже не знаю, что можно сказать.

И действительно. Мозг лихорадочно подыскивал фиктивное, но приемлемое для столь крупного специалиста в области психоники, как доктор Вебст, объяснение.

Прибор, о котором шла речь, представлял собой сравнительно недавнее достижение сотрудников ММК, определяя уровень психонических способностей даже на внутриутробной стадии

развития, и предназначался для поставки в психошколы, выраставшие как грибы на каждой планете. В данный момент Вебст проводил исследования в области психоники и психиатрии и поэтому взял на себя смелость проверять психоспособности каждого вошедшего к нему в кабинет. И почуял, что в лице Дейлта наткнулся на золотую жилу.

— Утверждаете, будто никогда не чувствовали даже намека на свои психоспособности? — спросил он.

Дейлт отрицательно покачал головой.

— А провалов в памяти не было? Не случалось, чтобы вы оказывались в каком-то месте и не могли припомнить, как туда попали?

— К чему вы клоните?

— Ищу признаки распада ассоциативных связей, раздвоения личности, что-нибудь — что угодно, лишь бы оно объяснило этот самый второй уровень активности. — Помолчав, доктор мягко добавил: — Не хочу вас пугать, но только вам положено существовать в одном экземпляре. Одно сознание, один психоуровень. Могу вывести единственное заключение: либо сознание у вас раздвоено, либо вы обладаете самым невероятным в галактике цельным сознанием.

— Он впервые попал в самую точку.

— Знаю, но что нам делать?

— Естественно, валять наивного дурака. Мы же хотели бросить микробиологию и заняться психиатрией, может быть, нам выпал шанс.

Дейлт обмозговал эту мысль и, наконец, сказал:

— Все это очень интересно, доктор Вебст, но довольно бессмысленно по отношению к моей профессиональной деятельности.

— Перевожу беседу на нужные рельсы, — пояснил он Парду.

— Об этом я и хочу с вами поговорить, — ответил Вебст. — Если мне удастся уговорить доктора Хайна, возглавляющего отделение микробиологии, чтоб он вас отпустил, не согласитесь ли поработать какое-то время в моем отделении, помогая нам провести кое-какие эксперименты?

— Что за эксперименты?

Доктор вышел из-за письменного стола, остановился перед собеседником.

— Я стараюсь найти способ использования психоники в психиатрии. Мы ежедневно исследуем мозг жертв так называемой белой горячки, пытаясь установить, почему они не реагируют на обычную терапию. Уверен — этот путь весьма перспективный, нам только требуется надежная техника и настоящие пси-таданты.

Он помолчал и продолжил:

— Помните Салли Рагну? Забившуюся в угол девушку, до которой не достучалась ни одна известная психотерапия? Вот таких я ищу пациентов. Мы создали инструмент усиления пси-энергии, и в данный момент наш сотрудник, обладающий одним процентом ваших способностей, пытается заглянуть к ней в сознание. — Вебст вдруг замер, напрягся, устремив на Дейлта пылающий взгляд. — В данный момент... Не хотите сейчас же пойти в Синий дом и попробовать? Я хочу, чтобы вы только быстро взглянули, зашли, вышли, и все!

— Вот наш шанс, — поспешно и уверенно объявил Пард, которому, видно, очень хотелось сделать попытку. — Лови!

— Хорошо, — кивнул Дейлт, испытывая в глубине души некоторые сомнения. — Вполне можно попробовать и посмотреть, удастся ли хоть что-нибудь сделать.

В Большом Синем доме его усадили перед Салли Рагной, которая на этот раз не ёжилась в углу, благодаря большой дозе успокоительных. Над ними висел сверкающий серебристый диск — упомянутый Вебстом пси-усилитель.

— Пустая трата времени, — сообщил Дейлт Парду.

— Не думаю. Впрочем, одно ясно: эта самая машина Вебста гроша ломаного не стоит. Ни капельки усиления не получаю. Хоть оно мне не требуется. Попробовал проникнуть в сознание тем же способом, с которым забавлялся на лайнере, и не встретил почти никакого сопротивления. Наверняка пробуюсь. Остается еще кое-что. Сейчас возьму тебя с собой.

— Не очень-то мне это нравится.

— К сожалению, надо. Мне понадобится каждая резервная унция, чтобы не потерять внутри ориентацию. Может, даже придется вытянуть твои скучные пси- силы.

Дейлт заколебался. Мысль о столкновении с безумием на его собственной почве глубоко страшила. В животе ёкнуло, однако он ответил:

— Ладно, давай. Только будь осторожен!

— Я сам боюсь, дружище.

Стивен мельком подумал, что ему никогда раньше в голову не приходило, будто Пард способен чего-то бояться. Бывает встревоженным, озабоченным — да, но не испуганным.

Мысль исчезла, Салли Рагна вместе с палатой завертелись, закружились, он очутился там, где протекала жизнь девушки.

бесчисленные мерцающие иглы света, почему-то ничего не освещают, вонзаются в нечто похожее на деревья

фиолетовое небо простреливают насквозь алые вспышки, отбрасывая тени в немыслимых направлениях

плотная вездесущая серость наполовину скрывает живые грибки, ползающие, падающие, свисающие с остролистых деревьев

— теперь пойдем вперед

мимо куба воды со стайками рыбок, каждая с двумя противоположными хвостами, неподвижно застывшими на вечном плаву

справа вздымаются горы

в открывшемся впереди проеме мелькает другой горный хребет

и вдруг исчезает — они неожиданно летят с обрыва и плывут в утонувшем лесу в окружении пристальных, светящихся, немигающих желтых глаз

— теперь вниз

к пустынной дороге, которая безгранично уходит вперед

внезапно вокруг вырос город с домами, перекошенными под невозможными углами

навстречу шел, улыбаясь, хромой мужчина с палкой, приблизившись, его фигура разрослась, раздулась, поднялась в воздух, лопнула, по земле разлетелись вихрем крутившиеся лохмотья

лицо и тело растяли, а рот остался, становясь все крупнее, все ближе

*открылся, продемонстрировав два ряда кривых зубов
распахнулся еще шире, надвинулся, проглотил их
и громко закрылся — щелк!*

Дейлт очнулся на полу. Над ним склонялись Вебст с техником, однако привел его в чувство Пард.

— Вставай, Стив! Сейчас же. Мы должны вернуться как можно скорее.

Он медленно поднялся на ноги, отряхнул руки, бросил Вебсту:

— Все в порядке. Просто с кресла свалился. — А Парду сказал: — Шутки шутишь?

— Нисколько, уверяю тебя. Ощущения весьма не- приятные, и, если не вернуться немедленно, у нас может выработать рефлекторное сопротивление, которое помешает нам в будущем.

— Ну и очень хорошо.

— Я убежден, этой девушке можно как-то помочь!

Дейлт махнул рукой, прогоняя Вебста и техника.

— Собираюсь еще раз попробовать, — пробормотал он, вновь усаживаясь перед Салли.

— Ладно, Пард. Я тебе доверяю.

и они очутились в затянутом зеленым туманом омуте, из гниющей болотной травы к ним тянулись охряные руки, стараясь защипать в зыбучий песок над головой вдруг проглянуло солнце, быстро утонуло в тумане, но не уступило — дымка медленно стала редеть и исчезла

*земля вздыбилась, трясина начала высыхать
вонючая трава увяла, погибла на солнце
вокруг постепенно разворачивался зеленый, акку-
ратно подстриженный ковер газона, накрывая, при-
давливая жадные когтистые руки
от горизонта на них с головокружительной ско-
ростью покатилась гигантская шарообразная глы-
ба, грозя раздавить, но перед ней неожиданно раз-
верзлась пропасть, куда она ухнула
со всех сторон поползли непонятные черные тва-
ри, поднимая за собой тучи пыли, и тут выросла
высокая, прочная, надежная стена, окружила их,
вспыхнул яркий победный солнечный свет*

Дейлт опять оказался в палате наедине с Салли Рагнай, на этот раз не на полу, а в кресле.

— Оставим ее на несколько минут в безопасном месте, пока я сице кое-что подправлю.

— Значит, ты все это устроил?

— Да, причем легче, чем думал. Сначала чувствовал сильное сопротивление, пытаясь вывести солнце, а как только вывел, полностью овладел ситуацией. Почти ничего не стоило пресечь пару дальнейших попыток вновь ею овладеть.

— Что теперь?

— Теперь из уютного лесного монастыря, столь же нереального, как фильм ужасов, в котором она жила столько лет, но нисколько не страшного, вернем ее к реальности.

— Ох, что такое реальность?

— Пронту тебя, Стив! У меня времени нет на студенческие дискуссии. Просто следуй за мной. Приемлем за рабочее определение, что реальность — то, на что ты натыкаешься, бродя вокруг с закрытыми

глазами. Ну, хватит болтать. Сейчас придется по-трудиться. До сих пор мы видели то, что видела она; теперь надо добиться обратного. Начнем.

Они снова вернулись. Усилия Парда явно принесли благоприятные и далеко продвинувшиеся результаты. Стена исчезла, ровная травянистая лужайка простиралась до дальнего горизонта. Пард воздвиг слева голую зеленую перегородку, появились еще три стены, заключив их в коробку, дело завершил освещенный потолок. Над ними повис металлический аппарат, совсем рядом, чуть-чуть впереди сидел мужчина с золотой кистью и огненным камнем на шее, с темными волосами и серебристой прядью на макушке.

На секунду завертившись в тумане, он вновь смотрел на Салли. Только теперь она тоже на него посмотрела... и улыбнулась. По щекам потекли слезы, улыбка поблекла, девушка потеряла сознание.

IX

— Вы кое-чего добились, — объявил Вебст позже в своем кабинете, когда Салли была обследована и уложена в постель. — Эффект благотворный. Я точно пока не уверен, но чую! Видели, как она вам улыбнулась? Никогда раньше не улыбалась. Вообще никогда!

Бурный энтузиазм доктора не оказывал на Дейлта никакого воздействия. Он устал, вымотался, как никогда в жизни. Присутствовало также смутное ощущение распада ассоциативных связей: проникнув в чужое сознание, он вернулся оттуда немного другим.

— Ну, решительно надеюсь, что не напрасно прошел через это.

— Наверняка не напрасно, — произнес за спиной чей-то голос.

Оглянувшись, Стивен увидел Эл, вошедшую в кабинет.

— Салли сейчас спит, — сообщила она, легко опустившись в кресло, — и причем без спутников. Безусловно, вы до нее досгучались.

Вебст наклонился над письменным столом.

— Но что же вы сделали? — настойчиво спросил он. — Что увидели?

Дейлт собрался сказать, что объяснения и рассказы откладываются до завтра, но тут вмешался Пард:

— *Расскажи что-нибудь. Они жаждут услышать.*

— *Как же это описать?*

— *Постарайся. Хоть несколько деталей.*

Он, запинаясь и мямя, кратко обрисовал кое-что виденное и сделанное, заметив в заключение:

— Я пришел к выводу, что у девушки не органические, а концептуальные нарушения. Абсолютно искаженное восприятие реальности, но неизвестно, чем это вызвано.

Стивен помедлил, и Эл показалось, что он слегка содрогнулся, практически незаметно.

— На миг возникло ощущение, будто я борюсь... с чем-то темным, чужим, незнакомым, недобрым, нависшим прямо над горизонтом. В какой-то момент показалось, что я в самом деле к нему прикоснулся, или оно до меня дотянулось, или... — Он одернул себя. — Не знаю. Может быть, деталь общей картины ее фантазий. В любом случае главное, что мне, кажется, удалось помочь тяжело больной девушке.

— Значит, как я понимаю, — вмешался Вебст, — можно предположить, что эти острые неизлечимые шизофренические припадки, не поддающиеся химиотерапии, представляют собой всего-навсего концептуальное нарушение. Хорошо, согласен. Но в чем его причина?

Дейлт вспомнил нечто темное в сознании Салли, в голове мелькнуло понятие «насильственное вторжение», от которого он отмахнулся.

— Тут я пока ничем не могу вам помочь. Пусть она встанет на ноги, потом будем гадать о причине. Химиотерапия ничего не дала, поскольку ее энзимные цепочки нормальны; психотерапия была бесполезна, ибо для этой конкретной пациентки психотерапевта попросту не существовало. Понятно, что тут может действовать только мощный псионический толчок и последующая перестройка мира фантазий. Кстати, в ее сознание было очень легко проникнуть. Возможно, оно, отгороженное от реальности непроницаемым барьером, осталось для псионного воздействия абсолютно открытым.

Эл с Вебстом буквально сияли от потрясающих новостей.

— Невероятно! — воскликнул доктор. — Совершенно новое направление в психотерапии! Мистер Дейлт, даже не знаю, чем мы сможем вас вознаградить...

— Растолкуй ему чем.

— Разве можно брать деньги за помощь бедной девушки!

— Он собирается попросить тебя еще раз это сделать... и еще, и еще... Это не пикник в лесу, дело рискованное. Я больше не позволю нам лезть в чужое сознание даром. Помни: бери плату за дело!

— Чертовская глупость.

— Такова жизнь. Даже то, что ничего не стоит, обязательно имеет свою цену.

— Банально.

— Но верно. Назови сумму.

Дейлт минуту подумал.

— В качестве гонорара за Салли... и за всех остальных, кем вы попросите меня заняться, я по-прошу...

И назвал сумму.

— Вполне разумно, — кивнул Вебст. — Не стану торговаться.

На лице Эл отразилось смешливое изумление.

— А вы полны сюрпризов.

Доктор тоже усмехнулся:

— Пусть требует любого кредита, если приведет в себя больных белой горячкой. Мы даже по-пробуем увеличить бюджет. Я поговорю с доктором Хайнем, переведу вас в свое отделение. Тем временем подумаем над следующим этическим вопросом. В сущности, вам предстоит проводить экспериментальную процедуру над умственно не- полноценными пациентами, неспособными дать на это согласие.

— А как насчет опекунов?

— У этих больных не имеется ни опекунов, ни собственной личности. Опекуна все равно недостаточно для решения этической проблемы. Поэтому вам самому придется решать. Взяв на себя роль врача, вы должны определить, пойдет ли экспериментальная и даже общепринятая проверенная процедура на пользу или причинит больному больше вреда, а также стоит ли риска возможная польза. На первом месте всегда стоит пациент — не человечество, не наука, а пациент. Только вы способны принять решение.

— Я принял такое решение, прежде чем проникнуть в сознание Салли, — с поткой раздражения буркнул Дейлт. — Взаимная выгода: возможно, я что-то узнаю, и ей, будем надеяться, станет чуть легче. По-моему, я один рисковал.

Вебст обдумал это заявление и, наконец, сказал:

— Мистер Дейлт, полагаю, мы с вами отлично сработаемся.

Он протянул руку, Стивен ответил крепким пожатием.

Эл подошла, взяла его под руку.

— Добро пожаловать в наше отделение, — проговорила она с легкой улыбкой. — Довольно крутый поворот со стороны человека, пару часов назад клявшегося удрать на первом попавшемся корабле.

— Поверьте, я не забыл о том эпизоде. Пока не могу полностью согласиться с кодексом толивианской жизни, но, пожалуй, поживу, погляжу, так ли успешно он действует, как вы утверждаете.

Вновь загнищал видеотелефон. Вебст ответил на звонок и вдруг бросился к двери.

— Из Большого Синего дома... Салли проснулась, пить просит!

Больше ничего не требовалось. Эл с Дейлтом мгновенно ринулись следом за ним к гаражу.

Последние кровавые лучи солнца, просачиваясь во двор, освещали сбившихся в кучки амбулаторных пациентов, повсюду слышался шепот и бормотание. Все головы одновременно повернулись к автомобилю с Вебстом, Эл и Дейлтом, затормозившему возле Большого Синего дома. Вперед двинулась пожилая женщина, щурясь в

меркнувшем свете на вылезавшую из машины троицу.

— Вот он! — хрюплю крикнула она, приблизившись. — У него серебряная прядь, огненный камень и исцеляющая золотая рука! — Она вскрикнула сзади в полу рубашки Стивена. — Коснись меня целительной рукой! Моя душа больна, кроме тебя, мне никто не поможет! Умоляю! Пожалуйста! У меня не такой тяжелый недуг, как у Салли...

— Нет, стойте! — Он вырвался, шарахнулся в сторону. — Дело вовсе не в этом...

Женщина словно не слышала, бесконечно твердя:

— Исцели! Исцели!..

Дейлт увидел через ее плечо надвигавшуюся толпу пациентов.

К нему вдруг подскочил Вебст, наклонился с пылающим в сумерках взглядом.

— Давайте, — шепнул он, — прикоснитесь. Больше ничего не надо, просто вытяните левую руку, положите ей на голову!

Стивен нерешительно поколебался, потом, чувствуя себя идиотом, приложил ладонь ко лбу женщины. Почувствовав прикосновение, она закрыла лицо руками и поспешила прочь, бормоча:

— Спасибо вам! Спасибо...

После этого словно прорвалась плотина. Кругом киша кишили больные, толкали, дергали Дейлта за руки, за одежду, его кружили, затягивали водоворот протянутых рук, оглушали крики:

— Исцели меня! Исцели! Исцели! Исцели!..

Эл и доктору Вебсту с огромным трудом удалось протащить их нового коллегу сквозь бушующую умоляющую толпу к тихому Синему дому.

— Ну, теперь поняли, почему он считается главным светилом в своей области? — тихо спросила Эл, кивнув на Вебста и сунув налитый стакан Стивену в руку, которая даже сейчас, в безопасном Большом Синем доме, слегка, но заметно дрожала.

Инцидент во дворе подействовал на нервы. Мельтешившие руки, цепкие пальцы, голоса, толчки, крики в сумерках, мольбы облегчить тягостные душевные и физические страдания... Прошло лишь несколько минут, однако в ретроспективе события быстро утрачивали реальность.

Он встряхнулся и сделал большой глоток.

— Я вас не понимаю.

— Смотрите: доктор Вебст мгновенно диагностировал случай массовой истерии и успешно этим воспользовался. Колossalный медицинский эффект плацебо по сей день не получил должной оценки. Собравшаяся во дворе масса хронически больных услышала о человеке, совершившем чудесное исцеление, и всем захотелось приобщиться к чуду.

— Откуда же они об этом узнали?

Эл рассмеялась:

— По скорости передачи информации здешняя система тайной связи между палатами успешно поспорит с подпространственным лазером.

Вебст выключил видеотелефон, выслушав множество торопливых докладов, и с усмешкой повернулся к ним.

— Итак, слепые видят, глухие слышат, хромые ходят, — объявил он и разразился смехом при виде перепуганной физиономии Дейлта. — Нет, эффект, к сожалению, не такой драматический, но отмечается несколько примечательных случаев облегчения симптомов.

— Да не с моей же помощью! — раздраженно воскликнул Стивен. — Я ничего не сделал, им просто кажется...

— Вот именно! Вы их фактически не исцелили, но послужили катализатором психических процессов, которые привели организм больных в определенное равновесие.

— Иными словами, исцелил верой...

— Во дворе — да, а чем дальше, тем будет еще больше. У нас возникла редкая возможность изучить феномен психосоматического лечения, особенно интересующий специалистов по поведению — бихевиористов. Власть души над телом в действии. Нам почти ничего не известно о динамике этих связей.

— Я бы мог кое-что рассказать, — вставил Пард.

— Ты сегодня достаточно сказал, приятель.

— Вы оказались идеальной фокальной точкой, — продолжал Вебст. — В определенной сфере обладаете подлинными целительными способностями, что вкупе с безусловно уникальной внешностью окружает вас в восприимчивых и доверчивых душах чуть ли не мессианской аурой.

— Сформулировано в самых лучших медицинских традициях.

Вебст забормотал на пониженных тонах, обращаясь скорее к себе, чем к своим собеседникам:

— Знаете, я не вижу, что нам помешает добиться подобного результата на любой другой планете, в гораздо более крупном масштабе... Повсюду есть случаи белой горячки, и все ищут способ с ней справиться. Если попридержать информацию — например, сохранить вашу личность в строжайшем секрете, — к концу срока вашей службы у нас неизбежно преувеличительные

слухи заставят поверить, будто вы воскрешаете мертвых. Вашей помощи будет просить любая населенная людьми планета. А пока вы исцеляете больные души, мы с доктором Леттр займемся пристальным наблюдением за побочными явлениями.

— Имеется в виду психосоматическое лечение?

— Правильно, — кивнула Эл, уловив намек в глазах Вебста. — И Толиве на пользу пойдет. Целитель Душ — простите за высоконарное выражение — будет являться с Толивы, что помешает распространению определенных клеветнических слухов.

— Что скажете, мистер Дейлт, лучше сказать — Целитель?

— Как думаешь?

— По-моему, просто прекрасно, пока мы не верим тому, что говорят о нас люди.

— Заманчиво, — медленно протянул Стивен.

— Очень заманчиво. Только прежде чем перепрыгивать со звезды на звезду, надо бы посмотреть, как пойдут дела здесь, на Толиве.

Если он собирается провести на планете какое-то время, придется ко многому привыкать физически и психологически.

— Верно! — согласился Вебст и снова направился к видеотелефону. — Ну, сегодня у вас наверняка выдался долгий день. Я распоряжусь очистить двор, можете возвращаться в отель, когда вам будет угодно.

— Я подумывал о другом месте, — шепнул Дейлт на ухо Эл, — но, наверно, закат на равнине давно уже кончился.

Она тепло улыбнулась, пожав плечами:

— Восход нисколько не хуже.

Интерлюдия: МОНОЛОГ НА ДВОИХ

— Можешь что-нибудь сделать?

— Уже пробовал... много раз. Безуспешно.

— Я не знал. Почему ты мне не сказал?

— Понимаю, как много она для тебя значит, поэтому решил действовать самостоятельно. Последний раз вчера. Как только ты входишь в ее тело, я вхожу в сознание — в такие моменты она максимально открыта.

— И что?

— Клетки не реагируют. Не могу оказать никакого воздействия на компоненты организма. Они просто не подчиняются.

— А...

После долгой паузы послышался явственный вздох.

— Что же, всему на свете приходит конец, правда?

— Кроме нас.

— Угу. Кроме нас.

Год 271-й

Пришествие Целителя совпало с периодом политических потрясений внутри Федерации. Движение Перестройщиков неуклонно навязывало Федерации более активную роль в планетарных и межпланетных делах, что прямо противоречило принципу свободы действий, зафиксированному в организационном Уставе.

Когда политические трения достигли апогея, Целитель перестал заниматься человеческими де-

лами столь же неожиданно, как за них взялся. Некоторые исследователи утверждают, будто он погиб при крушении корабля неподалеку от Тарводета, что подтверждается некоторыми свидетельствами.

Однако наиболее фанатичные приверженцы провозглашают его бессмертным, настаивая, что уйти его заставили политические силы. Первое заявление, бесспорно, смехотворно, а последнее вполне может иметь под собою определенные фактические основания.

Из книги Эммерца Фента
«Целитель: человек и легенда»

X

Целитель — самая известная в человеческой галактике личность — стоял, никем не узнанный, в плаще с капюшоном, в перчатках, среди небольшой группы скорбящих, пока женское тело осторожно помещали в устройство, которое распылит его на составляющие элементы. Он не чувствовал необходимости проливать слезы. Ей выпала исключительно полная и богатая жизнь, вторая половина которой прожита вместе с ним. А когда омолаживающие процедуры стали в конце концов бесполезными, когда она начала замечать определенное притупление своих интеллектуальных способностей, то спокойно и тихо покончила с собой, чтобы любимый помнил ее, как всегда, гордой женщиной, а не жалким ничтожеством, в которое она могла превратиться. Один Целитель, ее возлюбленный, знал, как она умерла.

Стоявший с ним рядом сморщеный старичок, несомненно, догадывался. И одобрял. Вместе с остальными они молча смотрели, как машина поглощает тело, вместе со всеми глубоко вдохнули воздух, наполнившийся ее молекулами, стараясь впитать в себя крошечную частичку любимой подруги.

Старичок бросил взгляд на своего приятеля, ни на год не постаревшего за время их знакомства, по крайней мере внешне. Впрочем, во взгляде в последние несколько лет все отчетливей проглядывает напряжение и усталость. Полвека он имеет дело с болезнями, с расстройствами души и тела, видит перед собой протянутые руки, слепые глаза... Возможно, это предстоит ему видеть неисчислимые годы.

— У тебя вид усталый, друг мой.

— Да, ты прав.

Люди начали расходиться.

— Все кажется абсолютно напрасным. На каждое открытое мною сознание два других закрываются. Повсюду все настойчивей требуют: «или к нам», «нет, к нам, ты здесь больше нужен»... Любому моему решению, куда отправиться, вечно предшествуют споры, угрозы и подкуп между соперничающими планетами и клиниками. Я превратился в какой-то товар.

Старик понимающе кивнул.

— Что теперь будешь делать?

— Наверно, займусь чем-нибудь вроде частной практики. Я так долго сидел в ММК только ради тебя... и нее. Собственно говоря, в данный момент меня ждет член Палаты представителей сектора. Некий де Блуаз.

— Перестройщик? Поберегись его.

— Обязательно, — улыбнулся Целитель. — Просто послушаю, что он скажет. Будь здоров, друг, — бросил он и ушел.

Морицинистый старец задумчиво посмотрел ему вслед:

— Эх, мне бы твое здоровье!..

Секторальный представитель де Блуаз давно считал себя значительной личностью, однако ему понадобилось какое-то время, чтобы привыкнуть к присутствием спокойно сидевшего напротив него за письменным столом мужчины с узнаваемой с первого взгляда внешностью, которая за последние несколько десятилетий придала ему почти мифический ореол — Целителя.

— Коротко говоря, сэр, — объявил де Блуаз с самой эффектной рекламной улыбкой, — мы, представители движения Перестройщиков, хотели бы пригласить вас в наши миры. Кажется, прежде вы нас всегда избегали.

— Потому что работал в сети ММК, с которым Перестройщики отказались сотрудничать... из-за того, как я слышал, что Межзвездный медицинский корпус хранит верность Уставу Ла Нага.

— Отчасти. — Рекламная улыбка превратилась в заискивающую. — Видно, политики везде суют свой нос. Впрочем, это не имеет значения после того, как пошли слухи о вашем уходе из ММК, которые и привели меня сюда. Хочу пригласить вас на Джебинозу. Наше Бюро медицинских исследований берет на себя все расходы.

— Прошу прощения, — медленно протянул Целитель. — Я имею дело не с властями, а исключительно с пациентами.

— Ну, к сожалению, мы не можем позволить вам прибыть на Джебинозу и практиковать независимо от Бюро. Знаете ли, на нашей планете установлены очень высокие и жесткие стандарты медицинской практики... Боюсь, выдача такой лицензии, несмотря на вашу репутацию, создаст в высшей степени нежелательный прецедент.

— Если больные нуждаются в моей помощи, они или их опекуны должны свободно и самостоятельно принимать решение. При чем тут какое-то Бюро?

— Вы требуете невозможного, — покачал головой де Блуаз. — Наш долг — ограждать народ от обманщиков и шарлатанов.

Целитель с сокрушенной улыбкой поднялся:

— Ясно. Значит, на Джебинозе мне нечего делать.

Лицо де Блуаза вмиг отвердело, улыбка исчезла.

— А мне вполне ясно, Целитель, — на этом слове он брызнул слюной, — что ты слишком долго прожил среди варваров толивианцев. Ладно, играй в свои игры, только предупреждаю тебя — ветер скоро переменится, мы *на свой лад* начнем управлять Федерацией. И тогда позаботимся, чтоб ты по справедливости помог каждой планете!

— Возможно, тогда Целителя уже не будет, — прозвучал тихий ответ.

— Не пугай меня! — расхохотался де Блуаз. — Знаю я таких типов. Славу тебе несет всеобщее обожание. Наркотик хуже земмелара. — В его тоне послышалась нотка зависти. — Только Перестройщиков трудно очаровать. Ты человек — признаю, с уникальным талантом, но всего-навсего человек — и, когда волна вынесет нас наверх, либо взлетишь вместе с нами, либо утонешь.

Глаза Целителя вспыхнули, а голос прозвучал спокойно:

— Благодарю вас, мистер де Блуаз. Вы только что прояснили и разрешили проблему, неуклонно обострявшуюся на протяжении приблизительно последнего десятилетия.

С такими словами он развернулся и вышел.

До следующего появления Целителя прошло около двух с половиной веков.

Год 505-й

Вскоре после исчезновения Целителя разразился так называемый скандал с де Блуазом. Дальнейшие выступления Перестройщиков привели их к гражданской войне с Федерацией (хотя трудно назвать «войной» спорадически возникавшие стычки), которая со временем, когда в нее решили вмешаться тарки, переросла в полномасштабное межрасовое противостояние. В кульминационный момент конфликта между землянами и тарками родилась легенда о бессмертии Целителя.

Невзирая на войны, белая горячка неуклонно распространялась, а психологи и психиатры практически не имели возможности бороться с болезнью. Вероятно, поэтому появился мужчина, внешне по-разительно напоминавший Целителя, который еще успешней первого излечивал горячку. Так историческая личность превратилась в мифическую.

Кем он был, почему решил выйти на сцену в тот самый момент, остается загадкой.

Из книги Эммерица Фента
«Целитель: человек и легенда»

Дейлт посадил флитер в седловину на крыше, выключил двигатель, обмяк в кресле.

— Ну вот. Теперь тебе лучше? — осведомился Пард.

— Нет, — ответил он вслух. — Я устал. Хочу лишь доползти до постели.

— Утром скажешь мне спасибо. Улучшится душевное состояние, даже тело не затечет, ибо я каждую ночь провожу во сне изометрию.

— Неудивительно, что я по утрам просыпаюсь измотанным!

— Это психологическая усталость, Стив. Душевная. Мы оба слишком увлеклись проектом — начинает сказываться напряжение.

— Большое спасибо, — пробормотал он и выскользнул из кабины, крепко захлопнул дверцу. — Ты, видно, до скончания времен не избавишься от привычки утверждать очевидное.

Ибо это очевидная правда. После выступления в роли Целителя Дейлт с Пардом переключились с наук о жизни на физику, продолжая исследования во время войны между Федерацией и Перестройщиками, на которую практически не обращали внимания. Приблизительно через сотню лет, когда глупый конфликт, никого больше не интересуя, готов был угаснуть, на сцену вырвалась новая сила. Тарки предприняли, по своему обычаю, неожиданную и неуместную дипломатическую попытку, заключив одностороннее соглашение с коалицией Перестройщиков, и сразу же атаковали несколько баз Федерации вдоль спорной границы. Хотя правило «разделяй и властвуй» хорошо проверено временем, они не учли расо-

вой переменной. Люди не испытывают особого побуждения убивать друг друга из-за реальных или воображаемых отличий, но им свойственно врожденное отвращение к мысли, что чужая раса позволит себе подобную вольность. Поэтому Федералы с Перестройщиками быстренько помирились и объявили джихад Тарканской империи.

Гонка вооружений, естественно, расцвела пышным цветом, физики обрели неимоверную популярность. После публикации нескольких работ по теории поля многочисленные компании, жаждущие выйти на рынок оружия, засыпали Дейлта разнообразными предложениями. С помощью силового щита тарканские корабли без особых потерь глубоко проникали на территорию землян, и решение этой проблемы стало первоочередной целью крупных корпораций вроде «Старуэйз», с которой он согласился сотрудничать.

Однако срочная напряженная работа начинала его утомлять, и в конце концов Парду, неусыпному физиопсихологическому сторожевому псу, удалось уговорить партнера сократить рабочий день, проводя по несколько часов на тренировочных площадках.

Дейлт устало набрал соответствующий код на входной плате, дверь раздвинулась. Даже в данный момент, измочаленный душой и телом, он поймал себя на том, что устремляется мыслями в лаборатории «Старуэйз» к проблеме нейтрализации поля. Только собрался переключиться, как этому посодействовал чей-то баритон:

— Часто вы сами с собой разговариваете, мистер Чизрак? Или вас следует называть мистер Дейлт? Или вам больше нравится мистер Сторген?

Баритон исходил из уст смуглого мускулистого мужчины, комфортабельно развалившегося в кресле в гостиной, целясь из бластера прямо в грудь вошедшего хозяина дома.

— А может быть, мистер Квет? — продолжал он с самоуверенностью улыбкой, и Дейлт разглядел в тени еще двоих мужчин у него за спиной. — Ну, не стойте на месте столбом! Проходите, садитесь. В любом случае это *ваш* дом.

Не сводя глаз с оружия, следившего за каждым его движением, он сел в кресло напротив незванных гостей.

— Что вам нужно?

— Разумеется, ваши секреты. Мы рассчитывали, что вы вернетесь попозже, и только приступили к обыску, как услышали подлетающий флитер. Вы нам весьма невежливо помешали.

Дейлт мрачно покачал головой, презирая заговорщиков, выступающих против собственной расы.

— Сообщите своим тарканским приятелям, что с начала войны мы ничуть не приблизились к преодолению их силового щита.

Смуглый мужчина искренне расхохотался:

— Нет, друг мой, уверяю вас, мы абсолютно ортодоксально относимся к войне землян с тарками. Ваша работа в «Старуэйз» нас не интересует.

— Тогда чего же вам надо? — повторил он, переводя взгляд на две другие фигуры.

Одна из них представляла собой очень крупную неподвижную тушу, другая, хлипкая, суетливо дергалась. Все трое были, подобно самому Дейлту, одеты в мешковатые комбинезоны и остроконечные тюбетейки из такого же материала по современной моде, принятой в этом конце человеческой части галактики.

— Деньги я держу в банке, поэтому...

— Знаю, — перебил сидевший мужчина. — Знаю даже, в каком банке, и точно знаю сколько. Имеется у меня также полный список других ваших счетов на всех прочих планетах нашего сектора.

— И как же вам, скажите на милость...

Незнакомец с усмешкой махнул свободной рукой:

— Мы с вами друг другу еще не представились подобающим образом. Как нам вас называть, сэр? Какой из своих многочисленных псевдонимов вы предпочитаете?

— Дейлт, — буркнул он, поколебавшись.

— Прекрасно! Теперь, мистер Дейлт, разрешите представить вам мистера Хинтера, — указал он на туши, — и мистера Джиффа, — кивнув на хлюпика. — Я — Аарон Канлос — еще два стандартных года назад был простым президентом Межзвездного товарищества компьютерных техников, расположенного на Рагне. В один прекрасный день ко мне явился один из наших специалистов по выявлению нарушений, работавший в Объединенной банковской компании на Теллалунге, и сообщил о столь любопытном случае, что жизнь моя полностью переменилась. Я целиком и полностью посвятил себя одной цели — разыскать вас.

Пока Стивен молча сидел, не желая доставлять удовольствие Канлосу просьбой продолжать свои речи, Пард заметил:

— *Мне его тон не нравится.*

— Меня известили, — снова заговорил, наконец, незванный гость, — что некий Мартен Квет перевел на свой только что открытый счет чек, полученный от Консультативного агентства по межзвездному

бизнесу. Чек КАМБа оказался подлинным, а вкладчик — нет.

Он вновь взглянул на собеседника в ожидании реакции. Встретив спокойный, равнодушный взгляд, продолжал:

— Компьютер настойчиво утверждал, что тот самый мистер Квет на самом деле является неким мистером Голдмером, и своевременно зарегистрировал ошибку, подмеченную одним из наших техников. Это обычное дело на такой планете, как Рагна, где сосредоточены интриги межзвездного бизнеса. В этих кругах открытие многочисленных счетов на разные фамилии скорей правило, чем исключение. В компьютер был введен код аннуляции, но машина упорно отказывалась произвести операцию. Проверив компьютер на неисправность, техник сделал полную распечатку обоих счетов. — Канлос усмехнулся. — Конечно, это противозаконно, но в нем взыграло любопытство. Когда он просмотрел данные, любопытство переросло в изумление, поэтому техник, естественно, доложил о проблеме своему непосредственному начальнику.

— Еще бы! — вставил Пард. — *Некоторые компьютерные профсоюзные боссы на стороне слегка занимаются шантажом.*

— Сиди тихо! — мысленно прошипел Дейлт.

— Обнаружились поразительные совпадения, — объявил Канлос. — Даже в почерке, хотя один счет был заполнен правой рукой, а другой явно левой. Во-вторых, отпечатки пальцев практически одинаковые, просто чуточку смазаны. Очень грубый способ подделки. Обычное дело. Отпечатки сетчатки глаза, разумеется, идентичны, поэтому компьютер и зарегистрировал аномалию. Что же так озадачи-

до техника? И почему компьютер не аннулировал счет? Как я уже говорил, множественные счета не редкость. — Канлос сделал паузу ради драматического эффекта. — Ответ дали даты открытия счетов. Счет мистера Квета был открыт несколько дней назад, а счету мистера Голдмера... двести лет!

Он торжественно откинулся на спинку кресла.

— Я сначала отнесся скептически, по крайней мере, пока не исследовал снимки сетчатки, зная, что одинаковых отпечатков у двоих разных людей не бывает в природе. Даже у клонов сосуды глазного дна разные. Поэтому передо мной открылись два возможных варианта: либо у двоих мужчин, разделенных несколькими поколениями, идентичная сетчатка, либо один из них живет гораздо дольше, чем положено человеку. Первый вариант был бы просто научным курьезом, второй имеет кардинальное значение.

Дейлт пожал плечами:

— Первый определенно вероятней второго.
— Изображаете наивного дурачка? — усмехнулся Канлос. — Ну, позвольте закончить историю, чтобы вы по достоинству оценили нелегкие хлопоты, которые привели меня к вашему дому. О, это было не просто, друг мой, но я понял, что по галактике рыщет мужчина, живущий на свете двести лет с большим лишком и его обязательно надо найти. Разослал копии отпечатков сетчатки Квета-Голдмера по всем местным отделениям нашего профсоюза с просьбой поискать аналогичные. На это ушло какое-то время, а потом посыпались ответные сообщения, с разных планет приходили разные счета на разные фамилии, с разными отпечатками пальцев, но всегда с одинаковым рисунком сетчатки. Кроме того, на пла-

нете Мирна обнаружился колоссальный трастовый фонд — с поистине потрясающей суммой кредита — на имя Кайло Сторгена, снимок с сетчатки которого тоже случайно совпал с отпечатком Квета-Голдмера.

Может быть, вам интересно будет услышать, что в самых первых сообщениях упоминалось и о неком Дейлте, который лет двести двадцать назад перевел деньги со счета на Толиве в банк на Нике. К сожалению, на Толиве у нас не имеется местного отделения, поэтому копать дальше возможности не было. Последним по времени был, разумеется, счет мистера Голдмера на Рагне. Он покинул планету и исчез бесследно. Однако вскоре после его исчезновения некий мистер Чизрак — должен заметить, с тем же отпечатком сетчатки, что у мистера Голдмера и остальных, — открыл счет на Мелтрине. По имеющимся у банка сведениям, мистер Чизрак проживает по этому адресу... в одиночестве.

— Канлос зловеще улыбнулся. — Желаете прокомментировать, мистер Дейлт?

Внешне Стивен хранил молчание, а в душе быстро вспыхнул кипучий спор.

— Поздравляю, гениальный мыслитель!

— Не возлагай всю вину на меня, — запротестовал Пард. — Если чуть-чуть подумаешь, вспомнишь, что я тебе говорил...

— Ты говорил — фактически гарантировал, — что никто никогда не свяжет эти счета воедино. Оказывается, за нами тянется межзвездный светящийся след!

— Ну, просто не подумал, что надо менять отпечаток сетчатки. Это не составило бы большого труда — перестройка сосудов глазного дна не проблема, — но я счел достаточным менять фамилии

и отпечатки пальцев. Множественные счета необходимы в связи с изменением экономической ситуации, хоть я сразу сообразил, что не следует открывать счет на Рагне. Предупредил, что у нас там уже есть счет, а ты проигнорировал.

Дейлт мысленно хмыкнул.

— *Проигнорировал исключительно потому, что ты обычно чересчур осторожничаешь. У меня сложилось ошибочное впечатление, будто ты способен совершить простую небольшую подделку, однако...*

Голос Канлоса положил конец дискуссии:

— Я жду ответа, мистер Дейлт. Раздобытые мною сведения подтверждают, что вы кружите здесь два с половиной столетия. Дадите объяснение?

— Да, — вздохнул он. — Ваши сведения не соответствуют действительности.

— Неужели? — Канлос вздернул брови. — Если можно, укажите, пожалуйста, в чем я ошибся.

— Мне вдвое больше лет, — отрезал Дейлт, запоздало пожалев об этом.

Канлос подскочил в своем кресле.

— Значит, правда, — хрипло выдавил он. — Пятьсот... Невероятно!

Стивен раздраженно передернул плечами:

— Ну и что из этого?

— То есть как «что из этого»? Вы открыли секрет бессмертия, сколь бы банально это ни звучало, и я вас отыскал. На мой взгляд, впервые воспользовались этим средством, в чем бы оно ни заключалось, лет в тридцать пять. Мне сейчас сорок, и я не желаю стареть. Понятно, мистер Дейлт?

— Четко и ясно, — кивнул тот и обратился к Парду: — Ну, что ответить?

— *А как насчет правды? Она принесет ему ровно столько же пользы, как любая фантастическая байка, какую мы в данный момент успеем сочинить.*

— Хорошая мысль. — Он прокашлялся. — Чтобы обрести бессмертие, мистер Канлос, надо просто отправиться на планету Квashi и войти там в пещеру. Вскоре вам на голову свалится слизняк с потолка, его клетки проникнут в мозг, образовав автономное симбиотическое сознание, действующее на клеточном уровне. В своих собственных интересах оно не позволит вам стариться и даже болеть. Есть, впрочем, одна оговорка: по известной на Квashi легенде, в живых после этого остается один из тысячи. Мне случайно повезло.

— По-моему, это не тема для шуток, — сердито насупился Канлос.

— По-моему, тоже, — резко оборвал его Дейлт с ледяным взглядом и встал на ноги. — Ну, я потратил достаточно времени на шарады. Спрячьте свой бластер и убирайтесь из моего дома. Я не держу здесь ни денег, ни эликсира бессмертия, ничего, что вам хочется отыскать. Поэтому прихватите двух своих приятелей...

— Этого совсем не достаточно, мистер Дейлт! — крикнул Канлос, махнув рукой Хинтеру. — Надень на него наручники.

Крупный мужчина с рюкзаком в руке шагнул вперед, вытащил из него металлический шар со сверкающей кобальтовой поверхностью, ловко вставил запястья Дейлта в овальные отверстия, Джифф подскочил с ключом. Отверстия защелкнулись, ключ повернулся, шар неожиданно завис в воздухе. Стивен попытался подтянуть его, оттолкнуть — он не сдвинулся с места, хотя свободно перемещался по вертикальной оси.

— Гравитационные наручники, — догадался Пард. — Я про них читал, но никогда не думал, что доведется испробовать.

— Для чего они нужны?

— Для того, чтобы удерживать тебя на месте. Их используют очень многие правоохранительные органы. В активированном состоянии замыкаются по оси, проходящей через центр тяготения на планете. Вдоль нее беспрепятственно движутся, а с места ты никуда больше не сдвигешься. Эти, видно, старые. Новые модели должны быть гораздо меньшие.

— Попались, иными словами...

— Точно.

— ...Теперь будете вести себя тихо и умно, пока мы обыщем дом, — заключил Кацлос с прежней вежливостью. — Но на всякий случай, просто чтоб с вами чего-нибудь не случилось, — улыбнулся он, — здесь останется мистер Джифф.

— Вы ничего не найдете, — услужливо предупредил Дейлт, — потому что искать нечего.

Кацлос проницательно посмотрел на него:

— Что-нибудь непременно найдем. И не думайте, что я поверил, будто вам пятьсот лет. Двести пятьдесят, не больше, хоть и это намного дольше человеческой жизни. Я проследил за вами до Толивы, где, кстати, находится главный исследовательский центр Межзвездного медицинского корпуса. Вряд ли след там обрывается чисто случайно. Кто-то что-то там с вами сделал, и я намерен выяснить, что именно.

— Говорю вам, ничего...

— Хватит! — махнул рукой Кацлос. — Дело слишком важное, чтоб болтать попусту. Я потратил на поиски два года, кучу денег и желаю окупить затраты. Ваш секрет принесет обладателю

сказочное богатство и сотни лет жизни. Если не найдем искомого в доме, то вернемся к вам, мистер Дейлт. Я ненавижу физическое насилие и по возможности избегаю его, пока не останется иного выбора. Присутствующий здесь мистер Хинтер моих взглядов не разделяет. Если наши поиски на нижних этажах окажутся бесплодными, он вами займется.

С тем он повернулся и повел Хинтера вниз.

Джифф проводил их взглядом, быстро шагнул к пленнику, поспешил проверил наручники, видимо, удовлетворился и бросился в самый темный угол комнаты. Сел там на пол, полез в карман, вытащил серебристый диск, сдернул левой рукой тюбетейку, разобрал волосы на макушке, положил диск на голову, откинулся к стене, закрыв глаза. Вскоре на губах его заиграла туманная улыбка.

— Колпак! — охнул Пард.

— Похоже на то. Вообще, мы столкнулись с компанией высшего класса. Ты только посмотри на него! Наверно, какая-то сексуальная запись...

Джифф заерзал на полу, сучи ногами от наслаждения.

— Удивительно, что ты в этом себя не винишь.

— Виню в определенном смысле...

— Надо было думать!

— Хотя извращенцы попросту переделали для своих целей наше изобретение, предназначенное для электронного обучения.

— Не совсем так. Если помнишь, Тиррелл переделал цепи из когнитивных в сенсорные из благородных побуждений. Он...

— Я все знаю, Пард.

Обучающая цель и ее сенсорный вариант сначала делали полезное дело. Оригинал, на который Дейлт имел патент с недавно истекшим сроком действия, предназначался для ученых, врачей, техников, позволяя им постоянно держаться в курсе развития побочных специализированных направлений в своих областях. При гигантском масштабе исследований и экспериментов, проводившихся в человеческом секторе галактики, было попросту невозможно своевременно знакомиться с результатами и еще находить время практически их использовать. Схема Дейлта (и Парда) совершила грандиозный прорыв, обеспечив ускоренную подачу информации в когнитивные мозговые центры.

Последовали многочисленные вариации, усовершенствования, и доктор Рико Тиррелл первым добился безупречной сенсорной передачи. Он использовал этот способ в реабилитационной программе для наркоманов, удваивая чувственные эффекты наркотиков, вызывающих привыкание, и таким образом психологически отучая от них пациентов после избавления от физиологической зависимости. Идею, разумеется, мигом присвоили пираты, и вскоре в открытую продажу поступили кассеты с сенсорными записями фантастических сексуальных развлечений любых существующих в природе видов.

Джифф застонал и задергался на полу.

— *Видно, совсем уже околпаченный, раз так быстро дошел, тем более на глазах у незнакомого человека,* — заключил Пард.

— *Насколько я понимаю, некоторые кассеты внушают такую же зависимость, как земмелар, и некоторые любители становятся импотентами в реальном сексуальном контексте.*

— Почему мы ни разу не пробовали?

Дейл мысленно презрительно фыркнул.

— Сроду желания не испытывал. Когда мне хочется задурить себе голову, всегда можно немножечко...

Из угла донесся хрип: Джифф достиг апогея. Тело выгнулось, касаясь пола только ладонями, пятками и макушкой. Он впился зубами в нижнюю губу, сдерживая восторженный вопль. Потом вдруг обмяк, растянулся, тяжело пыхтя.

— Должно быть, неплохая кассета!

— Скорей всего, из новой серии, где сочетается одновременно мужской и женский оргазм — предел сексуальных ощущений.

— Ощущений — и только. Без всяких эмоций.

— Правильно. Суперонанизм. — Пард помолчал, разглядывая их насытившегося охранника. — Видишь, что у него на шее висит?

— Угу. Огненный камень. А что?

— Абсолютно такой же, как твой. Несомненно, дешевая имитация, но сходство примечательное. Расспроси.

Дейлт, равнодушно пожав плечами, заметил, что Джифф шевельнулся.

— Ну, все, наконец?

Мужчина с трудом сел, пошатываясь тощим телом.

— Я тебе противен, — тихо пробормотал он, глядя в пол и отключив от макушки кассету.

— Нет, — честно ответил Стивен.

Несколько веков назад он был бы шокирован, но за это время научился рассматривать человечество с самой дальней наблюдательной точки. Со времен Целителя сознательно старался поставить себя в подобные рамки. Сначала в них труд-

но было удерживаться, однако с годами этот способ восприятия стал естественным, жизненно важным элементом психики.

Он не презирал и не жалел Джиффа. Джифф — один из бесчисленных вариантов человеческого существа.

Дейлт опустил гравитационные наручники вниз, уселся на пол, скрестив ноги, и, когда Джифф сунул в комбинезон кассету в закрытом футляре, спросил:

— Где ты украл драгоценный камень, что носишь на шее?

Глаза хлипкого человечка нехарактерно сверкнули.

— Он мой! Пусть иенастоящий, но мой! Отец дарил по одному всем своим детям, как ему самому подарила родная мать.

Он поднес камень к глазам, взглядываясь в горящую глубину.

— М-м-м, — промычал Стивен. — Очень похож на мой.

Джифф поднялся на ноги и направился к нему.

— Значит, ты тоже Сын Целителя?

— Что?..

— Этот камень... точно такой же, как у Целителя много веков назад. Его носят все Дети Целителя.

Он остановился перед Дейлтом, протянул руку к шнурку у него на шее. Тот лениво прикинул, не двинуть ли его наручниками по физиономии.

— *Ничего не выйдет*, — предупредил Пард. — *Даже если удастся вышибить из него дух, что пользы? Давай играй дальше. Я хочу послушать про детей Целителя.*

Поэтому он спокойно позволил Джиффу осмотреть огненный камень.

— Я вовсе не сын Целителя. Фактически даже не знал, что у него вообще были дети.

Джифф выпустил из рук драгоценный камень, закачавшийся на шнурке.

— Просто так говорится. Мы себя называем его Детьми — точней надо было бы называться пра-прапрапраправнуками, — потому что без него никто из нас вообще на свет не родился бы.

Дейлт вопросительно посмотрел на него, и он объяснил с раздражением:

— Я — потомок женщины, которую Целитель вылечил пару сотен лет назад. Она была жертвой белой горячки. Если бы он не явился, не исцелил ее, всю жизнь сидела бы в лечебнице. Не родила бы двоих сыновей, не имела бы от них внуков и так далее.

— *А ты, дурак, не торчал бы тут, не караулил бы нас!* — проворчал Пард.

— Первое поколение Детей Целителя, — продолжал Джифф, — было своего рода общественным объединением, но вскоре стало чересчур многочисленным и растянулось на всю Вселенную. Теперь у нас нет организации, просто мы в своих семьях помним и чтим его имя, носим поддельный огненный камень. Горячка до сих пор бушует повсюду, и кое-кто поговаривает, что Целитель вернется.

— Ты в это веришь? — спросил Дейлт.

Джифф пожал плечами:

— Хотелось бы. — Он пристально взгляделся в камень Стивена. — Твой настоящий, да?

Дейлт помолчал, проводя совещание со склонностью света:

— Правду сказать?

— По-моему, это наш единственный шанс. Хуже определенно не будет.

Они не боялись физического насилия и пыток. Пока Пард держал под полным контролем физические системы, Дейлт не чувствовал боли и в любой миг способен был имитировать состояние смерти, когда в результате сильного сжатия сосудов холодела кожа, а сердечно-легочная деятельность замедлялась до минимального уровня.

— Точно. Хотя я предпочел бы сбросить наручники, перевернуть пару столов и натеиниться до смерти.

— Я тоже. Ну ладно, играем ва-банк.

— Конечно, настоящий, — подтвердил Дейлт. — Причем оригинал.

Джифф скептически скривил губы.

— А я — президент Федерации.

Стивен встал на ноги, подняв перед собой наручники.

— Твой босс разыскивает человека, живущего на свете двести—триста лет, правда? Я он самый и есть.

— Это нам известно.

— Никогда не болею, никогда не старею... Что это за Целитель, который не может себя исцелить? В конце концов, смерть — просто кульминация многочисленных дегенеративных болезненных процессов.

Джифф переваривал новость, признавая логику, но отрицая вывод.

— А где серебряная пряжка, золотая рука?

— Приподними тюбетейку, увидишь. Потом возьми вон в том шкафчике спирт, протри левую кисть.

Простояв в нерешительности целую минуту, борясь с сомнениями в еще не развеявшемся после кассеты дурмане, Джифф принял вызов

и осторожно стащил тюбетейку с головы пленника.

— Ничего нет! Чего ты хотел добиться своим...

— На корни посмотри, — велел Дейлт. — Неужели ты думаешь, что я буду повсюду расхаживать с незакраиненной прядью?

Джифф присмотрелся. Корни волос на овальном пятне на макушке оказались серебристо-серыми. Он шарахнулся, как ужаленный, потом медленно обошел вокруг Дейлта, разглядывая его, как музейный экспонат. Не вымолвив ни единого слова, направился к указанному шкафчику, вытащил фляжку с прозрачной оранжевой жидкостью.

— Мне... почти страшно пробовать... — пробормотал он, откупоривая сосуд.

Поднес фляжку к запястью, закованному в наручник, помедлил, глубоко вдохнул, плеснул спирт. Большая часть пролилась на пол, но достаточное количество попало в цель.

— Теперь вытри, — приказал Стивен.

Джифф, не поднимая глаз, сунул фляжку под мышку, принялся растирать спирт на левой руке. Жидкость вдруг помутнела, приобрела телесный цвет. Он вытер ее краешком собственного комбинезона. За четкой пограничной линией на запястье кожа имела глубокую золотисто-желтую окраску.

— И *правда*, Целитель... — произнес Джифф, впервые прямо взглянув в глаза собеседнику. — Прости меня! Сейчас сниму наручники.

Лихорадочно торопясь вынуть ключ из кармана, он выронил из-под мышки фляжку, звонко разбившуюся на полу.

— Эй! — воскликнул хозяин. — Стекло же настоящее!

Джифф не обратил внимания ни на разбитую склянку, ни на упреки. Выудил ключ, вставил в прорезь, давление на запястья внезапно ослабло, зажатые руки освободились, Джифф подхватил дезактивированные наручники.

— Прости меня, — повторил он, тряся головой, упорно глядя в пол. — Если бы я хоть на секунду подумал, что ты и есть Целитель, никогда бы этого не сделал, клянусь! Прости...

— Ладно, ладно, прощаю, — поспешил проговорил Дейлт. — Ну а бластер у тебя имеется?

Джифф покорно кивнул, полез под комбинезон и протянул ему маленький ручной бластер, дешевый, но эффективный на близком расстоянии.

— Хорошо. Теперь надо только...

— Эй! — крикнул кто-то с другого конца комнаты. — Что тут происходит?

Дейлт рефлекторно повернулся, вскинув бластер.

Но Хинтер уже прицелился из своего оружия. Мелькнула вспышка, Стивен почувствовал жгущую боль. Луч бластера прожег у него в груди дыру в двух сантиметрах слева от грудины. Колени подогнулись, все вокруг погрузилось в темноту и молчание.

XII

Примчавшись с верхнего этажа на волю Джиффа, Канлос увидел странную картину: пленник — Дейлт, или как там его звали, — лежал на спине в окровавленной рубашке, с аккуратной круглой дырой в груди, мертвей мертвого. Рядом с ним стоял Джифф, сидя на корточках, смотрящий на Дейлта с выражением, которое было трудно назвать.

дом с ним, прижав к животу пустые гравитационные наручники, всхлипывал коленопреклоненный Джифф. Сбоку молча стоял Хинтер с бластером в руке.

— Идиот! — заорал Канлос, побелев от ярости. — Как ты мог сделать такую глупость?

Хинтер невольно отступил назад.

— У него бластер был! Плевать мне, чего он там стоит. Когда в меня кто-то целился, я стреляю!

Канлос подошел к телу:

— Откуда у него оружие?

Хинтер пожал плечами:

— Я услыхал, как тут что-то разбилось, пошел посмотреть. Захожу — он без наручников, держит в руке бластер...

— Объясни, — велел Канлос, ткнув ногой рывавшего подручного.

— Это Целитель!..

— Не смейши меня!

— Да! Он мне доказал.

Канлос задумался.

— Ну, возможно. Мы проследили за ним до Толивы, а именно на Толиве впервые появился Целитель. Все совпадает. Но зачем ты его освободил?

— Затем, что я — Сын Целителя! — шмыгнул Джифф носом. — А сейчас помог его убить...

Канлос презрительно сморщился:

— Идиоты! Вокруг меня одни дураки, ни на что не способные. Теперь мы никогда не узнаем, почему он так долго жил. — Он безнадежно вздохнул. — Ладно. Остается обыскать еще несколько помешаний.

Хинтер пошел за ним следом.

— А с ним что делать? — кивнул он на безутешного напарника.

— Никчемный колпак. Забудь о нем.

Оба направились вниз, бросив Джиффа, склонившегося над телом Целителя.

XIII

— Ну, очнись!

— Что случилось?

— Хинтер дыру прожег прямо в сердце, друг мой.

— Тогда почему я все еще жив?

— Потому что, в конце концов, пригодилось подсобное сердце, которое я пару веков назад устроил у тебя в тазу.

— Никогда не слышал...

— Я тебе никогда не рассказывал. Знаю, как ты реагируешь на попытки усовершенствования.

— Больше никогда не буду возражать. А зачем ты устроил второе сердце?

— На меня произвел сильное впечатление случай с Антоном, которому ты насеквоздь пробил грудь. Я заключил, что полная зависимость всей системы кровообращения от единственного насоса весьма небезопасна и непредсматрительна. Поэтому подсоединил вспомогательный орган к брюшной аорте, вырастил несколько обходных клапанов и оставил... на всякий пожарный случай.

— Повторяю, никогда не буду возражать.

— Хорошо. Есть кое-какие соображения насчет минерального состава твоих костей, который я...

— Потом расскажешь. Что дальше будем делать?

— Отоплем домой околпаченного, потом по-заботимся о той нарочке, что внизу. Только не перенапрягайся: мы работаем всего на одном легком.

— Может, обождем их с бластером наготове?

— Нет. Имеется идея получше. Помнишь, что мы видели в сознании больных белой горячкой?

— Никогда не забуду.

— Я тоже, и думаю, могу до отказа заполнить весь дом концентрированной дозой кошмаров... Настолько концентрированной, что эти двое уже никогда больше не побеспокоят ни нас и никого другого.

— Ладно, только сначала избавимся от Джиффа.

XIV

Без всякого предупреждения лежавшее перед Джиффом тело вдруг перевернулось и село.

— Перестань хныкать и выметайся отсюда, — приказало оно.

Джифф разинул рот, выпучил глаза на явно живого и полного сил мужчину с окровавленной грудью и дырой в том месте, где должно быть сердце. Видно было, что он разрывается между желанием расхохотаться от радости и завопить от ужаса. Конфликт разрешился тем, что его вырвало.

Когда желудок, наконец, опустошился, ему было велено лезть на крышу, спуститься на землю по пожарной лестнице и идти своей дорогой.

— Больше никогда не лезь под колпак, — предупредило ожившее тело, — кончай свои забавы, пока совсем не свихнулся.

— Н-но как же... — начал было он.

— Никаких вопросов. Если не исчезнешь сейчас же, я за твою судьбу не отвечаю.

Не сказав больше ни слова, но без конца оглядываясь, Джифф направился к лестнице на крышу. Оглянувшись в последний раз, увидел, как тело нетвердо поднялось на ноги и пошло к креслу.

Опустившись в кресло, Дейлт помотал головой, бормоча:

— Кружится...

— А как же, — согласился Пард. — Путь от таза до мозга неблизкий. Кроме того, отмечается небольшой спазм дуги аорты, с которым у меня возникли трудности. Впрочем, с нами все будет в порядке.

— Придется поверить тебе на слово. Когда будем напускать кошмары?

— Немедленно. Я тебя заблокирую — не уверен, что даже ты выдержишь такую дозу.

«Вот что мне хотелось услышать», — с облегчением мысленно вздохнул он.

И тут сгорбившееся в кресле окровавленное простреленное тело начало излучать зло, страх, ужас. Сначала зловещие струйки, потом ровный поток, потом ревущий водопад.

Мужчины внизу прекратили обыск и дико завопили.

XV

Дейлт закончил осмотр нижних комнат, убедившись с полным удовлетворением, что два бормочущих слюнявых существа с пустыми глазами,

которые некогда были Каунлосом и Хинтером, больше не угрожают его жизни и тайне.

Он вышел в прохладную ночь в тщетной попытке облегчить перегруженное правое легкое и заметил скорчившуюся, лежавшую в кустах фигуру.

Это был Джифф. По неестественному положению тела было ясно, что он упал с крыши и сломал себе шею.

— Видно, этот Сын Целителя не последовал указаниям, — констатировал Дейлт. — Наверно, остался на крыше и потерял рассудок, когда кошмары перелились через край.

— Сын Лота...

— Что это значит?

— Ничего. Просто перефразированный эпизод из древней религиозной книги¹, — объяснил Пард и сменил тему: — Знаешь, любопытно, что эти приверженцы культа Целителя действительно ждут его возвращения.

— На самом деле не так уж и любопытно. Мы произвели немалое впечатление... и многое оставили недоделанным.

— Не по собственной воле. Из-за постороннего вмешательства.

— Верно. Но сейчас, во время войны, нам это не помешает.

— Хочешь вернуться, да?

— Хочу, и ты тоже.

— Пожалуй, ты прав. На сей раз хотелось бы попытаться проникнуть поглубже. И может быть, выяснить, кто или что стоит за этой самой белой горячкой.

¹ В Библии жена Лота, не послушавшись предупреждения, оглянувшись из ниспровержнутые Содом и Гоморру и превратилась в соляной столп.

-- Ты и раньше бросал подобные намеки. Не потрудишься ли объяснить?

— Боюсь, ничего больше сказать не могу. Одни намеки, догадки, что за сценой что-то движется. У меня нет ни теории, ни свидетельств. Просто гложущее подозрение.

-- Звучит довольно туманно.

-- Посмотрим. Однако сначала надо залечить дыру в груди, снова заставить работать настояще сердце. Если позволишь тебя процитировать: что это за Целитель, который не может себя исцелить? И придумаем впечатляющий способ его возвращения.

Быстро переодевшись, они вышли на крышу, взлетели во флитере в ночь, предоставив властям Мелтрина гадать, кто такие двое лепечущих идиотов, поменянный на сексе колпак со сломанной шеей и где бесследно исчезнувший уважаемый физик по фамилии Чизрак.

Вину за все это, конечно, свалили на тарков.

Часть третья

ИСЦЕЛИ НАРОД

Год 1231-й

Белая горячка свирепствовала с разной степенью вирулентности на протяжении тысячелетия с большим лишком, и в тот период с разными интервалами возникали определенные личности с опознавательными признаками Целителя — огненным камнем, белоснежной прядью волос на макушке, позолоченной кистью левой руки. Попытки самозванцев облегчить болезнь неизбежно оказывались успешными. Хотя медицинские авторитеты с негодованием приписывали успехи эффекту плацебо (за примечательным исключением Межзвездного медицинского корпуса, который по необъяснимым причинам отказывался подвергать «целителей» проверке), их объяснений никто не желал слушать. Детям Целителя не требовалось вообще никаких доказательств. Рациональные рассуждения не имели для них ни малейшего смысла.

Культив неудержимо разрастался, выйдя за планетарные границы, за рамки Содружества, преодолев даже расовые барьеры (мы уже говорили о его распространении среди лентимианцев и тарков в послевоенный период), расширяясь во всех направлениях, пока... белая горячка не отступила.

Болезнь угасла столь же внезапно и необъяснимо, как вспыхнула. За последние двести лет не зарегистрировано ни единого случая, и поэтому кульп Целителя заметно ослаб, подкрепляемый только тем фактом, что на видеозаписях, снятых в публичных местах на разных планетах, порой мелькают разнообразные личности с его внешними приметами. (Во всех подобных случаях без исключения отмечается лишь одно общее: никто из опрошенных позже людей, присутствовавших на месте зафиксированных событий, даже не помнит, чтоб видел мужчину, похожего на Целителя.)

Дети Целителя утверждают, будто он дожидается той минуты, когда вновь нам понадобится.

Что ж, посмотрим.

Из книги Эммерца Фента
«Целитель: человек и легенда»

XVI

Место действия: Центр Федерации, кабинет первого адъютанта федерального Министерства обороны.

Рос Петрикал расхаживал по комнате. Светловолосый, жилистый, он гордился своей ладной, крепкой фигурой, однако вовсе не старался произвести впечатление на другого мужчину, сидевшего у него в кабинете. Это был Билксер, старый приятель, координатор федерального валютного обращения, который зашел, убивая рабочее время, когда Петрикал получил донесение. Департамент Билкsera отвечал за учет и распространение сведений (за плату, конечно) о колебаниях относительной стоимости валюты планет, входящих в

Федерацию. Однако последние поколения координаторов заметно и прогрессивно утрачивали интерес к обменным курсам, в результате чего у Билксаера оказалась масса свободного времени.

Петрикал до самых последних дней вряд ли мог бы пожаловаться на чрезмерную занятость на посту первого адъютанта, хотя в данный момент сожалел, что выучился не на финансиста, а на военного. Развалился бы сейчас в шезлонге, как Билксер, наблюдая, как кто-то другой мечется по кабинету.

— Ну, по поводу теории насчет тарков... — проговорил праздный Билксер. — Не думаю, будто кто-то действительно верит, что именно они стоят за этим происшествием.

— За происшествием? Очень даже подходящее определение для жестокой, хладнокровно рассчитанной бойни!

Билксер пропустил мимо ушей возмущенный взрыв приятеля, словно мелкую семантическую придирку.

— Остаются брунины.

— Ни в коем случае! — резко махнул рукой Петрикал. Он понимал, что слишком возбужден, и сердился, что выдал свое беспокойство. — Ты слышал сообщение. Уцелевшие в том городище на Тарке...

— Ах, они теперь оставляют кого-то в живых? — перебил Билксер. — Со временем, видно, сердца их смягчились.

Петрикал испепелил гостя взглядом, удивляясь, как они вообще могли подружиться. Речь идет о гибели тысяч разумных существ, а Билксер, кажется, придает этому не больше значения, чем несущественной девальвации таркского эрда.

В межпланетном пространстве творится что-то нехорошее. Без всяких видимых причин через разные промежутки времени в разных местах люди все чаще и чаще уничтожаются в устрашающей кровавой мясорубке. Первые случаи казались мелкими, по крайней мере в межзвездном масштабе. Тут со-жгли мужчину, там истребили семью, в отдельных поселениях вырезали целиком всех жителей, потом пришла очередь городов — малых, крупных. После чего в Центр Федерации посыпались сообщения и запросы. Петрикал семьдесят с лишним лет старателльно выслеживал убийц, известных и неизвестных. Не нашел никаких объяснений, но столкнулся с массой новых загадок, самая интригующая из которых вопрошала: если налетчикам надо стереть с земли город или деревню, почему не сделать это из атмосферы? Единственный маленький межзвездный корабль оставит на месте поселка обугленную дыру практически без всякой опасности для нападающих. Вместо этого они высаживаются на планету и делают свое дело, применяя оружие ближнего индивидуального боя.

Бессмысленно, если только устрашение не предусмотрено планом. Отряды агрессоров действовали в высшей степени эффективно, никогда не оставляя свидетелей. До нынешнего дня.

— Уцелевшие, — отчеканил Петрикал, — описали налетчиков как гуманоидов в вакуумных костюмах. Лиц никто не разглядел. Они прибыли неизвестно откуда, предваряемые каким-то неизвестным атмосферным явлением, и методично уничтожили все живое, попавшееся на глаза. Как ушли? Добежали до определенного места и просто исчезли. Брунины, конечно, теряют рассудок, когда дело касается идеологии, но это совершен-

но не в их стиле. Кроме того, нет у них технологии для таких ловких трюков.

— Но ведь кто-то же это делает...

Петрикал остановился.

— Кто-то делает. И при этом использует некий совершенно новый физический принцип. — Он шагнул к своему письменному столу, рухнул на стул и мрачно добавил: — Тарки требуют срочно собрать Верховный Совет.

— Ну, твое дело — рекомендовать директору созвать заседание. Рискнешь?

— Не осталось особого выбора. Давно следовало это пробить, да я все ждал, что налеты уложатся в цельную картину. Пока еще не уложились. А я после удара по таркам приперт к стенке.

Билксер поднялся, лениво направился к двери.

— Практически общепризнано, что Федерация умерла, ушла в прошлое. Симпатичное шумное чрезвычайное заседание заставит временно отказаться от подобного убеждения.

— Боюсь, — вздохнул Петрикал, — реакция на срочный созыв лишь подтвердит смертельный диагноз.

XVII

Иосиф Ленда осматривал комнату в ожидании появления мистера Мордирака. Высокий сводчатый потолок плавной дугой перетекает в стены, заставленные многочисленными рядами закрытых полок, содержащих не что-нибудь, а книги. Стоимостью, разумеется, в целое состояние. А кругом еще артефакты: затейливый резной гарнитур из письменного стола и плюшевых кресел, в углах и

на стенах чучела животных и рептилий из десятков миров чередуются с копиями немыслимо древнего оружия для индивидуального боя, а может быть, и не копиями. В этом кабинете без окон, освещенном слабым рассеянным светом, Ленде казалось, будто он каким-то образом перенесся в туманное прошлое.

Несмотря на почти патологическую нелюдимость и скрытность и, разумеется, благодаря этому, мистер Мордирак был, пожалуй, самым известным гражданином Клатча. Невероятно богатый мужчина жил в доме, словно перенесенном с Земли из времен, когда люди еще не освоили космос, и водруженному здесь на головокружительном обрыве каменной скалы среди гиблых земель планеты. Насколько можно было судить, он редко покидал свое орлиное гнездо, а появляясь на публике, откровенно уклонялся от любых аппаратов, фиксирующих изображение.

Иосиф слегка взъерошился, услышав шаги за двустворчатой деревянной дверью, расположенной позади письменного стола. Он отчаянно нуждался в помощи человека, занимающего такое положение, как Мордирак, хотя тот старательно не обращал внимания на человеческие дела с того самого дня, как почти полвека назад неожиданно появился на Клатче. Ходили слухи, будто он купил планету. Хотя это было в высшей степени невероятно, его по сей день окружала аура богатства и власти. Ленде требовалось от Мордирака только одно публичное слово поддержки, которое гарантировало бы ему место в Федеральном Собрании.

Отсюда и волнующее предчувствие: никого не принимая, Мордирак его все-таки принял. Заинтересовался? Или решил вступить с ним в игру?

Дверь открылась, вошел темноволосый, крепкий с виду мужчина, почти ровесник Ленды. Скользнул за письменный стол, уселся и посмотрел в глаза собеседнику, сидевшему напротив.

— Почему такому симпатичному молодому человеку, как вы, мистер Ленда, хочется представлять Клатч в Федеральном Собрании?

— Полагаю, я вижу перед собой мистера Мордираха собственной персоной, — пробормотал визитер, немедленно пожалев о своих словах.

— Его самого, — последовал ответ.

Хотя он ожидал увидеть мужчину постарше и с более впечатляющей внешностью, Ленда узнал Мордираха в тот же самый миг, как тот шагнул в комнату. Молодой голос, в котором, впрочем, слышался давний привычный оттенок властности, сами его манеры мгновенно действовали на подсознание, тем не менее вызывающая фраза вырвалась сама собой.

— Примите мои извинения, — смущился он. — Я никогда не видел вашего изображения.

— Ничего страшного, — успокоил его Мордирах. — Ну, что же вы ответите на мой вопрос?

Ленда стряхнул необъяснимое ощущение собственной неадекватности, которое внушал ему хозяин замка, и ответил:

— Я хочу стать представителем планеты потому, что Клатч — член Федерации и должен иметь слово в Собрании. Кажется, больше никто здесь не придает большого значения Федерации. Кроме меня.

— Федерация мертва, — равнодушно заявил Мордирах.

— Я позволю себе вас поправить, сэр. Умирает — да. Но еще не мертва.

— Триста с лишним лет не поступает ни одной заявки на членство, и более половины старых членов не способны пробудить в своем населении хоть какой-нибудь интерес к отправке в Собрание планетарных представителей, не говоря уже о секторальных. Поэтому я говорю — Федерация мертва.

— Ну тогда, — Ленда выпятил челюсть, — надо ее возродить.

Мордирак хмыкнул.

— Чего вы от меня хотите?

— Поддержки, о чём, я уверен, вам отлично известно.

— Я лишен политического влияния.

— Я тоже. И к тому же фактически неизвестен народу, тогда как о вас этого никак не скажешь. За избрание меня представителем в Центре Федерации должны проголосовать более пятидесяти процентов избирателей Клатча. Для чего мне требуется лишь ваше одобрение.

— Сами не справитесь?

Ленда вздохнул:

— На прошлых выборах я был единственным кандидатом, и даже половина населения, обладающего правом голоса, не потрудилась явиться на выборы. Устав Федерации не признает делегатов, за которых голосует менее половины правомочных избирателей.

Неожиданная улыбка выглядела совсем неуместной на лице Мордирака.

— Вам ни о чём это не говорит, мистер Ленда?

— Говорит! Мне это говорит, что кто-то должен вытащить их из надувных шезлонгов, оторвать от видео, чтобы в открывшихся через месяц кабинках они просто нажали на кнопку «за» или «против»!

— И по-вашему, это должен сделать я?

— Ваше имя, мистер Мордирак, творит чудеса на нашей планете. Если знаменитый отшельник с Клатча считает представительство настолько важным, что поддерживает кандидата, то и избиратели сочтут его достаточно важным, чтобы высказать свое мнение.

— Боюсь, не смогу вам помочь, — объявил Мордирак, и тон его безошибочно намекал, что это слово последнее.

Ленда тщетно старался скрыть огорчение.

— Ну, не мне, так кому-то другому... Кому угодно... лишь бы дело сдвинулось с места!

— Простите, мистер Ленда, я никогда особенно не занимался политикой, не имел дела с политиками и теперь начинать не намерен.

Он поднялся, собираясь уйти.

— Черт побери, Мордирак! — вскричал Ленда, вскочив на ноги. — Человеческая раса катится в адскую преисподнюю! Мы деградируем, превращаемся в черни! Одна кучка делает то, другая еще где-то — другое, не общаясь друг с другом, самостоятельно, самодовольно... Общая генетическая основа, которая только одна нас связывала, превратилась в сплошные обломки! Мне не нравится происходящее у меня на глазах, я хочу что-нибудь сделать!

— Вы страстный человек, мистер Ленда, — с оттенком одобрения заметил Мордирак. — Что именно вам хочется сделать?

— Я... пока не знаю, — признался он, быстро остыv. — Первым делом надо попасть в Центр Федерации, начинать оттуда, изнутри. В свои лучшие времена Федерация была благородной организацией с благородной историей. Мне не-

навистно видеть, как она умирает от истощения. Все труды таких людей, как Ла Наг и другие...

— Ла Наг... — пробормотал Мордирак, и лицо его на мгновение смягчилось. — Я жил на его родной планете.

— Значит, вы с Толивы, — понимающе кивнул Ленда. — Вот чем объясняется отсутствие интереса к политике.

— Да, отчасти. Ла Наг родился на Толиве и до сих пор там пользуется большим уважением.

Впервые за время беседы Иосиф почувствовал, что разговаривает с таким же, как он, человеком. Разделявшая их в первые минуты пропасть явственно сократилась, и он поспешил воспользоваться благоприятной возможностью для сближения:

— Я недавно побывал в Центре Федерации. У Ла Нага разорвалось бы сердце, если бы он увидел...

— Эта тактика не сработает, — отрезал Мордирак, и бездна вновь разверзлась в полную ширь.

— Простите. Я просто не знаю, что делать.

— Заметно. Вы разочарованы. Страстно мечтаете об избрании, но даже не находите выборов, в которых могли бы участвовать.

— Неправда.

— Да ну? Зачем тогда рветесь во власть? Может быть, вы «прирожденный правитель»?

Ленда промолчал. Пропустил мимо ушей оскорбительное замечание, хотя оно эхом откликнулось в глубине души. Он часто обдумывал собственные политические мотивы и никогда не испытывал полного удовлетворения от ответов. Но отказывался соглашаться с набросанным Мордираком портретом.

— Будь я «прирожденным правителем», только обрадовался бы развалу Федерации. Кроме Пе-

рестройщиков, никто еще не стремился в Центр, чтобы править. Я посвятил почти всю свою взрослую жизнь изучению ее истории и хорошо знаю, какой она была до войны. Просматривал старые видеозаписи бурных дебатов, принятия кардинальных решений... Честно скажу, если бы вы ее знали не хуже, чем я, и увидели, что с ней сейчас стало, разрыдались бы.

Мордирак остался равнодушным.

— Вдобавок, — настойчиво продолжал Ленда, — все чаще повторяется кровавая бойня, совершаются бессмысленные, случайные налеты на планеты. Подобные злодейства сами по себе — абсолютное варварство, но боюсь, окончательный итог будет гораздо хуже. Если Федерация не даст адекватный отпор, я предвижу, что раса землян — фактически вся наша часть галактики — вступит в долгий и, может быть, бесконечный период межпланетного феодализма!

Мордирак не моргнул даже глазом.

— Что мне за дело до этого?

Ленда заметно увял, но в последний раз попробовал до него дотупиться:

— Поезжайте со мной в Центр Федерации... Сами увидите, какой там развал.

— Если желаете, — кивнул Мордирак. — Возможно, в будущем году.

— В будущем году! — воскликнул Иосиф, сердясь на себя, что не может внушить собеседнику представление о неотложной срочности дела. — В будущем году будет поздно! Верховный Совет уже собрался на экстренное заседание...

Мордирак пожал плечами:

— Тогда прямо сейчас. Полетим в моем туруре.

В каком-то тумане от ошеломляющего поворота событий и полного отсутствия ощущения времени у Мордирака, Ленда покорно тащился за ним по сумрачным коридорам на кристально чистый солнечный свет на вершине горы. Они уселись в туристический корабль, поднялись, процахали тонкий облачный слой, взяли курс прямо на побережье, не говоря ни слова. Машина приземлилась на песчаной банке, нырнула в спускной желоб подводного трубопровода. Инерция нарастала медленно, потом труба круго пошла вниз, и они стрелой полетели с континентального щельфа в глубь морской впадины, где находились самые большие из трех имевшихся на Клатче врат Хааса.

Тысячу лет назад врата Хааса совершили революцию в межзвездных путешествиях, открыв космическим кораблям выход в искривленное пространство в поле звездного тяготения. На первых кораблях врата размещались в межпланетном пространстве. Попытки устроить их в атмосфере планеты неизменно имели трагические результаты, пока кому-то не пришло в голову использовать для этого океанское дно с высочайшим давлением. Способ оказался удачным. Давление смягчало эффекты смещения, и в межзвездных путешествиях вновь произошла революция, исключившая необходимость развития второй космической скорости. Однако орбитальные врата по-прежнему принимали прибывающие корабли, поскольку контакт с любой средой, кроме вакуума, со скоростью, набранной в искривленном пространстве, обязательно приводил к катастрофе.

Ленда молча сидел в хрупком турере, на что Мордирак, не склонный прерывать неловкое молчание, фактически не обращал внимания. Но ког-

да кораблик помчался к пилонам цвета бронзы, обозначавшим врата, и вошел в искривленное пространство в образующемся между ними поле, Иосиф заговорил:

— Осмелюсь спросить, мистер Мордирак, что заставило вас передумать и отправиться в Центр Федерации?

Мордирак, кроме которого в пассажирском отсеке туристического корабля никого больше не было, словно не понял, что вопрос адресован ему. Собеседник выждал разумное, по его мнению, время и приготовился переспросить, но тут его спутник ответил:

— Я отношусь к процессу управления с восторженным ужасом. Мне отвратительно все, что при этом подразумевается, тем не менее мне приходилось участвовать в организационных дискуссиях и переговорах. Вы говорите, что Федерация умирает. Хочу увидеть своими глазами.

После чего он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Дальнейшие попытки завязать разговор остались безуспешными, и Ленда в конце концов погрузился в молчание до конца перелета.

Впорхнув во врата Центра Федерации и выйдя на планетную орбиту, он был неприятно удивлен недолгим ожиданием мест в посадочном челноке, подозрительно проворчав:

— Видно, положение дел в Федерации даже хуже, чем я думал. После созыва чрезвычайной сессии орбита должна быть забита прибывающими представителями, с которыми челноки не справляются вовремя.

Мордирак кивнул с отсутствующим видом, погруженный в собственные мысли.

— Выслушав ваше красочное описание, — сказал Мордирак, когда они шагали по пустым отполированным коридорам комплекса Собрания, — я почти ожидал увидеть заваленные мусором улицы и потрескавшиеся стены.

— О, здесь действительно полный развал. Только трещины метафизические. В этих коридорах должны кишмя кишеть зеваки и репортеры. А на самом деле...

Голос Ленды дрогнул, прервался при виде вдали одинокой, как бы заблудившейся фигуры.

— По-моему, я его знаю, — спохватился он. — Мистер Петрикал!

Мужчина оглянулся, но, видимо, не узнал ни того ни другого из встречных.

-- К сожалению, в данный момент никаких интервью.

Ленда шагнул к нему, протягивая руку:

— Иосиф Ленда. Мы встречались в прошлом году, когда я служил секретарем.

Петрикал туманно улыбнулся, пробормотав:

— Ax, конечно, конечно...

Будучи представленным Мордираку, ответившему едва заметным кивком, он мрачно обратился к Ленде:

— По-прежнему уверены в своем желании стать представителем?

— Больше прежнего, — ответил тот, оглядел в обе стороны пустой коридор и добавил: — Надеюсь только, что к тому времени, как мне удастся победить на выборах, от Федерации еще что-то останется.

— Оговорка весьма здравая, — кивнул Петрикал. — Разрешите, я вам кое-что покажу.

Он пригласил их в дверь в дальнем конце коридора, за которой находилась закрытая галерея,

выходившая в огромное пространство зала заседаний Верховного Совета. На другом конце возвышалась трибуна с шестью креслами. Пять из них были пусты. Другой подиум ниже предназначался для представителей секторов, и здесь были заняты только семь мест из сорока. Необъятная нижняя секция для планетарных представителей пустовала практически полностью. Несколько одиноких фигур праздно стояли, уныло сидели.

— Видите чрезвычайное заседание Верховного Совета Межпланетной Федерации? — с отвращением воскликнул Петрикал. — Слышите вдохновенные дебаты, ожесточенное столкновение мнений?

В надолго воцарившейся тишине трое мужчин разглядывали открывавшуюся внизу картину. Судя по выражению лиц, каждый реагировал на нее по-своему. Петрикал выпятил челюсть, прищурившись в бессильной ярости. У Ленды был сокрушенный вид, а в глазах, пожалуй, больше влаги, чем требуется для естественного увлажнения. На лице Мордирака застыла привычная маска, и лишь на кратчайший миг уголки губ дрогнули в улыбке.

Наконец Иосиф шепнул:

— Все кончено, да? — Фраза прозвучала не вопросительно, а утвердительно. — Отныне нам суждено долго катиться к варварству.

— Ну, в действительности все не так плохо, — начал Петрикал с наигранной бодростью, которая быстро сляняла, когда он встретился с Лендой взглядом.

С этим молодым человеком бессмысленно играть словами. Он все понимает.

— Уже катимся, — отрывисто признал адъютант. — В данный момент... — он махнул рукой

на пустой зал заседаний, — это лишь получает официальное подтверждение.

Ленда оглянулся на Мордирака:

— Простите, что я вас сюда притащил. Простите, что отнял у вас время.

Мордирак посмотрел на него, оторвавшись от сцены внизу:

— По-моему, это весьма интересно.

— И больше вам сказать нечего? — проскрипел Ленда сквозь зубы.

От злости у него вдруг перехватило горло. Совершенно бесчувственный тип!

— Вы стали свидетелем не только гибели организации, которая пятнадцать столетий вела нашу расу к мирной межзвездной цивилизации, но и, возможно, крушения этой самой цивилизации! Повашему, это просто «интересно»?

Мордирак остался невозмутимым.

— Довольно интересно. Ну, думаю, я видел достаточно. Подбросить вас обратно до Клатча?

— Спасибо, не надо, — с высокомерным презрением отказался Иосиф. — Сам как-нибудь доберусь.

Мордирак кивнул и покинул галерею.

— Кто это? — спросил Петрикал. Он слышал только фамилию незнакомца, но полностью разделял антипатию Ленды.

Тот вновь повернулся к залу заседаний.

— Никто.

XVIII

Шагнув из стыковочного шлюза челнока в свой турер, Стивен Дейлт задумался над той странной радостью, которая наполнила его душу при мысли

о гибели Федерации. Он давно видел ее приближение, но не придавал большого значения. Фактически довольно давно не придавал большого значения любым делам собратьев-землян. Одно время главной его заботой была собственная физическая маскировка в их глазах, теперь и в этом отпала необходимость — в большинстве случаев вполне достаточно проекции любого пси-образа. Конечно, приходится тщательно избегать любых устройств, записывающих изображение, поскольку пси-воздействию они неподвластны. Человечество как бы стало чужой для него расой — Федерация, символ межзвездной гуманитарной культуры, умирает, а он не находит в душе ни капли сожаления.

Хотя должен был что-то чувствовать. Пятьсот, даже две тысячи лет назад наверняка иначе бы реагировал. Впрочем, тогда он был другим, Федерация представлялась жизнеспособной организацией. Теперь он — Мордирак, а она лежит на смертном одре.

По его мнению, упадок начался с окончанием войны между землянами и тарками, чудовищного, казавшегося бесконечным конфликта. Сначала война шла удачно для тарков. Монолитная Тарканская империя создала колоссальную штурмовую армию, которая сеяла ужас и разрушение, глубоко проникая в сферу влияния землян. Однако единство, обеспечившее на первых порах преимущество таркам, погубило их в конечном счете. Империя давно изучила свободную дезорганизованную причудливую структуру Федерации, обнаружив слабые места. Но скорая победа не далась таркам в руки, обе стороны перешли к глубокой осаде, после чего стало сказываться разнообразие человечества, издавна заповеданное Уставом Ла Нага.

Технологические достижения в области вооружений со временем пробили печально известные силовые экраны тарков, дредноуты землян окружили планету, где находился дворец императора Тарка. Седьмой потомок начавшего войну императора созвал по тарканской традиции собрание высшего дворянства, которое перед капитуляцией в плен сожгло его вместе с семьей. Королевской династии пришел достойный конец — в тарканском понятии.

Как и следовало ожидать, победу сопровождали праздничные торжества. Пятисотлетняя война завершилась, Федерация доказала свою прочность и эффективность. Разумеется, шрамы остались. Число погибших представителей многих участвовавших в войне поколений достигло миллиардов, некоторые планеты с обеих враждовавших сторон оказались практически необитаемыми. Впрочем, были потеряны не только ресурсы. Конфликт выкачивал из землян еще кое-что.

Когда угасла вспышка победного ликования, человечество начало замыкаться в себе. На первых порах тенденция была незаметной, но постепенно наблюдатели и хроники истории человеческой расы поняли, что экспансия прекратилась. Исследовательские экспедиции по периметру и в сердце галактики были отложены на неопределенное время. Расширение границ освоенного космоса замедлилось до черепашьего шага.

Человек научился искривлять пространство, победно прыгая со звезды на звезду. Он совершил ошибки, учился на них, продвигался вперед — до войны землян с тарками. После победы стремление вдаль сменилось движением вспять. Человечество свернулось в клубок. Раса как бы получи-

ла молчаливое подсознательное указание воздевать свой сад. Тарки были усмирены, фактически приняты в Федерацию, получив представительство второго разряда. Они больше не представляли угрозы.

А с чем столкнешься в дальних краях? Не существует ли там другой воинственной расы? Не летит ли на крыльях другая война? Прозвучал негласный приказ отступать. Сплотитесь и посидите тихонько.

Однако консолидации так и не получилось, по крайней мере в продуктивном масштабе. К концу войны землян связывала с союзниками всеобъемлющая система врат Хааса, позволявшая с неслыханной прежде легкостью добираться друг до друга. Если бы в то время Федерация находилась в руках оппортунистов, можно было бы построить новую империю. Но произошло обратное: верное Уставу руководство Федерации подавило искушение воспользоваться послевоенным периодом и распространить свое влияние на другие планеты. Оно скорей старалось вернуться к нормальному положению дел, преодолевая возникающие во время любой войны центристские тенденции.

Ему удалось с этим справиться слишком успешно. Связи планет с Федерацией ослабли, как и было задумано, потом начали возникать самостоятельные анклавы, союзы, содружества, связанные торговлей и соглашениями об обеспечении взаимной безопасности. Обосновавшись в своих секторах, они полностью и окончательно забывали о Федерации.

Именно этот раскол вместе с угасшим желанием двигаться дальше больше всего тревожил политологов. Аналитики предсказывали дальней-

шее отчуждение между планетарными анклавами, которое приведет в результате к открытой вражде. Без Федерации — средоточия целей и устремлений расы — человечеству грозил межзвездный феодализм. В данный момент перед ним открываются два пути: полное подчинение наиболее агрессивному анклаву и создание новой империи вроде Метепской дофедеративных времен или полный распад межзвездных связей, ведущий к застою и варварству.

Дейлт сам не знал, согласен ли с теориями катастрофы. Но в одном был уверен: Федерация перестала быть единым связующим центром.

Видя мысленным взором почти пустой зал заседаний Верховного Совета, он попытался вздрогнуть. И тут в голове зазвучал голос, знакомый теперь, как свой собственный:

Кружи и кружи, расширяя круги,
Сокол сокольничего не слышит,
Центр не притягивает распадающиеся куски,
Мир разгулом анархии дышит...
В лучшее никто больше не верит.

- Не мешай.
- Ты не любишь поэзию, Дейлт? Это стихи одного из моих самых любимых древних поэтов. Весьма кстати, правда?
- Меня это не интересует.
- Должно интересовать. Довольно точно описано и твое личное положение, и положение твоей расы.
- Проваливай, паразит!
- Мне уже и самому хотелось бы иметь такую возможность. Ты меня беспокоишь в последнее время. Переживаешь распад личности.
- Избавь меня от своих надоевших анализов.

— Я вполне серьезно. Посмотри, во что ты превратился. Отшельник, чудак, разорвавший все связи, живущий в автоматизированном готическом замке среди старого оружия и мертвых трофеев, мрачный, несчастный. Я искренне озабочен, пусть даже не из альтруистических соображений.

Он не ответил. Пард обладает даром смотреть в самый корень проблемы, а вывод на сей раз не особо приятный. Его давно терзает страх перед распадом собственной личности. Не нравится свой нынешний образ, только тут, кажется, ничего не поделаешь. Когда и с чего начались перемены? Когда случайные приступы усталой скуки переросли в бесконечную сокрушительную тоску? Когда люди стали чужими? Даже секс его больше не привлекает, хотя с потенцией все в полнейшем порядке. Прежде легко и естественно возникавшие эмоциональные связи завязывались все реже, потом стали совсем невозможными. Видно, тот факт, что смерть с неумолимостью их разрывает, сыграл свою роль.

У Парда, разумеется, нет подобных проблем. С миром он непосредственно не общается, никогда не был смертным. С той минуты, как он поселился в сознании Дейлта, смерть из неизбежной стала просто возможной. Пард не нуждается в компаньоне, разве что для обсуждения время от времени некоторых вопросов относительно их совместного существования и абстрактных рассуждений, доставляющих ему немалое наслаждение. Стивен ему завидовал.

Почему — вдруг взбрела ему в голову мысль, — почему он всегда видит в Парде существа мужского рода? Почему не среднего? Почему, еще лучше, не женского? Они мысленно обручены, пока смерть их не разлучит.

— Не сваливай вину за свое нынешнее состояние на долгую жизнь, — посоветовал навсегда влезший в голову незваный сожитель. — Ты путаешь инертность со скучой. Твои возможности далеко не исчерпаны; фактически ты их еще близко на зуб не испробовал. Отлично держался целое тысячелетие. Только в последние сто пятьдесят лет начал сдавать.

Он опять прав, подумал Дейлт. Пожалуй, все началось после победы над белой горячкой. Если оглянуться назад, в деятельности Целителя, как бы она его ни изматывала, были высочайшие взлеты, пики между глубокими провалами. Теперь он успокоился, словно море, окруженное безликом горизонтом.

— Ты должен горячо и живо интересоваться тем, что происходит с твоей расой, ибо именно тебе из всех ныне живущих предстоит увидеть, как цивилизация выродится в феодализм. Но тебя ничего не волнует. Жестокое зверское варварство бьется в клетку цивилизации, а ты лишь подавляешь зевок.

— У тебя сегодня решительно поэтическое настроение. Хотя варварство вместе с бедностью всегда с нами.

— Безусловно. Однако не на первом месте. Пока, по крайней мере. Скажи, хотелось бы тебе видеть Федерацию, устроенную по образцу культуры Кваши?

Дейлт отчетливо представил картину, но все же ответил:

— Мне бы хотелось, чтобы *ты* остался на Кваши, — мгновенно пожалев об этих словах.

Недостойное ребячество с его стороны, очередное подтверждение гибели разума.

— Если бы я там остался, ты умер бы тысячу с лишним лет назад.

— Может, было бы гораздо лучше, — сердито парировал он.

Справа послышался резкий скрип, в руке очутился оторванный подлокотник кресла.

— Как это мне удалось? — удивился Стивен.

— Что?

— Как я голой рукой оторвал подлокотник?..

— А, вот что тебя интересует. Ну, я недавно немножечко переделал актиновые и миоциновые волокна в поперечно-полосатой мышце. В этом отношении человеческие мускулы далеко не идеальны. Теперь у тебя максимальное мышечное напряжение гораздо выше нормального. Естественно, после этого пришлось усилить связи между волокнами, укрепить сухожилия, места их прикрепления, капсулы суставов. Разумно было повысить содержание кератина в эпидерме ради предотвращения...

Дейлт небрежно швырнул оторванный подлокотник на пол кабинки. Пард умолк. В прежние времена он выслушал бы лекцию о потенциальном вреде вмешательства в хозяйственную физиологию. Теперь хозяину, видно, на это глубоко плевать.

— Я серьезно за тебя тревожусь, Стив. Нехорошо нагонять на себя тоску, но эмоциональная жизнь — твоё личное дело. Однако должен предупредить: если ты сделаешь какой-либо шаг, угрожающий нашему физическому существованию, я постараюсь этого не допустить, не спрашивая позволения.

— Поди прочь, паразит, — устало подумал Дейлт, — дай поспать.

— Отвергаю оскорбительное определение. Я с лихвой заслужил свою долю. Это еще вопрос — кто из нас действительно паразит.

На это он ничего не ответил.

Проснувшись, увидел перед собой укрупнявшийся Клатч. Туэр легко промчался сквозь атмосферу к морю, плюхнулся в клубах пара в воду, выскочил на поверхность, закачался на брюхе. Рядом появился пилотный корабль, состыковался с ним, обождал, пока тот наполнится водой для балласта, потом потянул его вниз к причалу на дне.

Вскоре трубопровод доставил Дейлта на берег, он медленно направился к своему флитеру. Солнце уже завершало третий круг по небу, на побережье стоял теплый тихий густой туман. Кругом полным-полно купальщиков и загоравших.

Стивен замедлил шаг, глядя на загорелого высоколобого мальчика, копавшегося в песке. Сколько веков мальчишки копаются в песке? Наверняка он делал то же самое в детстве на Френдли. Давно ли это было? Двести лет назад? Скорее две тысячи. Кажется, будто он никогда не был ребенком.

Промелькнула праздная мысль, не напрасно ли сам отказался иметь детей, и тут же стало ясно, что нет. Без того тяжело видеть, как стареет и умирает любимая женщина, а наблюдать, как это происходит с детьми, совсем уж невыносимо.

Снова врезался Пард, на сей раз поспешно, настойчиво:

— Что-то происходит!

— А именно?

*— Точно не знаю, но поблизости вдруг проявилась
пси-сила млекопитающего.*

Пронеслось легкое дуновение. Дейлт оторвал взгляд от мальчика, слыша внизу у воды возбужденные голоса. Туман в воздухе дрогнул, уплыл на метр от берега. Возник серый вертящийся диск, сначала размером с монету, потом укрупняясь все больше и больше. Пока он увеличивался в размерах, дуновение превратилось в шквалистый ветер. Достигнув в диаметре приблизительно роста взрослого мужчины, диск нырнул в туман, с силой подняв тучу брызг.

Любопытный мальчишка вскочил, рванулся вперед, но Стивен схватил его за плечо и тихонечко попридержал.

— Сиди в своей песчаной яме, парень, — посоветовал он. — Что-то мне это с виду не нравится.

Мальчик вопросительно посмотрел на него снизу вверх голубыми глазами, однако какая-то нотка в тоне Дейлта заставила его попятиться и заползти в выкопанную пещеру.

Стивен внимательно присматривался к диску. Почему-то волосы у него встали дыбом, и он присел на корточки, ожидая дальнейшего развития событий. Диск уже перестал расти, и люди, стояньясь поднятых брызг, выстроились полукругом, держась на почтительном расстоянии.

Потом, словно пробившись сквозь сплошную стену, материализовалась фигура в вакуумном костюме, со сверкающим рюкзаком на спине, спрыгнула на песок, продемонстрировав смертельный номер. Держа в руках, как быстро выяснилось, лучевое ружье, метнулась вправо, упала на одно колено. За ней сразу возникла другая фигура и рину-

лась влево. Первый неизвестный сбросил рюкзак, вскинул ружье, начал палить в толпу. Второй незамедлительно поддержал его — полукруг наблюдателей разлетелся в ужасные клочья. На берег нескончаемым потоком хлынули налетчики, рассыпаясь и с убийственной меткостью стреляя на бегу.

Дейлт инстинктивно распластался на песке, завидев первого убийцу, и теперь потрясенно смотрел на сплошь усеявшие берег трупы людей, которые несколько минут назад купались и загорали. Кругом царила паника, почти раздетые купальщики с дикими воплями пытались спастись бегством. Безликие здоровенные мародеры в глухих вакуумных костюмах с безжалостной эффективностью преследовали добычу. Число их уже достигло сорока—пятидесяти, и, когда один побежал в его сторону, Стивен понял, что стал свидетелем налета и вскоре несомненно падет жертвой очередной бессмысленной бойни, о которых рассказывал Иосиф Ленда.

Справа что-то мелькнуло — оглянувшись, он увидел, как тот самый мальчик бежит во всю прыть по песку, плача, крича, зовя маму. Хотел было крикнуть, велеть ему лечь, но приближающийся убийца заметил движущуюся фигурку и поднял ружье.

Дейлт вскочил на ноги и бросился к нему. При столь высокой меткости, какую налетчики успели продемонстрировать, почти не надеялся спасти мальчишку, но должен был попытаться. Что-то, связанное с жизнью этого ребенка, или с его собственной, или с обеими, заставляло его бежать. Ноги лихорадочно месили песок, ища опоры, однако не удавалось набрать необходимую скорость. Оружие убийцы тихонько прожужжало,

и он краем глаза увидел, как мальчик дернулся на полушиате и рухнул.

Мысль о самосохранении вмиг утонула в багровом приливе ярости. Да, ему хочется жить. Только в данный момент больше хочется убивать. Если бегущие ноги успеют донести его во время, сил наверняка хватит — достаточно вспомнить об оторванной ручке кресла в турере. Хотя выражения лица налетчика не было видно за матовой пластиной шлема, он с явным ошеломлением заметил бежавшего к нему человека. Постепенно поднял бластер, прицелился и опоздал. Дейлт оттолкнул дуло в сторону, впился обеими руками в ткань вакуумного костюма, рванул... Послышался треск, пошел зловонный запах, пальцы проникли под скафандр, потянулись к гортани, обхватили шею. Раздался глухой вздох, и убийца обмяк.

Вытащив руки, Стивен швырнул на песок тело, подхватил упавший бластер, быстро осмотрел, гадая, как он действует без спускового крючка.

Труп налетчика рядом вдруг вспыхнул короткой, нестерпимо яркой вспышкой, из разорванного скафандра заклубился маслянистый дымок, и больше ничего не осталось.

— Что за чертовщина... — пробормотал он вслух, и тут врезался Пард:

— Неплохой способ скрыть свое происхождение и родную планету. Впрочем, сейчас это значения не имеет. Попробуй нажать кнопочку на приладе сбоку, да поскорее. По-моему, ты привлек к себе нежелательное внимание.

Дейлт оглянулся: один из бандитов таращил на него глаза, на секунду замерев на месте от изумления, а потом начал прицеливаться.

Движения внезапно замедлились, как под водой.

— В чем дело?

— Я ускорил твое восприятие происходящего, чтобы успеть увернуться от направленного на нас силового луча.

Захватчик уже приложил ружье к плечу, Дейлт нырнул влево, изящно, легонько и плавно летя в воздухе. Впрочем, грязнулся озень совсем не легонько. Охнул, перевернулся, наставил бластер приблизительно на мародера, трижды быстро нажав на кнопку.

Видно, один заряд попал в цель. Противник медленно, широко всплеснул руками, плавно навзничь опрокинулся на песок.

Когда ход событий приобрел нормальную скорость, тело, как и предыдущее, вспыхнуло и растворяло в дым.

Дейлт отметил, что теперь занимает позицию позади передовой линии мародеров.

— Не лучше ли вновь замедлить восприятие? — обратился он к Парду.

— Нет. Нейроны способны поддерживать необходимый темп метаболизма не более пары минут.

Стивен изготавлился, прижал к плечу оружие, нашупал большим пальцем кнопку.

Немножечко посчитаемся, пока есть возможность.

Без малейших колебаний и угрызений совести он взял на мушку ничего не подозревавшие спины налстчиков, собирающихся добивать уцелевших купальщиков. Пока мародеры один за другим падали под неслышными лучевыми зарядами бластера, к нему вновь вернулись охотничьи навыки, приобретенные на малонаселенных планетах освоенного

космоса: бей отставших и крайних, потом двигайся к центру. Уже целый десяток бандитов валялся, дымясь, на песке, прежде чем главные силы сообразили, что дело идет не по плану.

Фигура в центре шеренги оглядела необъяснимо сократившиеся ряды и подала сигнал остальным. Те стали отвлекаться от купальщиков, выискивая неожиданную угрозу сзади. Пард вновь ускорил восприятие, и оружие Дейлта заработало с неумолимой силой. Он непрерывно двигался, целясь из незнакомого бластера, свыкшаясь с ним, нанося все более меткие смертельные удары. Как только налетчик прицеливался, он разворачивался и непрерывно стрелял, стрелял, стрелял. Если бы пальцы, руки и плечи реагировали со скоростью восприятия, всех уже уничтожил бы. А фактически перебил половину. Ряды агрессоров существенно поредели, вскоре должны были совсем распасться.

Стивен поймал в прицел фигуру, которую считал вожаком, но глаза его вдруг затуманились, голова закружилась. Волна быстро схлынула и накатила с новой силой. Почувствовалось присутствие чего-то зловещего, абсолютно чужого... и странно знакомого.

Потом возникло никогда не бывалое и мучительное ощущение, словно пред ним предстала целая вселенная, изнутри и снаружи. Потом все исчезло.

Он очнулся с засыпанными песком глазами, забитыми ноздрями, в ушах стоял плеск морских волн, человеческие голоса. С трудом поднялся на колени, отряхнул лицо дрожащей рукой, разлепил веки.

Его окружала небольшая кучка людей. Все взгляды были устремлены на него, в глухом испуганном шепоте то и дело слышалось слово — «Целитель»... Дейлт вдруг понял, что, пока лежал без сознания, пси-маска слетела.

Правая рука что-то держала — добытое в бою оружие. Он разжал пальцы, уронил его на песок. Продолжил прерванный путь к флитеру, и толпа расступилась, открывая перед ним широкий проход, прегражденный только телами сраженных наповал купальщиков и останками убитых им налетчиков.

На ходу Стивен оглядывал сцену. Налет пресечен, бандиты исчезли, вертящаяся воронка, ведущая неизвестно куда, закрыта. Еще дымившийся нешел убийц, не успевших уйти, вселил в него примитивное чувство удовлетворения.

Послужит гадам хорошим уроком.

Держась на почтительном расстоянии, толпа проводила его к флитеру и стояла, задрав головы, наблюдая, как он ведет летательный аппарат над туманом к горам. Добравшись до орлиного гнезда, Дейлт почувствовал реакцию. Войдя в кабинет, плеснул себе трясущимися руками щедрую дозу густого темного лентинианского спиртного, к которому пристрастился в последние сто лет. Обычно разбавлял, а сейчас хлебнул неразбавленным, чувствуя во всем теле приятное жжение.

Сидя в темноте в одиночестве, забросив ноги на письменный стол, вдруг испытал непонятное ощущение. Нет, не от спиртного. Что-то другое, очень неприятное...

Поставил стакан и спустил ноги на пол, заподозрив, в чем дело.

Он был один.

— Пард! — мысленно окликнул Дейлт в ожидании знакомого ответа.

Ответа не последовало.

Партнер исчез.

Пард — отец, сын, жена, мать, ментор, доверенное лицо, спутник, хранитель, сторожевой пес, друг...

Пард пропал.

Внезапное потрясающее сознание одиночества впервые за тысячелетие с слишком перебила мысль, что без Парда он уже не бессмертен. Груз прожитых столетий обрушился на него с сокрушительной силой, и Дейлт понял, что дни его вновь сочтены.

— *Пард!* — завопил он во все горло.

XIX

Миновали три кошмарных дня, в течение которых орлиное гнездо осаждал легион репортеров из разнообразных агентств новостей, выклянчивая интервью. Целитель вернулся, и каждый мечтал раздобыть эксклюзивный материал. Заранее это предвидя, Дейлт нанял охрану, которая близко их не подпускала. Наконец, ему было доложено, что официальный представитель Федерации и местный политик по фамилии Ленда просят аудиенции, ссылаясь на личное знакомство. Можно впустить?

Он кивнул физиономии охранника на видеоскане и выключил монитор. Интересно, чего им понадобилось? Если явились к вернувшемуся Целителю, значит, им не повезло. Без Парда он не обладает особыми психоними силами. Опять стал простым человеком довольно-таки странноватой наружности.

По правде сказать, не имеет значения, чего им надо. Он, как ни странно, нуждается в обществе. Три дня куксится в кабинете без окон, чувствуя непривычную нарастающую тоску по солнечному свету, свежему воздуху, людям.

Дверь кабинета открылась. Вшел Ленда, за ним следом Петрикал. Лицо первого выражало неприкрытое благородное изумление при воспоминании о своем прошлом визите сюда, когда он сидел за письменным столом напротив хозяина — другого мужчины, по крайней мере казавшегося просто другим мужчиной, которого теперь окружает тысячу летняя легенда. Белоснежная прядь на макушке, золотая рука — недостает лишь огненного камня — подчеркивают образ, известный каждому обитателю освоенного космоса. Петрикал молитвенного восторга не испытывал, но держался почтительно, сдержанно.

— Рад вновь видеть вас обоих, джентльмены, — с подчеркнутой сердечностью приветствовал гостей Дейлт, остановив взгляд на Ленде. — Садитесь, пожалуйста.

Визитеры уселись, чувствуя себя неловко в чужом экстравагантном замке. Все молчали.

— Итак? — спросил в конце концов хозяин.

Четыре дня назад ждал бы до бесконечности, наслаждаясь смущающим посетителей долгим молчанием. Теперь сму не терпелось. Минуты снова имели высокую цену.

Петрикал первым обрел дар речи и запнулся, не зная, как обращаться к собеседнику.

— Мистер Мордирак... Целитель...

— Лучше просто Дейлт.

— Мистер Дейлт, — с облегчением улыбнулся адъютант. — Я должен задать вам один вопрос...

от себя, если не от лица человечества. Вы действительно настоящий Целитель?

Он помолчал, обдумывая ответ.

— Это действительно важно?

Петрикал сморшил лоб, а Иосиф Ленда вдруг выпрямился в своем кресле, все вдруг сразу поняв.

— Нет. — Он оглянулся на Петрикала. — По крайней мере, для наших практических целей не важно. Важно, что весь освоенный космос считает его Целителем. Вспомните: мужчина вступил в бой, один против пятидесяти, и разогнал убийц, расстреливавших беззащитных купальщиков. Вдобавок он случайно обладает поразительным сходством с Целителем. Для Детей Целителя этого более чем достаточно. Для меня тоже.

— Каким же образом, скажите на милость... — пробормотал Петрикал.

Хозяин замка остановил его взмахом руки:

— Данная тема не подлежит обсуждению.

Первый адъютант пожал плечами:

— Хорошо. Примем это фантастическое допущение за исходную точку и отсюда будем двигаться дальше.

— Куда?

— Решать исключительно вам, мистер Дейлт, — вставил Ленда.

— Исключительно, — подтвердил Петрикал, беря дело в свои руки. — Не знаю, осведомлены ли вы о событиях трех последних стандартных дней. Центр Федерации бомбардируют запросы из всех уголков освоенного космоса с требованием информации об инциденте на Клатче. Отдельные налеты, которые три дня назад интересовали, да и то недолго, лишь павшие жертвой планеты, мигом превра-

тились в главную тему дня. Почему? Потому что Дети Целителя, группа, издавна считавшаяся бездействующей и представлявшая чисто социологический интерес, благодаря своему происхождению и несметной численности, впервые в истории приобрела колоссальную силу и стала оказывать политическое давление.

Дейлт нахмурился:

— Я даже не знал, что она до сих пор существует.

— Видимо, никогда и не исчезала, просто никто ее не замечал. Как теперь выясняется, Дети Целителя постоянно жили среди нас, держались сами по себе, росли, свято веря, что когда-нибудь в критический момент Целитель вернется и они должны пребывать в постоянной готовности помочь ему всем, чем угодно.

— Я польщен, — буркнул Стивен, — но прошу перейти ближе к делу, пожалуйста.

— Это и есть *дело*, — объявил Ленда. — Люди в Центре Федерации и вокруг него видят в этих нападениях первый признак межзвездного варварства. Сознают реальную угрозу нашей цивилизации, однако, как вам отлично известно, не имеют никакой возможности предотвратить ее. Не находят связующей ниточки между планетами. Тем не менее эта ниточка есть и всегда была, в лице ваших потомков. Дети Целителя образуют инфраструктуру, не имеющую никаких границ. Чтобы побудить их к действию, требовалось лишь знаменательное, если угодно, «знаковое» событие, которое и совершилось на берегу. Целитель обрушился на бандитов-налетчиков, и его приверженцы сразу сочли своим долгом последовать примеру.

— Они бешено рвутся в бой, — подхватил Петрикал, — не имея никакого понятия, куда идти и кого бить. Я направлял многочисленных представителей федерального Министерства обороны с предложениями о сотрудничестве, которые единодушно были отвергнуты.

— Стало быть, остаюсь только я, — констатировал Дейлт.

— Правильно, — вздохнул Петрикал. — Молвите одно слово, и мы превратим беспорядочную толпу в преданную многоцентровую оборонительную армию.

— То есть в пушечное мясо для бластеров.

— Нет. До сих пор пушечным мясом для бластеров служило гражданское население. Убивали простых людей, которых мы сейчас собираемся защитить.

— Почему ж они сами не защищаются? — спросил Стивен.

— Во-первых, потому, что не умеют. Во-вторых, потому, что налеты предпринимаются там, где их, по всеобщему убеждению, «быть не может». Если частота нападений будет и дальше расти современными темпами, подобное убеждение переменится в свое время, но будет уже слишком поздно. Самым серьезным препятствием на пути к организованному сопротивлению остается то, что мы до сих пор не идентифицировали врага.

— На берегу не осталось никаких подсказок?

Петрикал отрицательно покачал головой:

— Никаких. Тела полностью уничтожены. О мордорах известно одно: это человекообразные существа или гуманоиды с углеродным циклом. В их оружии множество незнакомых и непонятных деталей, хотя это, возможно, нарочно задумано, чтоб

ввести в заблуждение. — Он тяжело вздохнул. — Фантастическая транспортная система, неизвестное оружие, самоуничтожающиеся тела... Кто-то сильно старается произвести впечатление, будто в нашей галактике мародерствует некая новая инопланетная раса. Во что я не верю. Пока.

Дейлт заерзal в кресле.

— И чего вы ждете от меня?

— Скажите несколько слов лидерам межпланетной секты Целителя, — ответил Петрикал. — Мы можем доставить их сюда или в Центр Федерации, куда вам будет угодно. Стоит лишь намекнуть, что они увидят Целителя собственной персоной, мигом сами примчатся.

— Чего вы в результате хотите добиться?

— Единства. Может быть, даже пойдем дальше обеспечения координированной обороны. Может быть, снова удастся объединить планеты, слегка примирить разногласия, прийти к некой гармонии.

— И вновь вдохнуть в Федерацию чуточку жизни, — добавил Ленда.

Дейлт на него покосился и бросил с прежней ноткой цинизма:

— А вы станете героем дня...

Он покраснел.

— Если вас останавливают сомнения в моих мотивах, я готов немедленно уйти со сцены.

Стивен вдруг увидел Иосифа Ленду в новом свете. Возможно, неудачник политик действительно обладает задатками государственного деятеля. Два эти типа часто путают, хотя численно первые традиционно превышают последних.

— Не вижу необходимости, — мрачно усмехнулся он.

Судя по виду, Ленда почувствовал облегчение, а Петрикал нахмурился:

— Не слышу в вашем тоне энтузиазма.

Дейлт заколебался в нерешительности. Не хочется слишком круто давать от ворот поворот, только он не собирается ввязываться в очередной конфликт вроде войны землян с тарками, в который подобное предприятие вполне может выльяться в близком будущем. Впереди у него еще много лет — по обычным человеческим меркам, но для человека, привыкшего отсчитывать время столетиями, катастрофически мало. Абсолютно ясно, что, даже если борьба с неизвестным врагом будет вдвое короче войны с тарками, он, несмотря на возвышенные надежды двух нынешних собеседников, успеет внести в нее лишь минимальный вклад. Кроме того, у него есть другие дела. Какие — еще предстоит решить, однако оставшиеся годы принадлежат ему одному. Он намерен безжалостно их использовать, выдоив жизнь до последней капли.

— Я подумаю. И через несколько дней сообщу вам о своем решении.

Ленда стиснул губы, но ничего не сказал. Петрикал покорно кивнул и поднялся.

— Значит, нам остается только ждать.

— Верно, — кивнул Дейлт, вставая. — Охранник вас проводит.

Когда огорченная парочка вышла, он принял расхаживать в угнетающем одиночестве по кабинету в хаотических джунглях мыслей и эмоций, почему-то чувствуя себя виноватым. Это ведь его жизнь, правда? Он вовсе не хотел становиться мессией, ему эту роль навязали. Старался просто сослужить службу людям. Зачем теперь на себя снова взвали-

вать тяжкий груз прошлого, когда впереди невероятно короткое будущее?

Мысли вновь обратились к Парду, в последние три дня они непрестанно к нему возвращались. Стало ясно, что они слишком долго жили духовным tandemом. Внезапный разрыв связи произвел опустошающее воздействие. Без Парда он не чувствует себя цельной личностью. Стивен Дейлт оказался неполноценным, как после ампутации...

Он вдруг разозлился — на себя за душевный разброд и смятение и на что-то еще. На что же?

На то, что уничтожило Парда. Кто-то или что-то отняло у него часть на морском берегу. Душа, вместе с которой он прожил тысячу двести лет в таком полном слиянии, какого никогда не знали две другие души, исчезла. Ощущение злобы было приятным. Стивен его еще немножечко раскочегарил: тот или то, что погубило Парда, должно расплатиться. Подобное злодейство нельзя оставлять безнаказанным.

Он бросился к видеофону, набрал код поста охраны.

— Мои гости уже улетели?

Начальник сообщил, что они у ворот.

— Пусть вернутся.

— Распорядок налетов, — говорил Петрикал, — до сих пор неясен, или они вообще совершаются без заранее утвержденного плана.

В данный момент он был в своей стихии, проводя брифинг для лидеров планетарных сект Детей Целителя.

Дейлт наблюдал за собранием по видеомонитору в апартаментах, отведенных ему в Центре

Федерации. Несколько минут назад он в образе Целителя предстал перед собравшимися, кратко к ним обратившись в благоговейной тишине, воцарившейся в зале с его появлением. Удивительно, что до сих пор никто в нем не усомнился. Разумеется, он идеально похож на миллионы и миллионы голографических изображений Целителя, хранящихся почти в каждом доме по всему освоенному космосу. Но подобного сходства может добиться любой желающий заработать немножечко денег на благородном деле восстановления Федерации. Нет, причина не просто во внешности. Похоже, они в нем почуяли нечто подлинное. Самое главное — им страстно хочется, чтобы он был Целителем. Его возвращение вознаграждает ожидания множества поколений.

Нескольких слов Целителя, подчеркнувших необходимость организованного сопротивления налетчикам и сотрудничества с Федерацией, было вполне достаточно. Дальше настал черед Петрикала.

Разработанный план принципиально прост и, скорей всего, окажется неадекватным. Но это начало. Дети Целителя образуют ядро межпланетной милиции, составляющей постоянный резерв. Как только появится крутящаяся воронка или станет известно о готовящейся атаке, милиция сразу будет уведомлена и мобилизована. Если местные или планетарные власти не выскажут возражений, федеральное Министерство обороны направит своих представителей для обучения тактике. Главное — научить первый отряд, прибывший на место действия, отрезать агрессорам путь к отступлению до прибытия остальных и нанесения решительного контрудара.

Дети Целителя станут солдатами народной милиции — забытое во времена межзвездного конфликта понятие.

К концу дня лидеры секты разъедутся. Потом пойдет игра на выживание.

— Мне только что сообщили о вашем возвращении, — сказал Петрикал, войдя в апартаменты Дейлта. Лицо его выражало одновременно облегчение и досаду. — Вы, конечно, вольны появляться и исчезать по своему усмотрению, но хорошо бы предупреждать кого-нибудь перед отъездом. Девять дней без единого слова... Мы уже забеспокоились.

— Надо было пообщаться с некоторыми источниками информации, — объяснил Дейлт, — причем лично.

— Выяснили что-нибудь?

Он опустился в шезлонг.

— Ничего. Никто близко даже не догадывается, кто или что стоит за налетчиками. У вас какие новости?

— Есть хорошие, есть и не очень, — сообщил Петрикал, оглядываясь в поисках стула. — За последние восемь дней получены известия о четырех налетах. Первые два совершены на планеты, где еще не имеется боеспособной милиции. А третий, — лицо его озарилось улыбкой, — произошел в рекреационном районе на Флинте!

Дейлт расхохотался:

— Ох, все отдал бы, чтоб при этом присутствовать! Как дело было?

Практически каждый житель Флинта — бывшего отколовшегося мира, а ныне независимой планеты — имел оружие и был готов к бою.

— Ну, точных сведений маловато — знаете, на Флинте кругом видят шпионов, — но, судя по сообщениям, агрессоры уничтожены полностью. — Петрикал с угрюмым восхищением покачал головой. — Я всегда считал жителей Флинта немножечко сумасшедшими, только могу поспорить, что они не скоро подвергнутся очередному налету.

— А милиция? — поинтересовался Дейлт. — Заметила что-нибудь?

— Вчера на Алладине, — кивнул Петрикал. — Воронка возникла всего в сотне километров от недавно организованного отряда. Сработали не слишком удачно. Полностью позабыли тактическую подготовку. Конечно, учили их мало, но они как будто бы вообще не учились контратаковать. Даже не подумали перекрыть бандитам путь к отступлению, просто палили как ненормальные. Многие погибли, хотя все-таки удалось отбить нападение.

— Первая кровь, — пробормотал Стивен. — Начало положено.

— Да, — согласился Петрикал, взглянув на спешно вбежавшего в комнату Ленду, но продолжая говорить. — Думаю, с умножением и совершенствованием милицейских отрядов можно будет сдерживать атаки и со временем с ними покончить. Потом обождем и посмотрим, чем неизвестный агрессор ответит на наши контрмеры.

— Уже ответил, — пропыхтел задохнувшийся Ленда. — На Нику только что одновременно совершены четыре атаки в разных местах! Милиция просто не знала, куда бежать... В каждом налете участвовали гораздо более крупные силы, чем прежде. Сообщается о неслыханной бойне. — Иосиф умолк, ожидая реакции, глядя на мрачные лица

своих собеседников. — Впрочем, случилось и кое-что необычное, — продолжал он. — Один из наших направил грузовой флитер в воронку.

Дейлт удрученно качнул головой:

— Видно, в наших рядах тоже имеются самоубийцы.

— Что имеется в виду? — удивился Ленда.

— То, что с другой стороны прохода явно либо очень низкое давление, либо вообще никакого. Воронка возникает из-за разности давления там, где открывается атмосфера. Налетчики носят реактивные двигатели и вакуумные костюмы не только для маскировки. Они их *обязаны* надевать, чтобы выдержать перелет сквозь туннель.

Петрикал согласно кивнул:

— Мы с самого начала об этом догадывались и велели ребятам не приближаться к воронкам. У того дурака, разумеется, кровь закипела, как только он пересек порог.

— С другой стороны, — вставил Ленда, — это свидетельствует о преданности отрядов своей цели. Каждый теперь постарается повторить этот смертельный трюк. Им хочется бить врага на его территории.

— Контратака родной планеты мародеров решила бы много проблем, — задумчиво пробормотал Петрикал, — только где она? Пока мы это не установим, придется просто сдерживать бандитов имеющимися в нашем распоряжении силами. — Он взглянул в другой конец комнаты. — Есть какие-нибудь соображения, мистер Дейлт?

— Да. Парочка очевидных и одно, пожалуй, не столь явное. Во-первых, необходимо решительно запретить людям соваться в воронку. Затем надо создать дополнительные милицейские отряды.

Налеты учащаются. Прежде они совершались случайно, теперь происходят с убийственной регулярностью. Меня это очень пугает. Никто — даже вы оба — до сих пор не понимает значения и зловещего смысла событий.

— Тут я вас опередил, — самодовольно заявил Петрикал. — Перед визитом сюда снова созвал чрезвычайное заседание Верховного Совета, и, полагаю, на сей раз реакция будет другая. Ваши приверженцы на всех планетах жаждут взяться за дело и принимают его по-настоящему близко к сердцу. В результате в Федерацию хлынул неиссякаемый поток заявок о возобновлении членства. Собственно говоря, в данный момент в Центр Федерации направляются многочисленные новые представители.

Для Ленды, который не сводил глаз с Дейлта, это не было новостью.

— А в чем заключается «не столь явное» выражение? — спросил он.

— В беспилотных флитерах с разведывательной и сигнальной аппаратурой, — ответил Дейлт. — Налетчики прибывают к нам через туннель, открывающийся непосредственно в стартовой точке. Почему бы этим против них не воспользоваться? Флитеры оставят за собой в подпространстве непрерывный луч, за которым можно установить наблюдение со всех сторон, вычислив, откуда он исходит.

Петрикал вскочил на ноги:

— Конечно! Снабдим таким кораблем каждый милицийский отряд, пусть во время контратаки его направляют в воронку. Будем их без конца посыпать, пока не засечем позицию. А как только узнаем, где искать убийц... — Он умолк.

Что ж, им придется отвстить за много погубленных жизней.

— Почему бы просто не послать туда армию? — спросил Ленда.

— Потому что неизвестно, куда мы ее пошлем, — объяснил Петрикал. — Никто ничего не знает о входной воронке. Предполагается, что это подпространственный туннель, но точно невозможно сказать. Если так, то вражеская технология безнадежно превосходит нашу. Человек, проникший на ту сторону, что само по себе очень даже сомнительно, вероятно, погибнет, даже не успев оглянуться. Нет. Сначала беспилотные корабли.

— А не лучше ли межпланетную бомбу? — настаивал Ленда.

— Они же запрещены конвенцией! — удивился Дейлт.

Петрикал опустил глаза, глядя в пол.

— Несколько штук осталось. — Он снова посмотрел на собеседника. — Разумеется, спрятаны в глубоких потайных шахтах. Нет, о межпланетной бомбе речи быть не может. Пришлось бы возобновить производство, выпустить множество бомб, по одной на каждую заинтересованную планету, где неопытному персоналу их предстоит заряжать и доставлять на место действия. Неизбежна трагедия чудовищного масштаба. Согласимся с предложением мистера Дейлта.

Визитеры поспешили удалились, оставив довольного хозяина в одиночестве. Приятно, что его идея — *единолично* им сформулированная — с энтузиазмом встречена и принята. В последние столетия он слишком полагался на аналитические рассуждения Парда, выполнявшиеся с компьютерным быстродействием. Замечательно снова рождать

идеи. Грань между собственным разумом и разумом Парда нередко размывалась, трудно было порой угадать, кому принадлежит та или иная мысль.

Как только он подумал о бывшем партнере, в кабинете вдруг почувствовалось присутствие чего-то знакомого, ощутимое присутствие...

— Пард? — окликнул вслух Стивен, но ощущение уже исчезло.

Старые воспоминания, ничего больше.

Пард, думал он, сжав золотые пальцы в кулак у себя перед глазами, что с тобой сделали, старый друг?

XX

Возникло необычайно жуткое ощущение, оглушительное и одновременно мучительно болезненное, после чего все замелькало в сознании Парда с ужасающей скоростью. Позади остался песчаный берег, Клатч, его звезды, потом весь Млечный Путь, все галактики...

Он был оторван от Дейлта. Видел, не имея фоторецепторов, слышал, не имея вибраторных органов чувств, отыне представляя собой чистое свободное сознание, парившее плавно, неосязаемо. Пространственные связи внезапно утратили смысл, он находился повсюду сразу. Вселенная принадлежала ему...

...в самом деле?

Почувствовалось напряжение, сперва легкое, но неуклонно растущее, давящее... волокна мозга растягивались, мысль туманилась, ориентация пропала. Вскоре тяжесть стала невыносимой, бесконечность пространства, разнообразие реально-

сти грозили его сокрушить. Всевозможные миры, формы жизни, необъятная пустота между ними с силой на него наваливались, обещая разом неизбежно лишить рассудка. Надо направить внимание вниз...

...вниз...

...вниз...

Он вновь очутился на морском берегу Клатча. Дейлт распростерта на песке, живой, без сознания. Пард проследил за поспешным бегством мородеров к своей дыре в пространстве. Вопрос об их идентификации до сих пор возбуждал его любопытство, и он решил выяснить, куда они направляются. Почему бы и нет? Дейлт в безопасности, пускай свободно поет и дуется до конца своих дней.

Пард заколебался, охваченный сомнениями. Узы, тысячу двести лет связывавшие их души, разорваны, но другие цепи. Неуютно не чувствовать рядом партнера. Он разозлился на себя за досадную нерешительность и собрался в путь.

— Прощай, Стив, — сказал в заключение Пард неподвижной фигуре, от которой неожиданно отпочковался. — Надеюсь, никаких сожалений.

Мысль его обратилась к закрывавшейся воронке. Словно преображенная куколка, вылезшая из кокона, он покинул тело Дейлта.

В туннеле его встретила мертвая тишина полного вакуума, знакомая двухмерная серость подпространства. Налетчики привели в действие силовые установки, видимо зная, куда летят. Пард последовал за ними.

Резким рывком они все снова выскочили в реальное пространство, почти на такой же берег, как на Клатче. Только тумана не было. Воздух

сухой, чистый в сверкающем солнце, которое Пард грубо отнес к спектральному классу G0. Обнаружилось и еще кое-что: дюны опутаны проволокой, на несколько километров в обе стороны по побережью заставлены разнообразной аппаратурой; дальше велась сборка новых механизмов.

Пард переключил внимание на обитателей на берегу. Приземлившись, уцелевшие мародеры мужского и женского пола сбросили вакуумные костюмы и принялись отвешивать поклоны горному массиву за морским горизонтом.

Это были определенно не люди и не представители какой-либо попадавшейся на глаза Парду расы. Они осмелился расширить восприятие, определяя свое положение относительно освоенного космоса. Результат вышел ошеломляющий.

Он находился в дальней ветке Млечного Пути, куда люди не залетали даже в самых глубоких исследовательских экспедициях, в шестидесяти тысячах световых лет от границ освоенного космоса. Тем не менее агрессоры преодолевают немыслимое расстояние простым реактивным прыжком в подпространстве. Способность искривлять пространство до такой очевидно невозможной степени, с исключительной точностью попадая из одной атмосферы в другую, свидетельствует об устрашающем уровне технологического развития.

Он снова сосредоточился на картине внизу, изучая мир этих существ. Гуманоиды с существенными и несущественными отличиями, дышащие кислородом. Среди несущественных отличий — отсутствие носа, который заменяет одно овальное вертикальное обонятельное отверстие. Среди существенных — по два дополнительных отростка в обе-

их подмышечных впадинах. Органы, несомненно,rudиментарные, изнутри прикрепляются связками, снабжены ничтожным количеством атрофированных мышц. У представителей обоих полов — еще одна небольшая особенность заключается в расположении мужских половых желез в тазу — никчесмные отростки раскрашены и уизаны драгоценностями.

Понаблюдав в течение нескольких местных дней за малочисленным населением, напоминающим пчелиный рой в ульях, Пард пришел к заключению, что раса с виду выглядит мирной и благополучной. Ее представители смеются и плачут, любят и ненавидят, дерутся, мошенничают, крадут, продают, покупают, производят и потребляют. Дети играют, молодежь влюбляется, ухаживает, в свое время женится — раса строго моногамная, — рожает детей, растит их, заботится, а они в свою очередь заботятся о постаревших родителях.

Явно добрый народ. Зачем же им пересекать всю галактику, уничтожая и калеча другой народ, который даже не ведает об их существовании?

Пард занялся исследованием, внимательно осматривая один мир за другим. Культура ему показалась угнетающе однообразной, несмотря на факт ее распространения на территории, превышающей территорию Федерации вместе со старой Тарканской империей. Он наткнулся на остатки других трех разумных рас, с которыми местные обитатели поддерживали контакты. Эти расы не были ассимилированы, не были покорены, не были порабощены. Они были уничтожены. Генетические следы до последнего стерты. Пард ужаснулся необъяснимой расовой ненависти этих существ и принялся искать причину.

Одной из самых прочных культурных традиций было повсюду присутствующее изображение представителя их собственной расы. Голографический портрет имелся в каждом отделении каждого улья, а в традиционном углу главного помещения высился крупный бюст. Из стен построек выступали гигантские рельефы, резные головы нависали над перекрестками больших дорог. В виде лица оформлены порталы храмов, где в течение пятой части каждого дня проводилось почитительное богослужение. Верующие входили в храм через рот.

Видно, именно там, в храмах, кроется разгадка загадочной злобной жестокости здешнего народа. Ритуалы запутанные, непонятные, но явственно провозглашают: «Мы — избранные. От всех прочих Богиня отвращает взгляд».

Пард снова расширил восприятие, сосредоточился на материнском мире, служившем портом отправления и прибытия, на планете, откуда начинались атаки. Отметил, что на берегу скопилось гораздо больше вооруженных отрядов, расположившихся десятком бивуаков.

Планируют не один налет, гадал он, или один массированный? Сообразил, что полностью утрастил счет времени, и устремился мыслями к Стиву. Все ли с ним в порядке, не погиб ли в очередной схватке? В высшей степени невероятно, однако существует и такая возможность.

Пард разрывался между желанием обследовать почитаемую гору за морем и проведать Дейлта. Первое диктовалось чистым любопытством, второе быстро превратилось в неудержимый порыв.

Будь у него легкие и голосовые связки, он вздохнул бы, охватывая сознанием весь Млечный

Путь и предоставляя особому родственному инстинкту привести себя к Стивену Дейлту, сидевшему в одиночестве в маленькой комнате в Центре Федерации.

Несколько секунд он смотрел на него, находившегося, по всей видимости, в добром здравии и расположении духа. Потом Дейлт вдруг выпрямился и воскликнул:

— Пард?

Бывший партнер каким-то образом почуял его присутствие, и он понял, что пора вновь расстаться.

Вернувшись в чужой материнский мир, Пард сосредоточился на другой своей цели — на острове. Моментально выяснилось, что это не естественное образование, а искусственный участок земли на хребте, выступающем из океанского дна. Остров представлял собой цельный гигантский храм-крепость в виде лика богини здешнего народа, как ему теперь было известно. Черты лица складывались из архитектурных деталей. Циклическое достижение инженерий.

Он мысленно плавно снизился, описывая широкую дугу, оглядывая высоченные коридоры с охраной, вооруженной луками и стрелами — в диком контрасте с войсками на берегу. В коридорах запечатлялась история расы и ее главной богини. Пард в мгновение ока полностью ознакомился с прошлым богини, понял, что она имеет против человечества и что ему готовит. Он ее знает. Даже придумал ей имя. Они встречались... тысячи раз.

Он нырнул в глубь постройки, двигаясь вдоль рядов мощных силовых барьеров, объясняющих

примитивное вооружение стражников. Вновь поднявшись на уровень моря, очутился в тесном лабиринте, решив посмотреть, куда он приведет.

В конце концов отыскал ее в самом центре сооружения, в крошечном помещении в конце лабиринта.

Тело белое, гучное, почти не совершающее целенаправленных движений. Сама, впрочем, чистая и ухоженная — усилиями небольшой армии слуг. Старая, почти такая же старая, как само человечество.

Генетическое вмешательство в сознание на клеточном уровне, точно такое, какое использовал Пард в теле Стива, веками поддерживает в ней физическую жизнь и деятельность. Но, в отличие от Дейлта с Пардом, у богини всего один разум, хоть и необычайно могучий, обладающий гигантской психонической силой, благодаря чему она властвует над своей расой на протяжении почти всего ее существования, ставя перед ней цели, внушая стремления и надежды, пока полностью не подчинила своей воле.

К сожалению, три тысячи лет назад богиня превратилась в полную психопатку.

Она ненавидела и боялась всего, что могло поставить под вопрос ее божественное превосходство. Из-за этого и погибли три другие расы. Не доверяла даже собственным почитателям, заставив перенести свой древний храм в море и приказав, чтоб охрана носила костюмы и оружие времен ее юности.

Парда потрясли масштабы открывшейся перед ним трагедии. Некогда красочная, разнообразная раса под совместным влиянием навязанной пси-

онической силой религии и философии расового превосходства стала роем покорных личинок, чья жизнь и культура сосредоточены вокруг богини-царицы. Любой независимый ум, родившийся в народе, ликвидируется при первом же проявлении неортодоксальных тенденций. Логика очевидна: воля богини, божественная по природе, выше закона; сомнение — ересь; непослушание — богохульство. В результате возник извращенный вариант естественного отбора на интеллектуальном уровне. Покорные души, согласные с ортодоксией, живут и процветают, а мыслящие и пытливые личности, бунтари, иконоборцы, скептики становятся вымирающим видом.

Вдруг богиня подняла голову и открыла глаза. В памяти Парда мелькнула строка о «слепом и безжалостном солнечном взгляде». Она почуяла, что он за ней наблюдает. Благодаря своей психике, ощутила присутствие, каким бы оно ни было неощутимым.

И мысленно рявкнула, злобно, яростно, бешено, приблизительно с таким смыслом:

— Снова ты! Я надеялась, что тебя уничтожила!

Наслаждаясь ее бессильным гневом, Пард пожалел, что не может расхохотаться на весь храм, доведя богиню до истинной паранойи. Пришлось довольствоваться тем, что она судорожно задергалась, стараясь обнаружить его местонахождение.

Его восприятие начало постепенно расширяться. Вскоре он оказался одновременно вне и внутри храма, попробовал вновь сконцентрироваться внизу и не смог. Кругозор с нарастающей скоростью становился все шире и шире, охватывая уже всю планету...

Впервые с той минуты, как он осознал себя в мозгу Дейлта, Пард испытывал страх. Он утратил контроль. Сознание быстро расширился и достигнет почти бесконечных пределов, как уже было в тот миг, когда его оторвали от тела Стива — навсегда. Безусловно, это означает конец. Сознание никогда к этому не приспособится, разум его покинет. Он закончит существование, превратившись в безрассудную жизненную силу, кочующую в вечности. Давно возникла теория, согласно которой сознания без материальной основы не существует. Он доказал, что такое возможно, однако ненадолго. Надо искать другую основу. Пард безнадежно пытался проникнуть в ту или иную душу подданных богини, но все они были перед ним закрыты. С низшими формами жизни тоже ничего не вышло.

Все души перед ним закрыты... кроме одной, может быть.

Пард направился к дому.

XXI

Дейлт внезапно проснулся, рывком сел в постели.

— Привет, Стив.

На него сумбурным потоком нахлынули противоречивые чувства: радость и облегчение оттого, что Пард жив, вернувшееся ощущение цельности, раздражение, что он снова явился как ни в чем не бывало. Впрочем, Стивен подавил эмоции и поинтересовался:

— В чем дело? Где ты пропадал?

Пард дал краткий, но полный отчет, визуальный, словесный и толковательный, возможный

лишь при непосредственной умственной связи. После чего Дейлту почти казалось, будто он никогда и не исчезал. Хотя появились новые легкие тонкости.

— Ты соображаешь, что назвал меня Стивом? Лет сто уже не обращался ко мне по имени.

— Теперь ты больше похож на старого Стива.

— И правда. Порой бессмертие кажется тяжкой ношей, но временно встретиться с альтернативой еще тяжелее.

— Знаю, — подтвердил Пард, помня охватившую его панику, прежде чем удалось безопасно укрыться в сознании Дейлта.

Теперь они связаны навсегда.

— Вернемся к насущной проблеме, — вслух сказал Стивен. — Теперь нам с тобой известно, кто стоит за налетами. Меня в первую очередь интересует, почему атаки направлены именно на нас. То есть если ей хочется рассыпать повсюду отряды убийц, нашлись бы, конечно, народы поближе чем за шестьдесят тысяч световых лет.

— Не знаю. Может быть, человеческое сознание особенно перед ней уязвимо. Кто способен понять сумасшедшую? У нее жуткая паранойя в сочетании с ксенофобией и манией величия плюс все вытекающие отсюда последствия. Стив, эта тварь действительно верит, будто она богиня! Нисколько не притворяется. И для своего народа она в самом деле божественна.

— Поистине жаль атеиста в подобной культуре.

— Их просто не существует! Откуда им взяться? Говоря о своем божестве, ее подданные имеют в виду не абстрактное, не эфемерное понятие. Их богиня живет во плоти! Всегда рядом с ними. Способна поддерживать постоянный контакт с

народом, не отдавая руководящие указания, а лишь намекая на свое присутствие. Никто больше не обладает такими возможностями, как у нее. Она не умирает! Была при них, когда они сидели на планете, была при них, когда впервые вышли в космос, возглавляла их на протяжении всей письменной истории. Это не так просто отвергнуть.

— Ладно, пусть она для них богиня, но как ей удалось превратить целую расу в орду одержимых убийц? Для этого необходимо установить какой-то контроль над сознанием.

— Мне ясно, что ты не видишь значения религии в исторической перспективе. В истории человечества вражда не раз возникала во имя якобы милосердных богов, существующих только в книгах и традициях. Богиня, о которой мы говорим, представляет не просто движущую силу культуры, а саму культуру. Верующие нападают и убивают по ее божественной воле.

Дейлт вздохнул:

— Видно, мы в самом деле уперлись в глухую стену. Собирались послать зонды в воронки на поиски звездной системы, откуда совершаются нападения, и нанести ответный удар. Теперь это не имеет смысла. Для человека шестьдесят тысяч световых лет — невообразимое расстояние. Если б хоть как-нибудь можно было до нее добраться, впрыснули бы хорошую концентрированную дозу кошмаров из белой горячки. Немножко встряхнулась бы.

— Боюсь, что нет, Стив. Видишь ли, это она насыпает белую горячку.

Дейлт посидел в потрясенном молчании. Потом приютил:

— Ты всегда намекал, что горячка — не просто психическое расстройство...

— Согласись, я редко ошибаюсь.

— Правда редко, — сухо признал он. — И зачастую это невыносимо. Но я снова спрошу: зачем ей это нужно?

— Как я уже говорил, видимо, человеческое сознание чрезвычайно чувствительно к ее силе. Она способна пересечь галактику и коснуться любого. Думаю, так и делает на протяжении многих столетий. Сначала, наверно, производила лишь смутное впечатление. Возможно, давно исследовала нашу ветку галактики и поселяла в плодородном сознании образ, из которого в Древней Индии вырос смертоносный культ Кали, на редкость похожей на нашу недоброжелательницу. Поэтому я для удобства так и предлагаю ее называть, тем более что на настоящем имени язык сломаешь — полный набор согласных.

— Что стало с культом Кали?

— Он умер. Может быть, она вернулась, вновь сосредоточившись на собственном народе, который примерно к тому времени вышел в космос, и, естественно, перед ним вскоре была поставлена задача уничтожения каждой встретившейся по дороге расы. Опустошив ближнее пространство и наткнувшись на пропасть, она вновь о нас вспомнила. Со времен последнего контакта силы ее выросли, и, хотя она до сих пор не способна контролировать человеческий разум, нашла возможность затопить его таким страхом, что человек полностью отключается от реальности.

— Иными словами, заболевает белой горячкой.

— Верно. Это она и проделывала в ожидании, пока ее народ найдет способ преодоления бездны

меж двумя расами. И он сго нашел. Аппаратура занимает территорию небольшого городка и активизируется психонически. Остальное ты знаешь.

— Угу, — буркнул Дейлт. — А еще знаю, что будет дальше. Она с нами играет, да? Пугает, страшает и дразнит, пока мы сами не накинемся друг на друга. Унижение, деморализация — грязное оружие...

— Боюсь, не в том ее конечная цель. Со временем она кончит игру и попросту нас уничтожит. Причем с большой легкостью! Достаточно только открыть воронку, бросить планетарную бомбу с коротким запалом, закрыть и обождать взрыва.

— За два стандартных дня, — прощептал ошеломленный Дейлт, — погибнет каждая обитаемая планета в освоенном космосе!

— Может быть, даже быстрее. Впрочем, у нас еще есть время. Она не торопится. Возможно, на пару столетий оттягивается, прежде чем нанести последний удар. — Пард умолк недолго, а потом продолжил: — Кстати, вот что я вспомнил: на берегу собирались внушительные вооруженные силы. Если она действительно хочет предпринять деморализующую атаку...

— Неужели на Центр Федерации?

— Можно ли выбрать лучшую цель в момент практического возрождения межпланетного союза?

— Невозможно, — задумчиво подтвердил Дейлт. Не слишком приятно представить себе одержимых инопланетных захватчиков, мечущихся по улицам. — Должен быть способ противодействия.

— Безусловно. Мы о нем просто еще не думали. Пусть он тебе приснится.

— Неплохая идея. Увидимся утром.

Утром явился Ленда с известием, что разведывательные флитеры оснащены и готовы к отправке, предложив Дейлту пойти посмотреть. Не желая его огорчать сообщением, что это пустой номер, и не имея лучшего выбора, он согласился отправиться вместе с ним.

Прибыв в ангар на крыше невысокого здания федерального комплекса, увидел пять беспилотных летательных аппаратов на старте и шестой, завершивший подготовку к полету. Стандартные с виду модели, только снабженные вмонтированными в корпус устройствами, собирающими информацию.

— Кажется, приборы герметизированы от повышенного давления, — заметил Дейлт.

— Для некоторых сенсоров это необходимо, — кивнул Ленда.

— Знаю, о чем ты думаешь, — заявил Пард.

— Расскажи.

— Хочешь поставить на флитеры бластерные пушки и атаковать остров Кали, не так ли? Забудь! В храме столько силовых барьеров, что бластерная пушка даже теплом на нее не повеет, если к ней удастся подобраться. А к ней не подберешься. Стражи в клочья тебя искромсают.

— Должен быть обходной путь.

— Попросите Петрикала здесь со мной встретиться, — обратился Дейлт к Ленде. — Мне надо быстренько отлучиться по срочному делу, но я скоро вернусь.

Ленда удивленно смотрел ему вслед.

Он направился на улицу.

— Спрячь меня под Мордирака. Не хочется, чтоб толпа собралась.

— Сделано. Объясни теперь, куда мы.

— Недалеко.

Дейлт вышел, шагнув на мостовую бегущую дорожку. На улицах было полно народу. Новые представители прибывали со всем своим штабом и семьями, неиссякающие потоки туристов жаждали посмотреть на первый Верховный Совет новой Федерации. Лента транспортера несла его несколько минут, потом он сошел с нее перед лавкой без окон с единственной простой, написанной от руки вывеской на дверях: ОРУЖИЕ.

Шагнув сквозь фильтрующее поле в дверной створке, оказался перед впечатляющей россыпью смертоносных инструментов, сверкавших на стойках и в ящиках, гладких, лоснящихся, зловещих, прекрасных, убийственных.

— Чем могу служить, сэр? — спросил маленький человечек с прищуренными глазами.

— Где у вас отнестрельное оружие?

— Ах! — воскликнул он, потирая руки. — Спортивное, коллекционное?

— То и другое.

— Сюда пожалуйте. — Он повел их в конец магазина, зашел за прилавок. — Итак, что вас интересует? Ружья? Полуавтоматы? Пистолеты? Автоматы?

— Последние. Два в одном.

— Простите, не совсем понял...

— Мне нужен автоматический пистолет, — сухо объяснил Дейлт. — Двустранный.

— Боюсь, у нас только одна такая модель.

— Знаю. «Айбизан».

Мужчина кивнул, полез под прилавок, вытащил блестящий черный футляр, поставил перед покупателем и открыл.

Дейлт быстро осмотрел оружие.

— Годится. У вас есть обоймы, которые носят на поясе?

— Разумеется.

— Теперь вот что. Я хочу, чтобы вы отнесли его в мастерскую и спилили стволы, — он провел пальцем линию, — вот досюда.

— Вы, должно быть, шутите, сэр! — воскликнул человечек с неприкрытым изумлением, вытащив обыкновенно прищуренные глаза. Но по выражению лица странного покупателя понял, что тот даже не собирался шутить. И виновато промямлил: — К сожалению, я вынужден проверить вашу кредитку, прежде чем портить такое прекрасное оружие.

Дейлт выудил тоненький диск из сплава, протянул оружейнику. Тот сунул его в щель в прилавке — в голограммическом ящице рядом появилось изображение Мордирака и номер 1. В любой точке освоенного космоса мистер Мордирак пользовался кредитом первого класса.

Мужчина со вздохом вернул диск, вынул из футляра оружие, понес в отгороженную мастерскую.

— Твои познания в оружии впечатляют.

— Память об охотничьих временах. Не забыл?

— Помню, что я этого не одобрял.

— Ну, огнестрельное оружие по-прежнему пользуется спросом среди «спортсменов», которые, не ощущая от лучевого отдачи, не чувствуют себя мужчинами.

— Зачем тебе тот самый «айбизан»?

— Увидишь.

Явился оружейник со спиленным пистолетом.

— Думаю, у вас имеется тир, — сказал Дейлт.

— Да. Внизу.

— Хорошо. Зарядите, испробуем.

Мужчина, поморщившись, выполнил требование.

Тир был прекрасно оборудован сложными движущимися мишенями в виде скачущих оленей Камедона. Встроенные внутри сенсоры демонстрировали результаты стрельбы на светившемся на линии огня экране: «промах», «убит», «ранен» и прочие варианты.

Линия огня опустела. Дейлт нацепил на грудь обойму, заправил ленту в патронник, щелкнул предохранителем, поднял оружие к груди, опустив вниз стволами, и начал прохаживаться.

— Левый, — объявил он и выстрелил.

«Айбизан» дернулся у него в руке, глушители смягчили пушечный грохот, но вспышка имела в длину добрых двадцать сантиметров, и прыгавшую мишень разорвало пополам.

— Правый, — едва слышно прозвучало следующее объявление, завершившееся тем же самым результатом.

Вновь раздался щелчок.

— Автомат.

Неумолкающий рев двух поочередно паливших стволов до предела исчерпал возможности глушителей, а когда прекратился, от всех мишеней остались сплошные клочки. Экран индикатора сплошь залился красным светом и недоумению погас.

— На кого вы будете охотиться с этим оружием? — полюбопытствовал маленький оружейник, переводя взгляд с Дейлта на «айбизан» и на расстрелянные в пух и прах мишени.

На ум пришел самонадеянный, но непреодолимый ответ:

— На богов.

— Вы зачем-то хотели меня видеть? — спросил Петрикал.

— Да. У меня есть весьма надежные основания верить — не спрашивайте почему, — что следующий налет будет крупным и, кроме того, направленным непосредственно против Центра Федерации. Я хочу, чтобы вы оборудовали вот эти фильтры мощными бластерами и в пять из них посадили своих самых метких стрелков. Шестой возьму я.

На лице Петрикала возникло изумленное выражение.

— Что вы задумали?

— Войти в открывшийся проход, — объяснил Дейлт. — Возможно, удастся покончить с атаками раз навсегда.

Изумленное выражение мгновенно сменилось суровым.

— Ох, нет, ни в коем случае! Такой человек, как вы, не имеет права рисковать, пускаясь в самоубийственную авантюру!

— К сожалению, только я способен принять необходимые меры, — оборвал его Дейлт, испепеляя взглядом, — а потом уж будете указывать, что мне делать, а чего не делать.

Но Петрикал слишком часто участвовал в словесных баталиях в Верховном Совете, чтобы даже Целитель легко его переупрямил.

— Я сейчас укажу, что *сам* сделаю. Совершенно не собираюсь содействовать вашему самоубийству.

— Мистер Петрикал, — тихо проговорил Дейлт, — вы хотите, чтобы я приготовил свой собственный фильтр и полетел один?

Первый адъютант быстро открыл рот для ответа и быстро закрыл. Понял, что его обыграли. В ту же

секунду, как станет известно, что он предоставил Целителю воевать с врагом в одиночку, без всякой поддержки со стороны федеральных вооруженных сил, новый Верховный Совет, собирающийся на чрезвычайное заседание, обрушит ему на голову стены.

— Но ведь вы сами высказали идею о кораблях-разведчиках...

— Судя по новым сведениям, поздно пускаться в разведку. Прорыв — единственное решенис.

— Тогда позвольте отправить более крупные силы.

— Нет, — тряхнул Дейлт головой. — Если не справятся эти шесть флитеров, то и шестьсот не справятся.

— Хорошо, — безнадежно вздохнул Петрикал. — Сейчас направлю сюда оружейников, техников и начну отбирать добровольцев.

Дейлт от души улыбнулся:

— Спасибо. И не тяните — возможно, у нас не так много времени. Да, установите в ангаре сигнальную систему, чтобы мы сразу узнали об открывающейся воронке. До начала атаки пусть никто ни на шаг не отходит от флитеров. Я кратко проинформирую ваших людей, чего следует ждать и что делать.

Адъютант неохотно кивнул.

— Почему ты со мной ни разу не посоветовался? — возмущенно спросил Пард, когда они вернулись к себе.

— Потому, что ответ мне известен.

— Конечно. Сплошное безумие, в котором я не намерен участвовать.

— У тебя нет особого выбора.

— Одумайся!

— Пард, мы должны это сделать.

— Зачем? — Голос, звучавший в мозгу, рассердился. — Ради воскрешения твоей легенды?

— В определенном смысле да. Только мы с тобой способны победить исприятельницу.

— Ты в этом уверен?

— А ты?

Пард не ответил, и Дейлта внезапно по коже мороз прохватил.

— Отвечай мне — ты боишься Кали?

— Да.

— Почему? Ты побеждал ее на каждом шагу, когда мы боролись с белой горячкой.

— То было другое дело. Тогда мы с ней прямо не сталкивались. Просто уничтожали последствия ее влияния, как бы остаточное эхо. В непосредственный контакт вступили единственный раз... на берегу на Клатче. Тебе хорошо известно, чем это кончилось.

— Угу, — медленно протянул Дейлт. — Мы были оторваны друг от друга.

— Вот именно. Она обладает неимоверной психой. Всю свою жизнь посвятила ее накоплению, ибо эта сила гарантирует ей господство над расой. По моим оценкам, она опережает нас на четыре тысячи лет. Никакая оборона вокруг храма — силовые барьеры, охранники в смехотворных нарядах с древним оружием — не выстоит против единственного наемника с современным уставным вооружением. Весь этот маскарад — сплошная паранойя. Подлинной оборонительной системой храма служит ее сознание. Она способна психологически отпугнуть любое разумное существо в своей звезд-

ной системе, представляющее угрозу. Даже если бы автоматический дредноут Федерации превратил в пепел ее планету — к которой мы и на полгалактики подобраться не можем, — сама она практически исчезла. — Пард помолчал, ожидая задуманного эффекта, потом продолжил: — По-прежнему собираешься в бой?

Дейлт нерешительно поколебался, однако недолго.

— Да.

— Это безумие! — взорвался Пард. — Чистое, дикое, абсолютное сумасшествие! Я всегда понимал твои доводы, но сейчас ты полностью заблуждаешься. Неужели тобой движут какие-то расовые соображения? Считаешь себя обязанным биться ради человечества? Это благородный жест или что?

— Не знаю, по правде сказать.

— Вот именно, не знаешь. Ты своей расе ничем не обязан! Дал ей гораздо больше, чем она тебе. Думай прежде всего о себе. Пожертвовать своей — *нашей* — жизнью, чтобы совершить бессмысленный подвиг!

— Не бессмысленный. А если нам повезет, мы ничем не пожертвуем.

— На победу у нас приблизительно столько же шансов, как на разведение цветов на нейтронной звезде. Я тебе запрещаю!

— Это невозможно. Ты должен это сделать.

— Кому должен?

— Мне. Это моя жизнь, мое тело. Правда, ты его укрепил, развил, усовершенствовал, но сам тоже воспользовался положительными результатами. Жизнь осталась моей, ты ее разделяешь. Прошу это учитывать.

Пард долго не давал ответа.

— Ну ладно. Отправимся. — Тон решительно раздраженный. — Только не будем строить долгосрочных планов.

Флитеты оснастили оружием, Дейлт кратко проинструктировал добровольцев, совершились пробные взлеты, и вся команда приступила к тревожному дежурству.

— *Думаешь, долго придется ждать?* — спросил Стивен.

— *Сомневаюсь. Приверженцы Кали собирались в дорогу на моих глазах.*

— *Ну что ж, по крайней мере, удастся поспать. Если в налетах и есть что-то общее, так это то, что они происходят в дневные часы.*

— *На этот раз, может быть, будет иначе. Если я верно догадываюсь, что удар нацелен на Центр Федерации, вполне вероятна и другая тактика. Скажем, направить какое-нибудь устройство для уничтожения федерального комплекса...*

Дейлт тихонько застонал.

— *Это был бы почти смертельный удар...*

— *Ерунда! Федерация — не просто несколько построек, а идея, концепция...*

— *А также организация, которая нам нынче в первую очередь необходима. В настоящий момент вокруг Верховного Совета формируется ядро новой Федерации. Уничтожь его — и организованное сопротивление мигом провалится.*

— *Может быть, не провалится.*

— *Приверженцы Кали чистосердечно объединяются вокруг своей богини. А у нас кто есть?*

— *Целитель, конечно.*

— Если будет уничтожена Федерация, то и Цели-тель тоже. — Дейлт взглянул на сигнальное устройство с готовыми вспыхнуть мигалками и сиренами. — Надеюсь, оно сработает вовремя, чтоб мы успели войти в воронку.

— Сработает, потому что ты его включишь.

— То есть?

— Туннель открывается и управляетси психонной силой Кали, помнишь? Если где-нибудь вокруг Центра Федерации проявится пси-сила такого масштаба, я сразу замечу.

— А, — вслух буркнул Дейлт. — Ну тогда будем надеяться на скорые события. Ожидание на нервы действует.

— Я был бы очень рад, если бы вообще ничего не случилось.

— Это мы уже проходили!

— Прошу прощения, сэр? — вставил солдат, проходивший в пределах слышимости.

— В чем дело? — спросил он.

Солдат смущился:

— Я думал, вы ко мне обращаетесь.

— А? Ох, нет, — пробормотал Стивен. — Просто вслух размышлял.

— Да, сэр, — кивнул солдат и двинулся дальше.

— Он тебя принимает за ненормального, — подколол его Пард. — И я тоже, хотя совсем по другим причинам.

— Угомонись и дай мне поспать.

Ожидание оказалось недолгим. На второй день перед рассветом Дейлт вдруг сильно насторожился, напрягся всей трепещущей симпатической нервной системой.

— Звони, — неохотно буркнул Пард. — Они рядом.

— Где?

— Приблизительно в двух километрах. Я сейчас провожу вас на место.

Наматывая на бегу вокруг пояса обойму для «ай-бизана», Дейлт нажал кнопку тревоги, и двадцать снайперов воспрянули от сна, готовые к бою.

К нему полсочил дежурный сержант:

— Куда лететь?

Стивен сдержал раздраженное пожатие плеч.

— За мной.

Под вой сирены крыша ангары открылась. Не прошло и минуты, как шесть вооруженных герметизированных флитеров взмыли в воздух. Поднявшись над федеральным комплексом, Пард принял ся отдавать руководящие указания.

— Давай теперь вниз, опускайся левее вон той перевернутой пирамиды.

— Неужели они там? — воскликнул Дейлт.

— Да. В самом сердце комплекса.

— Как же им удается добиться такой точности за десятки тысяч световых лет?..

— Не им, а ей. Кали открывает проход.

Флитеры с выключенными ходовыми огнями нырнули между двумя зданиями с гладкими стенами, опустились, держась всего в нескольких метрах над тротуаром.

— В дальнем конце переулка, — подсказал Пард.

Дейлт кивнул с угрюмым уважением:

— Точность снайперская.

— И в стратегическом плане блистательно. Здесь практически негде предпринять маневр против них. Я тебя предупреждал, она грозный противник. По-прежнему собираешься драться?

Очень хотелось найти бесшабашно отважный ответ, но ничего на ум не пришло. Вместо этого Стивен включил поисковый фонарь на носу флитера, который осветил леденящую сердце картину: налетчики сыпались из своей дыры в пространстве, как разъяренные пчелы из летка улья.

Как только флитеры оказались прямо на линии огня, Дейлт дал полный ход, ринулся на пересечение с надвигающейся ордой и врезался в нее. Сбитые налетчики падали, шарахались в стороны, разворачивались, отступали. Оглянувшись, он заметил, что летевшие позади корабли открыли ответный огонь вслед бегущим...

Потом все вокруг стало серым, бесцветным, плоским, молчаливым на пути сквозь воронку в подпространство. Лишившись горизонта в безликой пустоте, он испытал краткий приступ головокружения, но умудрился твердо держать курс мимо изумленных, бешено жестикулировавших захватчиков, направлявшихся к Центру Федерации.

— Еще чуточку продержись, и мы будем у цели.

Не успел Пард произнести ободряющие слова, как корабль вылетел на солнечный свет, сбив при этом очередных мародеров. Дейлт, не оглядываясь, набрал полную скорость и рванул по долготе к морю.

— Видишь остров?

— Прямо впереди.

— Правильно. Давай дальше.

— Надеюсь только, сержант перед вылетом не забыл сообщить Петрикалу о месте высадки десанта.

— Не беспокойся. Сержант человек опытный. Нас ждут проблемы посерьезней.

Выпорхнули остальные флитеры, словито занявшись уничтожением калийских военных лагерей на берегу. Перед ними стояла задача пресечь налет на Центр Федерации и предупредить контратаку на Дейлта, летевшего к острову.

— Поворачивай к южному берегу, — подсказал Пард.

— Где тут юг?

— Слева.

Они уже подлетели так близко, что можно было разглядеть крупные детали храма-крепости.

— Где садиться?

— Нигде. Пока, по крайней мере. Видишь вон там большой открытый проем? Залетай прямо туда.

— С виду не очень большой.

— Раз в воронку попал, и туда попадешь.

У входа в храм их поджидали охранники, вскинув луки со стрелами, с копьями на изготовку.

— Сбрось-ка скорость, стрельни в них из бластера, — распорядился Пард.

Дейлт счел распоряжение слишком жестоким.

— Я мимо них легко пролечу. Они вооружены всего-навсего заостренными палками.

— Я тебе об этом напомню, когда они на нас сзади кинутся и проткнут нассквозь твое тело, как кусок мяса вилкой. Сострадание тебе мозги затуманило. Забыл купальщиков на Клатче? Маленького мальчика?

— Хватит!

Он до отказа наполнил легкие воздухом, нажал на панели управления кнопку, пускавшую в ход заново установленные орудия. Бластеры зажужжали, но стража осталась целой и невредимой.

— В чем дело?

— Ни в чем, кроме того, что силовой заслон оказался мощнее, чем я ожидал. Может быть, мы и до Кали не доберемся.

— Ох, обязательно доберемся.

Стивен вновь до предельной скорости разогнал корабль, опустив киль на полметра над каменными ступенями. Копья и стрелы бессильно застучали по корпусу и закрытой кабине, однако охранники не разбегались, пока флитер чуть уже не налетел на них. Только тогда они рассыпали строй, быстро метнулись в стороны, почти все уцелели. Выхлопная струя мчавшегося корабля разметала запоздавших.

Дальше простиравась темнота. Пард своевременно подсуетился, зрачки Дейлта мгновенно расширились до последней возможности, в едва освещенном проходе вдруг стали видны детали. По обеим сторонам мелькали размытые исторические фрески, которые Пард рассматривал в прошлый раз. Впереди коридор сужался в низкий тесный сводчатый туннель.

— Туда, по-моему, не влететь, — проворчал Дейлт.

— По-моему, тоже. Хотя можно забаррикадировать, чтобы нас не преследовали.

— Я и сам об этом подумал.

Он резко сбросил скорость, плавно ведя флитер к туннелю, пока корпус не заскрежетал боками по камню.

— Годится.

Боковой шлюз плотно притерся к опоре арки, поэтому Стивен выровнял давление, опустив переднее ветровое стекло. В кабину просочился холодный сырой туманный воздух с привкусом соли и плесени.

Он вставил в «айбизан» со сплющенными стволами первую обойму, вылез на нос. Спрятавшись на землю, услышал, как рядом по корпусу что-то звякнуло, через секунду почуял удар и жестокую боль в спине справа. Развернулся на каблуках — над головой снова свистнуло, — переключил «айбизан» на автоматическую стрельбу, выпустил в арку короткую очередь.

Четыре калийца в проходе справа завертелись, свалились под яростным огнем и замерли.

— Что там в меня попало?

Боль в спине стихла.

— Стрела. Скользнула по восьмому ребру справа и застряла в межреберной мышце. Не самый лучший выстрел — стрела вошла под углом и не пробила плевру. Я поставил там сенсорный блок.

— Хорошо. Куда теперь?

— Вон туда заходи. Поскорей!

Когда Дейлт шагнул через порог в маленькое помещение, вторая стрела поразила его в левое бедро. Он снова привел в действие «айбизан», всером поливая каморку. Несколько срикошетивших пуль попали ему в грудь, но большинство сразило семерых калийцев, залегших в засаде.

— Не задерживайся! — настойчиво подстегнул его Пард.

Более или менее удалось перейти на бег, хотя левая нога немножко прихрамывала из-за торчавшей стрелы, механически затруднившей работу мышцы. Но и от этой раны боли не чувствовалось. Дейлт выбежал из залитой кровью каморки в другой коридор, потом глаза вдруг затуманились, голова закружилась, он чуть не потерял равновесие.

— Что такое?

— Тот же самый удар, который разорвал нас на Клатче. Просто теперь я к нему приготовился. Сейчас дела пойдут круче — леди решила лично вмешаться.

Стивен снова бросился вперед, но, взглянув под ноги, увидел, что стоит на самом краю зияющей пропасти. Внизу, в чернильной тьме, ворочалось и плескалось нечто огромное и голодное.

— Это еще откуда? — хрипло шепнул он.

— Из сознания Кали. Оно не настоящее — шагай дальше.

— Ты точно уверен?

— Положительно. Надеюсь, во всяком случае.

— Замечательно.

Скрипнув зубами, Дейлт вновь побежал. К его колоссальному облегчению, ноги касались твердой земли, хоть казалось, будто он плывет в воздухе.

Из стен выползли белые, покрытые слизью щупальца толщиной с его ляжку, потянулись к нему. Он снова остановился.

— То же самое?

— Будем надеяться. Ты видишь лишь ничтожную долю того, что я видел. Почти все просмотрел. Пока она с нами только играет. Наверняка кое-что придерживает до той минуты, когда...

Справа в стену ударило копье, прекратив дальнейшую дискуссию. Стивен с «айбизаном» в руке развернулся, и стрела воизмилась во впадину под левой ключицей. Страже, охранявшей вход в храм, удалось обойти флитер кружным путем и пуститься в погоню по коридору. Осветив все вокруг вспышкой, «айбизан» с оглушительным в тесном туннеле грохотом начал косить бегущие ряды, ос-

тавив много мертвых и покалеченных, однако Дейлт успел получить очередную стрелу под реберную дугу справа. На пол потекла жидкость смешанного зеленого, желтого и красного цвета.

— Долго я это буду терпеть? И так уже похож на никанского игольчатого червя!

— Терпеть еще долго можно. Правда, не таких ран, как последняя. Стрела пробила желчный проток. Ты теряешь желчь. И кровь. Я мало что могу сделать с кровотечением из венозных синусов в печени. Впрочем, с нами все будет в порядке, пока стрела не попала в какой-нибудь крупный сустав, не повредила главный двигательный нервный пучок аксона, что серьезно нарушило бы двигательные способности. Стрела под ключицей — серьезный звонок — чуть-чуть не попала в плечевое сплетение. На сантиметр выше, и ты лишился бы...

Голос на полуслове заглох.

— Пард! — окликнул его Дейлт.

— Беги! — прозвучал в сознании резкий напряженный крик. — Сейчас она на нас бросит все силы... — Голос снова умолк и опять зазвучал: — Я подскажу, куда поворачивать!

Стивен бросился бежать со всей скоростью, которую удавалось выжать, хромая на левую ногу, стараясь, чтобы торчащие в теле стрелы не задевали тесные стены. Коридор превратился в лабиринт. На каждом перекрестке он мысленно слабо слышал «налево», «направо». Летели минуты — голос все слабел и слабел, наконец стал едва различимым среди его собственных мыслей.

— Поторопись, пожалуйста! — тихо взмолился Пард.

Стало ясно, до чего он испуган: за двенадцать столетий Пард ни разу не сказал «пожалуйста».

— Еще два поворота налево, и будешь на месте. Не тяни. За последним углом сразу открывай огонь.

Дейлт угрюмо кивнул, намереваясь точно выполнить указание. Но в нужный момент, совершив последний поворот, долю секунды помедлил, присматриваясь, куда надо стрелять.

Перед ним, с улыбкой раскинувшись на подушках, лежала она.

Эл.

Стивен увидел ее, абсолютно не чувствуя ненужности этой картины. Ее смерть почти тысячу лет назад — просто кошмарный сон. И вот он проснулся на той же Толиве, а не на какой-то безумной планете на дальнем краю галактики.

Он шагнул к ней, чуть не выпустив из руки «айбизан», и тут каждый нейрон в его теле со-дрогнулся от односложного приказа:

— Огонь!

Палец инстинктивно нажал на спусковой крючок, Эл разлетелась в кровавые брызги. Дейлт вдруг вернулся к реальности, паля в цель из грохочущего, прыгавшего, дергавшегося с каждой отдачей оружия, пока не опустела обойма.

Эхо, наконец, утихло, пришла тишина.

Не так много осталось от Кали. Он мельком взглянул на останки, отвернулся, и его стошнило. Хватая ртом воздух, вытирая крупные капли пота на подбородке, Стивен обратился к Парду:

— Надеюсь, регенерация невозможна?

Нет ответа.

— Пард! — окликнул он вслух, переживая тревожное мгновение повторения прежнего.

Только на этот раз знал, что Пард здесь — необъяснимое ощущение подтверждало его при-

существо. Пард, пострадавший, ослабший, израненный, заныл в самый дальний угол сознания Дейлта. Однако он на месте.

Не смея оглянуться назад, Дейлт повесил «айбизан» на крючок у правого плеча, стволами наравне со стрелой в собственной печени, и вновь вошел в лабиринт. Сначала сосредоточился на поисках выхода, потом заметил на полу в слабом свете знакомые капли мутной жидкости. Это был оставленный им на пути сюда кроваво-желчный след. Желчь сочилась из печени и по стреле текла на пол.

Всего пару раз повернув не в ту сторону, Стивен умудрился выбраться из лабиринта и захромал к флитеру. Там его поджидала другая проблема.

Вокруг корабля столпился крупный отряд охранников Кали. Он мгновенно среагировал, выхватив «айбизан». Тщетный, напрасный жест: обойма пуста...

И вдруг стражи, завидев его, опустила оружие, повалилась перед ним лицом на землю.

Знают, что она мертва, понял Дейлт. Откуда-то знают.

Секунду поколебался, потом осторожно потащился дальше между благоговейно распростершимися почитателями и их мертвыми братьями, недавно на него нападавшими.

Трудно было влезть во флитер с застревавшими в окне стрелами, торчавшими из груди и спины. Он решил задачу, выдернув стрелу под ключицей вместе с лоскутом кожи размером с ладонь.

Устроившись перед панелью управления, спачала заменил пустую обойму полной — просто на всякий пожарный случай — и начал включать приборы.

На видеоэкране справа сразу вспыхнуло лицо сержанта. Дейлт быстро настроил линзы передатчика, снизив резкость собственного изображения.

— Целитель! — с явным облегчением воскликнул сержант. — С вами все в порядке?

— В полнейшем, — заверил он. — Как там у вас дела?

Сержант расплылся в ухмылке:

— Сперва было туговато, два флитера получили повреждения, один сбит. А когда вроде совсем плохо стало, противники отступили. Просто бросали оружие, всей ордой повалили на берег, не обращая на нас никакого внимания. Одни бились в океан, погребли к острову, остальные бесцельно бродят у кромки воды.

— Значит, наши все целы? — уточнил Дейлт.

Двигатель флитера уже гудел. Он дал задний ход, прибавил мощность. Корабль завибрировал, стараясь выбраться из прохода, со скрежетом вы-свободился, отскочил от стены, прежде чем Стивен успел сбросить газ и выровняться. Коридор был слишком узок для полного разворота, поэтому он решил лететь задним ходом.

Сержант что-то сказал, а Дейлт, не расслышав, попросил повторить.

— Я говорю, пару моих ребят подожгли, но они будут в целости и сохранности, если вернемся.

Глядя назад через левое плечо и держа двумя пальцами рычаг управления, он полностью сосредоточился на управлении флитером, двигавшимся задним ходом. Только когда коридор максимально расширился, в памяти мелькнуло слово «если».

— Что значит «если вернемся»? — спросил он, переключив двигатели на нейтральную тягу и на-

жав кнопку, которая автоматически развернёт флитер на сто восемьдесят градусов по оси.

— Врата, туннель, искривленное пространство, как там его ни назвать, закрылись, — отвётил сержант. — Как нам попасть домой?

У Дейлта перехватило горло, но он принял бравый вид.

— Просто сидите спокойно до моего прибытия. Конец связи.

— Ладно, — мигом приободрился сержант, уверенный, что Целитель все может. — Конец связи.

Монитор погас.

Стивен выбросил из головы проблему преодоления расстояния в шестьдесят тысяч световых лет, которые отделяли его небольшой отряд от остального человечества, и сосредоточился на пятнышке света перед собой. Пока обратный путь идет слишком уж гладко. От невольного ожидания каких-нибудь репрессалий голова непрерывно кружилась, пока флитер с нарастающей по инерции скоростью мчался к концу коридора и дневному свету.

Однако никаких контрмер не последовало. Вылетев из темноты в открытое пространство, Дейлт увидел на лестнице у входа в храм распростертых в земном поклоне калийцев. Почти все взоры были устремлены на восток, но тут и там головы поднимались, поворачивались вслед парившему над толпой флитеру, направлявшемуся к материку. Выражения лиц видно не было, но позы и телодвижения инопланетян выражали горькое чувство утраты. Провожавшие его взгляды как бы говорили: «Ты убил нашу богиню, а теперь отказываешься занять ее место, оставив нас ни с чем».

Стивену вдруг стало жалко калийцев. Одноединственное существо целиком исказило, испортило, погубило их культуру. И вот этого существа больше нет. Дальше грядет жуткий хаос. Но из сумятицы родится новое общество на более широких основах, с милостивым, будем надеяться, богом или вообще без бога. В любом случае лучше.

— Возможно, — заметил знакомый голос, — новым богом станет калиноид с серебряной пряжью волос и золотой рукой. Менестрели будут петь, как он преодолел бездну, отмел легким взмахом копья и стрелы, победил всемогущую, убил бессмертную.

— Вижу, ты снова набрался сил.

— Не совсем. Может быть, никогда полностью не оправлюсь от этого кошмара. Надеюсь, все долги оплачены, ибо я никогда больше не стану подвергать свое существование подобному риску.

— От всей души надеюсь, что впредь подобного риска никогда не возникнет. Долги, естественно, оплачены раз навсегда.

— Хорошо. Отныне, вскакивая среди ночи от перепуганных воплей в мозгу, не волнуйся. Это я вспоминаю пережитое.

— Неужели так плохо, а?

— Одно могу сказать — удивительно, что мы живы.

Берег уже хорошо просматривался, видно было, как несколько калийцев внизу отчаянно плывут к острову.

— Ты знаком с генератором искривленного пространства? — поинтересовался Дейлт.

— Да. Как я тебе рассказывал, Кали приводила его в действие психонической силой. Теперь, когда она мертва, логично заключить, что он больше не

будет работать. Думаю, мне его ненадолго удастся включить. Так что зови сержанта, пусть поднимает своих ребят в воздух — нам надо поторапливаться.

Дейлт так и сделал, обнаружив на берегу четыре из пяти флитеров, куда пересадили вдобавок людей с разбившегося корабля.

— Наступил критический момент, — провозгласил Пард. — Могу только надеяться, что этот самый проход как-нибудь зафиксирован на том же самом месте, ибо не имею ни малейшего представления, куда он ведет. Вполне можно в конце концов оказаться на Солнце или где-нибудь за пределами галактики.

Стивен просто буркнул:

— Давай! — и загерметизировал кабину.

Сначала ничего не происходило, потом возник серый диск. Он постепенно неуклонно расширялся, и, как только достиг диаметра, способного вместить флитер, Дейлт рванулся вперед в неизвестность.

XXII

Дрейф в двухмерной серости казался бесконечным. Наконец первый флитер, словно из-за занавеса, выскочил в реальное пространство, на дневной свет, в Центр Федерации. Перед ним и над ним выше в воздухе выстроилась чуть ли не вся федеральная армия в полной боеготовности. В переулочке было сосредоточено больше смертоносного оружия, чем на некоторых планетах. И все было направлено на Дейлта.

Он осторожно вел флитер к земле между изувеченными телами калийцев, тихо посадил ко-

рабль в ожилании остальных. С появлением последнего флитера воронка свернулась внутрь самой себя и исчезла.

— Все кончено! — с облегчением объявил Пард. — Если калийская раса не породит еще одного ненормального психа, который научится управлять генератором, проход сквозь искривленное пространство больше никогда не откроется.

— Хорошо. К тому времени, как мы с ними вновь встретимся — безусловно, не раньше чем через несколько тысячелетий, — они наверняка будут чуточку посговорчивей.

Когда проход закрылся, снайперы из другого флитера открыли все люки и высыпали на мостовую. Увидев товарищей, готовые к бою войска, окружавшие их, опустили оружие, грозная демонстрация прекратилась. К флитерам разом бросились радостные, приветственно машущие солдаты.

Откуда ни возьмись возник Петрикал, примчавшись на маленькой открытой гравитационной платформе. Мельтешившие солдаты расступились, он приземлился рядом с флитером Дейлта.

Стивен открыл шлюз, вышел ему навстречу. Его появление произвело на толпу мгновенный эффект. Как только высунулась голова с примечательной белоснежной прядью, грянул громкий лиkующий хор, который внезапно умолк, захлебнувшись, когда вылезло туловище. Воздарилась мертвая тишина, время от времени прерывавшаяся тревожным шепотом.

— Прошу прощения за свой внешний вид, — извинился он, глядя на торчащие в своем теле окровавленные стрелы и сунув «айбизан» под мышку, — просто столкнулся с некоторым сопротивлением.

Петрикал судорожно тяжело сглотнул.

— Вы действительно Целитель! — пробормотал он.

— Хотите сказать, у вас были сомнения? — с кривой улыбкой уточнил Дейлт, ступив на платформу.

Петрикал рывком поднял ее над молчавшей толпой.

— Честно признаться, да. Я всегда думал, что существует цепочка «целителей», однако, по-моему, вы настоящий.

— Возможно. Куда направляемся?

— Ну, я собирался доставить вас на заседание Совета, там жаждут лично вас выслушать. — Он покосился на стрелы. — Но с этим можно обождать. Поедем в лазарет.

Дейлт положил руку ему на плечо:

— Давайте в Совет. Я вполне хорошо себя чувствую. В конце концов, — повторил он афоризм многовековой давности, — что это за Целитель, который не может себя исцелить?

Петрикал ошеломленно затряс головой и свернулся к залу заседаний Верховного Совета.

Там практически в точности повторились события, происходившие в переулке. Делегатам и представителям было объявлено об успешном завершении миссии Целителя, который вскоре прибудет и лично к ним обратится. Многие из присутствовавших в палате мужчин и женщин, приверженцев культа Целителя, запели перед его появлением ликующий гимн. Подобно толпе в переулке, зал, завидев его на высокой трибуне, громко завопил в один голос и мигом умолк, осознав, что он смертельно ранен. Дейлт махнул рукой, ободрительно улыбнулся, и его приветствовал совсем уже оглушительный рев.

С ужасом поглядывая на пронзенное стрелами тело, старичок, временно исполнявший обязанности председателя Совета, пытался призвать собрание к порядку, но никто не обращал на него никакого внимания. Делегаты и представители, стоя в проходах, кричали, махали руками, обнимали друг друга. Дейлт заметил Иосифа Ленду, спокойно стоявшего среди делегации Клатча. Взгляды их встретились, Дейлт кивнул, поздравляя его. Тот в ответ тоже кивнул с улыбкой.

Выждав несколько шумных сумбурных минут, Стивен почувствовал нараставшее нетерпение. Переключив «айбизан» на одиночные выстрелы, протянул его исполняющему обязанности председателя:

— Воспользуйтесь вот этим вместо молотка.

Старик с понимающей усмешкой взял оружие, прицелился в высокий потолок, быстро выпустил четыре заряда подряд. Акустический материал с легкостью погасил ударную силу зарядов, а сопутствующим шумом не справился. Толпа сразу стихла.

— Теперь, когда я добился вашего внимания, — сурово объявил исполняющий обязанности председателя, — прошу всех занять свои места.

Члены Совета с добродушным смехом исполнили приказание.

— Никогда в жизни не видел таких энергичных, живых и взволнованных представителей! — прошептал раскрасневшийся от возбуждения Петрикал.

Дейлт кивнул и мысленно признался Парду:

— Я и сам сильно взволнован.

— Давно пора, — прозвучал язвительный ответ. — Ты уже пару столетий не проявляешь особого оживления.

— Есть предложение, — начал временно исполняющий обязанности председателя, — провозгласить Целителя верховным главой Федерации. Мне хотелось бы...

Его голос, предельно усиленный микрофоном, утонул в сумбурных восторженных криках.

Старик, пожимая плечами, покинул трибуну, предоставив демонстрации идти своим ходом. Вскоре разрозненный хор в один голос запел:

— Целитель!.. Целитель!.. Целитель!..

В сознании демоном-искусителем зудел голос Парда:

— *Они у тебя в руках. Бери на себя руководство и направляй отныне ход истории человечества.*

— *Вроде Кали?*

— *Ты не окажешь дурного влияния. Посмотри на них! На тарков, лентинианцев, людей! Подумай, какое великое дело для них можно сделать!*

Стивен задумчиво смотрел на толпу, упиваясь опьяняющим гимном:

— Целитель!.. Целитель!.. Целитель!..

И вдруг вспомнил Толиву.

— *Мой ответ тебе известен.*

— *Даже искушения не испытываешь?*

— *Ни малейшего. Не помню, когда я в последний раз чувствовал себя настолько полным жизни. Мне здесь еще многое хочется сделать, достичь многих целей, но только не власти.*

Молчание Парда звучало одобрительно.

— *Что им скажешь? — спросил он наконец.*

— *Точно не знаю. Что-нибудь насчет верности Уставу Ла Пага. Скажу, что Федерация должна быть средоточием, но ни в коем случае не источником целей... Пожелаю им мира, свободы, любви, дружбы, счастья, процветания, прочих разнообраз-*

ных политических благ. А самое главное, твердо скажу — «нет, спасибо».

— Ты уверен? — допытывался Пард. — Не хочешь, чтоб тебя провозгласили вождем всей человеческой расы и нескольких других в придачу?

— У меня есть дела поинтереснее.

Эпилог

Колко устроился у костра, глядя на фургон, стоявший в темноте поодаль. Его табор тесельских цыган вернулся нынче вечером рано, готовясь к завтрашнему отбытию на Лантус. Он был уязвлен и сердит — но не сильно. Талана нашла себе нового менталиста, поэтому больше в нем не нуждается.

Было искушение зайти в фургон и разобраться с обоими, но он решил не делать этого по многим соображениям. Во-первых, они с Таланой эмоционально не связаны. Страдает его гордость — не сердце. Во-вторых, скандал вокруг любовного треугольника только распугает мирную маленькую компанию, что совсем нежелательно. Наконец, пришлось бы столкнуться с новым менталистом, что ему не особенно нравится.

У нового члена табора впечатляющая фигура, золоченая кожа, серебристые волосы — сплав драгоценных металлов. И немалый талант. Колко знал, как работают менталисты, но даже не догадывался, каким образом этот выкидывает свои фокусы.

Парень симпатичный, но скрытный. Разумеется, не распространяется о своем прошлом, хотя в этом нисколько не отличается от всех прочих тес-

пельских цыган. Вместе со всеми хохочет у костра, может выпить жуткое количество вина, не моргнув даже глазом. Держится всегда на шаг в стороне. Есть у него еще странная привычка то и дело бормотать что-то вслух. Впрочем, об этом никто его не расспрашивает... Он как бы намекает, что не рекомендуется совать нос в его личные дела и обычаи.

Ну и пусть берет себе Талану. К табору по дороге прибываются другие танцовщицы, может быть, покрасивей Таланы и лучше в постели. Хотя для этого им придется постараться.

Пусть живут. Жить нынче очень даже неплохо. Хорошее вино, хорошая компания, хорошая погода, хорошие толпы праздных людей в городах.

Колко схватил искривленную артритом ветку, расщевелил угли, провожая взглядом плавно взлетевшие искры, смешавшиеся с мерцавшими над головой звездами.

Пусть живут.

Литературно-художественное издание

Вилсон Ф. Пол

ЦЕЛИТЕЛЬ

Роман

Ответственный редактор *З. В. Полякова*

Художественный редактор *И. А. Озеров*

Технический редактор *Н. В. Травкина*

Ответственный корректор *В. А. Андриянова*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 21.12.2005

Формат 82x100 $\frac{1}{2}$. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,96. Уч.-изд. л. 9,85

Тираж 7 000 экз. Заказ № 7006

ЗАО «Центрполиграф»

125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPÖL@DÖL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

ц е л и т е л ь

Экспериментальный искусственный мозг угнал космический корабль и скрылся на планете, некогда колонизированной людьми. Отправившись в поисковую экспедицию, планетарный разведчик Стивен Дейлт случайно приобретает симбионта, наградившего его бессмертием и сверхчеловеческими способностями, и становится легендарным целителем, а заодно мишенью для бандитов. Тем временем на другом краю Млечного Пути неизвестная раса готовится напасть на человечество, и кажется, ничто не может ее остановить...

ISBN 5-9524-2099-0

9 785952 420991

ЦЕНТРОЛИГРАФ®